КЛАССИКА ДЕТЕКТИВА

Ниро Вулф возвышается над своими противниками подобно башне... Это необыкновенная личность, созданная воображением писателя.

New Yorker

·ВСЕ·РАССЛЕДОВАНИЯ·НИРО·ВУЛФА·

РЕКС СТАУТ

Слишком много женщин

Слишком много женщин
Рекс Тодхантер Стаут

Аннотация
Рекс Стаут. Слишком много женщин
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20

Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35

Аннотация

Ниро Вулф, страстный коллекционер орхидей, большой гурман, любитель пива и великий сыщик, практически никогда не выходит из дому. Все преступления он распутывает на основе тех фактов, которые собирает Арчи Гудвин, его обаятельный, ироничный помощник с отличной памятью.

Рекс Стаут
Слишком много женщин

Rex Stout
TOO MANY WOMEN
Copyright © 1947 by Rex Stout
This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK
and The Van Lear Agency
All rights reserved

КЛАССИКА
И
ДЕТЕКТИВА

Серия «Иностранная литература. Классика детектива»

Перевод с английского Анатолия Ковжуна
Оформление обложки Ильи Кучмы
Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© А. Б. Ковжун, перевод, 2014
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство Иностранка®

* * *

Глава 1

Все та же привычная канитель. Порой я нахожу ее занятной, порой она меня только утомляет, а то и приносит жуткую боль, особенно когда мое общение с Вулфом чересчур затягивается, грозя нам обоим сплошными неприятностями.

На сей раз все начиналось даже забавно, хотя в дальнейшем веселье сошло на нет. Некто Джаспер Пайн, президент компании «Нейлор-Керр» с офисом на Уильям-стрит, 914, где здание в тридцать этажей выглядит низенькой хибаркой, вознамерился вызвать Ниро Вулфа к себе, чтобы обсудить какое-то важное дело. Я вежливо и терпеливо разъяснил ему, что Вулф слишком ленив, тучен, а главное — гениален, чтобы мчаться куда-то по первому зову. Днем же, перезвонив вновь, мистер Пайн настоял на личной беседе с Вулфом. Разговор этот, разумеется, вышел прискорбно коротким и радости звонившему не принес. Спустя час, когда Вулф удалился наверх, в оранжерею, я решил хоть чем-то себя занять, набрал номер компании «Нейлор-Керр», дождался, пока трубку не взял сам мистер Пайн, и поинтересовался, от-

чего он сам не хочет посетить нас. Пайн рявкнул в ответ, что слишком занят, и пожелал узнать, кто я вообще такой.

Пришлось объяснить, что меня зовут Арчи Гудвин, в ком воплотились сердце, печенка, легкие и прочие потроха частного детективного агентства Ниро Вулфа, тогда как сам Вулф представляет собой исключительно мозги. Пайн не без сарказма осведомился, как у меня самого с гениальностью, на что я ответил: чего нет, того нет; по сравнению с Вулфом я обычный смертный.

— Могу к вам заскочить, — предложил я затем.

— Нет уж! — без лишней грубости отрезал Пайн. — На сегодня мой график уже расписан. Приходите завтра в десять утра. Вернее, в пятнадцать минут одиннадцатого.

Глава 2

В каменных пирамидах Уолл-стрит, взметнувшихся на девятьсот футов или того выше, обосновались охотники за выгодой всевозможных мастей — от карликов, занявших одну только комнату, до супергигантов, которым и десяти этажей мало. Название «Нейлор-Керр» казалось мне смутно знакомым, но я не представлял себе истинных размеров компании и удивленно повел бровью, вычитав из висящей в холле таблички, что фирма арендует целых три этажа. Офисы руководства располагались на тридцать шестом; туда-то я и направился. Толстые ковры, обшитые деревянными панелями стены и обилие пустого пространства не скрыли от меня, что секретарша, пусть и не слишком безобразная с виду, давно миновала тот роковой возраст, после которого начинаешь пожинать посеянное в молодости.

В десять четырнадцать мы с ней поздоровались, а пятью минутами позже меня уже вели по коридору на встречу с президентом компании. Пайн, ясное дело, занимал офис в углу здания, сплошь в огромных окнах, но вынужден признать, что

вопреки всем коврам, панелям и мебели, какую обычно видишь в витринах дорогих магазинов, работа здесь действительно кипела. Такое у меня создалось впечатление.

Возрастом Джаспер Пайн не уступал своей секретарше — где-то под пятьдесят, пожалуй, — вот только годы были ему к лицу. Пиджак сидел на сутулой спине как влитой, явно пошит на заказ. Но если не брать во внимание костюм, Пайн куда больше походил на бригадира или начальника цеха, чем на главу корпорации. Словно доказывая, что он тоже обычный человек, Пайн встретил меня в центре кабинета, пожал руку и, вместо того чтобы отгородиться рабочим столом, направился к паре удобных кресел, выставленных в проеме между окнами.

— По утрам у меня довольно людно, — признался он таким глубоким голосом, что казалось, появись надобность, президент наберет чуть больше воздуха в грудь — и его услышат в Центральном парке.

Глядя на Пайна, я не мог взять в толк, о чем пойдет речь: о пропаже карандашей со склада (чем мы побрезговали бы заняться) или о слежке за супругой (что выходило за пределы интересов Ниро Вулфа). Уточнить по телефону он отказался.

— Итак, — пробасил Пайн, — опишу дело вкратце. Недавно я просматривал кое-какие отчеты и заметил, что текучка кадров в главном офисе за тысяча девятьсот сорок шестой год превысила двадцать восемь процентов, и это не считая обслуживающего персонала. Многовато. Я решил выяснить, в чем проблема. Для начала набросал бланк вопросника, который мы затем размножили. Две тысячи копий были направлены главам отделов, с тем чтобы они заполнили по бланку на каждого работника, покинувшего компанию в течение сорок шестого года. Затем все рапорты вернулись ко мне. А вот этот прислал начальник нашего отдела фондов. — Пайн поднял на ладони бумажный листок. — Взгляните-ка. И читайте до конца.

На писчей бумаге стандартного формата была аккуратно отпечатана таблица. Вверху тянулась надпись:

ВЕРНУТЬ В ОФИС ПРЕЗИДЕНТА НЕ ПОЗДНЕЕ 10 МАРТА.

Графы заполнили на пишущей машинке. Сперва шло имя бывшего сотрудника — Уолдо Уилмот Мур (в данном случае). Возраст: 30 лет. Семейное положение: Холост. Домашний адрес:

Отель «Черчилль». Зачислен в штат: 8 апреля 1946 г. Обстоятельства найма: Личное обращение. Должность: Контролер корреспонденции. Жалованье: 100 долларов в неделю. Повышение: До 150 долларов в неделю с 30 сентября 1946 г. Дата увольнения: 5 декабря 1946 г.

В других графах содержались сведения о том, как Уолдо Уилмот Мур справлялся с работой, ладил с сослуживцами и непосредственным начальством и прочее в том же роде, а в самом низу, конечно же, задавался главнейший вопрос — причина увольнения (подробно). Далее следовало дюйма три пустого места — более чем достаточно для детального ответа. Однако в данном бланке хватило одного-единственного слова. А именно: «Убит».

Глава 3

Стало быть, все-таки не кража карандашей. Я поднял взгляд на Джаспера Пайна.

— Блестящая мысль! — с восторгом в голосе похвалил я. — Эти рапорты покажут, где слабина и какие меры стоит принять. Хотя, наверное, случай с Муром можно считать исключением. Едва ли многие из ваших двадцати восьми процентов оказались убиты. Кстати говоря, по роду занятий мне приходится следить за убийствами, но такого я не припомню. Это случилось где-то поблизости?

Пайн замотал головой:

— Мур угодил под колеса. В самом центре Нью-Йорка. Водителю удалось скрыться. Кажется, подобные происшествия квалифицируют как несчастный случай, а не убийство. Убийство подразумевает преступный умысел. Сам-то я не юрист, но навел справки, когда в рапорте… когда увидел ту строчку. — Тут он досадливо махнул рукой. — Водителя искали, но не нашли. Мне нужно, чтобы Ниро Вулф выяснил, есть ли основания считать случившееся убийством.

— Из чистого любопытства?

— Нет. Я не счел возможным отправлять подобную бумагу в архив. Голословное утверждение, будто одного из наших сотрудников убили. Если, конечно, оно голословное. Поэтому я обратился за разъяснениями к главе отдела фондов, который составил рапорт. Мне хотелось знать, что конкретно подвигло его на подобное заявление. Он же отказался назвать причину. Согласился с моим определением убийства и несчастного случая, но наотрез отказался внести поправку или составить новый рапорт, где стояла бы другая мотивировка. Настаивал на верности документа в том виде, в каком он есть. Не пожелал ни прояснить свою позицию, ни обсудить детали.

— Господи ты боже! — воскликнул я. — Не иначе, этот тип установил новый рекорд. Какой-то начальник отдела перечит президенту корпорации! Четыре отказа подряд! Да кто он такой? Мистер Нейлор? Или, может, мистер Керр?

— Его зовут Керр Нейлор.

На мгновение мне почудилось, что Пайн просто шутит, разряжая атмосферу, но выражение его лица быстро доказало обратное. Президент «Нейлор-Керр» не спеша прикурил сигарету, явно совершая сей маневр с единственной целью —

скрыть смущение. Определенно Пайн пребывал в замешательстве.

От души затянувшись, он громогласно кашлянул и пустился в разъяснения:

— Керр Нейлор приходится сыном одному из учредителей компании. Керром его назвали в честь второго учредителя. У него за плечами… хм… нестандартная карьера. К тому же он брат моей жены. Вообще говоря, он и сейчас контролирует немалую часть акций корпорации, хотя уже не владеет ими — пустил по рукам. Он не желает участвовать в управлении компанией и отказывается войти в совет директоров.

— Ясно. Закоренелый упрямец.

Опять этот раздраженный, нетерпеливый жест. Короткое движение кисти — резкое, но не надменное.

— Как вы уже поняли, — продолжил Пайн, — ситуация сложилась непростая. Когда мистер Нейлор отказался объяснить ту строчку в рапорте или изменить ее, дело можно было спустить на тормозах и попросту уничтожить бумажку. Однако я уже успел упомянуть о ней двум своим заместителям и члену совета, причем все как один посчитали, что вопрос стоит изучить. Опять-таки новость о рапорте с такой формули-

ровкой разнеслась по отделу — надо полагать, не без помощи печатавшей рапорт машинистки, — и поползли нездоровые слухи. Этот самый Мур вызывал пересуды, так скажем, повсюду, где бы ни появлялся, и на́ тебе: почти четыре месяца в могиле, а он опять за старое! Для нас подобные истории крайне нежелательны, их следует прекратить.

— Угу. Сначала вы вроде собирались нанять мистера Вулфа для выяснения того, что кроется за словом «убийство», употребленным в рапорте. А теперь жаждете положить конец сплетням. Лучше уж определитесь.

— Одно приведет к другому, разве нет?

— Вовсе не обязательно. Если мы обнаружим, что Мур действительно убит, и этот вывод станет всеобщим достоянием, слухи наверняка прорвут плотину, не говоря уже о других вероятных последствиях.

Пайн бросил взгляд на наручные часы, раздавил в пепельнице окурок и поднялся на ноги.

— Черт подери, — выдохнул он, уже намного тише, — неужели нужно объяснять, какие сложности возникли из-за подписи Керра Нейлора под треклятым рапортом?! Это досадное недоразумение отрывает меня от насущных дел! Отец Керра,

старик Джордж Нейлор, по-прежнему жив-здоров и все еще председательствует в совете директоров, хотя давным-давно передал все свои акции детям. Эта компания старейшая и крупнейшая в своей области, крупнейшая в мире, и мы горды нашими традициями и репутацией. А вместе с тем накопились и… мм… свои нюансы. Директора и управляющие, которые сейчас тянут лямку — я лишь один из них, — хотят внести ясность в этот вопрос, и мне нужно, чтобы Ниро Вулф засучил рукава.

— То есть Вулфа нанимает корпорация? Верно?

— Разумеется!

— И чего она желает? Минутку, я выражусь иначе. Мы должны либо обосновать то словечко в рапорте, либо заставить уважаемого мистера Керра Нейлора слопать свою бумажку. Этого вы хотите?

— Грубо говоря, да.

— А полномочия нам предоставят?

— Рассчитывайте на любое разумное содействие. Все детали будете обсуждать со мной… Опять пустая трата времени! Действовать придется осмотрительно и деликатно. Мне приходила в голову мысль устроить Ниро Вулфа к нам в отдел фондов — под чужим именем, естественно, — и

тогда ему удалось бы… Что такое?

— Ничего. Вы уж простите.

Я тоже встал. Стоило мне вообразить, как Вулф каждое утро топает по Уильям-стрит в толпе спешащих на службу белых воротничков (ладно, допустим, я мог бы подвозить его к конторе), пробивает учетный талончик под табельными часами и затем целый день трудится в отделе фондов, и я уже ничего не мог поделать с собственным лицом.

— Прекрасно, — выдавил из себя я. — Думаю, этого хватит для доклада мистеру Вулфу. Однако мы еще не упомянули деньги. Сразу должен предупредить: послевоенная инфляция никак не отразилась на его расценках, которые и прежде были непомерно высокими.

— Наша компания не скупится на вознаграждение за хорошую работу.

Поздравив с этим Пайна, я схватился за шляпу и плащ.

Глава 4

Между мной и Вулфом вновь пробежал холодок. Подобные моменты случались в среднем раза четыре на неделе — за год набегала, скажем так, пара сотен стычек. В данном случае причин было две. Во-первых, мое естественное желание получить в распоряжение новый автомобиль натолкнулось на упрямую решимость Вулфа обождать с покупкой еще год. Во-вторых, он зачем-то вознамерился приобрести бесшумную пишущую машинку и плевать хотел на мою привязанность к старой.

Так вышло, что холодом веяло и от других обитателей принадлежавшего Вулфу особняка из бурого песчаника на Западной Тридцать пятой улице, недалеко от набережной Гудзона, который он использовал как резиденцию и офис одновременно. Считая самого Вулфа, нас там обреталось четверо, и все мы теперь источали холод. Вулф вздумал во что бы то ни стало приправить базиликом суп из моллюсков, с чем никак не мог согласиться Фриц Бреннер, наш повар и дворецкий. Некий субъект из Нью-Гэмпшира прислал

Вулфу в знак благодарности три бегонии недавно выведенного сорта «Тимблберри», и тот выставил цветы в прохладной секции оранжереи, чем, естественно, вызвал страшное недовольство Теодора Хорстмана, нашего цветовода, который считал сорняком любое растение, кроме орхидей.

Короче говоря, атмосфера в доме неуловимо напоминала арктическую, и я, спускаясь в лифте, задумался о том, что вся эта дребедень с «Нейлор-Керр», или с Керром Нейлором, или с делом Пайн — Керр-Нейлор — очень даже удобный предлог сбежать от холода хотя бы на несколько дней. Почему бы мне самому не устроиться в отдел фондов? Эту перспективу я взвесил тщательнее, прошмыгнув в такси под носом у пары других страждущих.

Соглашаться на любую вакантную должность не показалось мне практичным шагом. Дружеский треп с лифтером помог выяснить, что «Нейлор-Керр» производит и поставляет промышленное оборудование и запчасти к нему, в чем я, понятно, был полный профан, разве что спецовку мог натянуть, и только.

Так или иначе, мне требовалась должность, которая позволит отираться в кабинетах и общаться с разными людьми, иначе расследование

грозило затянуться на месяцы, чего я допустить никак не мог. И без того будет непросто подвести Вулфа к мысли выделить мне недельку на попытки уладить дело, ведь мои услуги бывают нужны ему ежечасно и могут потребоваться в любую минуту. Начиная с распечатывания почты и заканчивая выдворением нежелательных клиентов — под дулом пистолета, если потребуется. Всякое бывало.

Идея мне понравилась, но я не люблю блуждать впотьмах, когда речь заходит о чем-то хоть отдаленно смахивающем на убийство. Поэтому я заявил водителю такси, что мне только что было видение, и распорядился поворачивать к убойному отделу на Западной Двадцатой улице. Волей случая Пэрли Стеббинс, любезный моему сердцу сержант полиции, оказался на месте и с готовностью раздобыл необходимые мне сведения, испустив лишь три-четыре стона, не более.

Звонок собрату-сержанту в центральный участок помог установить, что Уолдо Уилмот Мур погиб четвертого декабря ближе к полуночи. На тело Мура, лежавшее на Тридцать девятой улице в ста двадцати футах к востоку от Одиннадцатой авеню, наткнулась супружеская чета. Мужчина оставался с Муром, пока его жена бегала звонить

в полицию. Подмога в виде оборудованной рацией патрульной машины прибыла на место в девятнадцать минут второго ночи пятого декабря. Голова пострадавшего была разбита, ноги переломаны, тут уж ничем не поможешь, оставалось только признать бедолагу мертвым.

Машину-виновницу нашли уже на следующее утро: она стояла на Западной Девяносто пятой улице близ Бродвея. Мотор еще не остыл, а угнали ее вечером четвертого с парковки на Западной Пятьдесят четвертой. Владельца долго мурыжили, прошерстили сверху донизу и слева направо, а потом наоборот, но в итоге отпустили восвояси. Свидетелей происшествия не нашлось, хотя выводы патологоанатома и лабораторных спецов, изучавших следы на покрышках и бампере угнанной машины, позволили восстановить картину происшествия.

Дело завели на неизвестного водителя, скрывшегося после наезда на пешехода, и следствие пока не прекращали. Повесив трубку, Пэрли выскочил за дверь, а когда вернулся через пару минут, сообщил, что обстоятельства смерти Мура по-прежнему выясняет убойный отдел, точка в разбирательстве еще не поставлена.

— Ну еще бы! — ухмыльнулся я. — Могу вооб-

разить: долгие совещания, тщательное изучение мельчайших улик, десять лучших следователей ворочают булыжники в поиске новых зацепок…

Пэрли процедил некое словцо и, удовлетворив таким образом мою мимолетную прихоть, осклабился сам:

— Хочешь — пересаживайся за мой стол и засучи рукава! Да колись уже, кто ваш клиент?

Я лишь головой покачал:

— Кажется, я знаю, откуда у тебя этот трескучий голос. Видно, твоя матушка терла мускатные орехи, пока вынашивала тебя… Да кто угодно, хоть страховая компания.

— Брехня! Ни одна страховая компания не станет платить по счетам Ниро Вулфа. Еще раз спрашиваю: кто пустил тебя по следу?

— Пока умолчу об этом. — Тут я решительно поднялся на ноги. — Кому-то что-то привиделось во сне, и все. Если паче чаяния нащупаем в этом деле прочную ниточку, позволим вам за нее ухватиться. Обязательно передай боссу мою любовь.

Впрочем, мне и самому представился шанс расшаркаться. Когда я уже подходил к дверям, босс выскочил мне навстречу — инспектор Кремер собственной персоной, хмурый и весь в спешке.

При виде меня, однако, он застыл как вкопан-

ный и выпалил:

— Что ты здесь забыл?

— Видите ли, сэр, — умоляюще начал я, — богатый опыт дает мне надежду начать простым патрульным, откройся у вас вакансия. Глядишь, мало-помалу я мог бы…

— Прирожденный клоун, — с чувством произнес Кремер. — Это насчет дела Мередита, да? Неужели Вулф осмелился влезть без спроса…

— Нет, сэр, и мистер Вулф счел бы ваши слова за неуместную грубость. Не далее как вчера он заметил: если мистер Кремер когда-либо…

Он зашагал дальше. Укоризненным взглядом я проводил широкую твердую спину инспектора и поспешил выбраться на улицу.

Глава 5

Удобно сидя за рабочим столом, я повесил трубку и сообщил Ниро Вулфу:

— В банке уверяют, что «Нейлор-Керр» могут разгуляться в пределах двадцати миллионов.

Испустив долгий вздох, сидящий за собственным столом Вулф погрузился в молчание. Я пересказал ему всю историю, ограничившись голыми фактами: уже упомянутый холодок между нами помешал расцветить или приукрасить ее. Естественно, первым порывом Вулфа было отказаться от расследования, поскольку любой намек на необходимость пустить в дело мозги неизменно вызывал в нем раздражение. Однако что-то подсказывало, что на сей раз долго увещевать его не придется. Казалось, деньги сами плывут в руки, а они всегда бывают кстати.

Еще один вздох.

Тогда я снова заговорил, хотя и по-прежнему сухо:

— Полагаю, можно принять за гипотезу, что Пайн сам задавил Уолдо Уилмота Мура, но не показывает виду. Причин мы пока не знаем,

но кому-то они наверняка известны. В любом случае платить нам будет корпорация, а не он лично. Одно то, что Пайн хотел предложить вам поработать под прикрытием в отделе фондов, уже доказывает: проблема не дает ему спать по ночам. Вы могли бы устроиться туда под именем Кларенс Камамбер, например, или Перси Щукс… Если дел окажется невпроворот, сможете брать работу на дом, я с удовольствием помогу. «Нейлор-Керр» могла бы платить вам по весу: скажем, по доллару за фунт еженедельно. Сидя или стоя, вы весите около трехсот сорока фунтов, так что ваш годовой оклад составит…

— Арчи, блокнот.

— Да, сэр. — Я открыл блокнот на чистой странице.

— Письмо мистеру Пайну, президенту и прочая. «Мистер Гудвин известил меня о состоявшейся между вами утренней беседе. Я принимаю предложенное Вашей компанией поручение расследовать обстоятельства гибели ее бывшего сотрудника Уолдо Уилмота Мура. Насколько я могу судить, моя задача состоит в установлении и надлежащем обосновании причин его смерти, последовавшей в результате несчастного случая либо в силу чьих-то предумышленных действий.

В эту задачу не входит, как я понимаю, раскрытие личности убийцы или же убийц — если имело место второе, — равно как и поиск изобличающих их фактов. Если же Вы пожелаете получить и эти сведения, прошу уведомить меня отдельно». Новый абзац. «Скорейшему достижению поставленной Вами задачи, как мне кажется, послужит внедрение мистера Гудвина в штат работников компании в качестве специалиста по кадрам. Его присутствие Вы могли бы правдоподобно обосновать как часть стратегии по снижению текучки персонала. Это позволит ему в течение рабочего дня свободно перемещаться по офису компании и беседовать с любыми ее работниками, не вызывая подозрений и не способствуя распространению слухов, пресечь которые Вы намерены. Считаю разумным назначить ему недельное жалованье в размере двухсот долларов». Новый абзац. «Размер моего вознаграждения, разумеется, будет зависеть от времени, которое потребуется для достижения желаемого результата, а также от объема и характера затраченных усилий. Гарантий не предоставляем. Авансовые выплаты необязательны, но, если Вы предпочитаете вести дела подобным образом, мы примем чек на сумму две тысячи долларов. Искренне Ваш». — Тут

Вулф, имевший обыкновение выпрямляться в кресле по ходу диктовки, вновь откинулся на спинку. — После ланча можешь отправиться туда и передать письмо.

Если прежде я был холоден, то теперь меня сковали льды.

— К чему ланч? — завопил я. — Зачем мне есть?

— А почему бы и нет? — Веки Вулфа, дрогнув, приподнялись. — В чем дело?

— Ни в чем. Так, ерунда. Я всего лишь предпочитаю завершить начатое, а то дело затянется на недели. И здесь найдутся одна-две мелочи, требующие внимания, не говоря уже о крошечной вероятности неудобств, которые возникнут, если вы позвоните или окликнете меня, чтобы побрюзжать, что бывает в среднем по десять раз в час, а меня не случится рядом. Или, просто предположим… прежде я как-то об этом не задумывался… что, если вы подыскиваете мне замену?

— Арчи… — промурлыкал он. Когда Вулф принимается мурлыкать, держись подальше. — Не помню, кто это сказал, но я согласен с мнением, что незаменимых людей не бывает. Между прочим, мог бы и заметить, что я предложил клиенту назначить тебе то же жалованье, какое

ты получаешь у меня. Ты волен переписывать чеки «Нейлор-Керр» на мое имя для помещения в банк и, как обычно, получать жалованье в виде моих собственных чеков или же оставлять чеки «Нейлор-Керр» себе в качестве гонорара. Как сочтешь удобным для ведения счетов.

— От всей души благодарю.

Больше я не пытался перечить. Вулф намеренно трижды использовал в одной фразе множественное число — «чеки» — и добился желаемого эффекта. Я достал бумагу и копирку, заправил закладку в машинку и приступил к печатанию — да так, что не оставалось сомнений, бесшумна моя машинка или нет.

Холодок.

Глава 6

Уже наутро следующего дня, в среду, девятнадцатого марта, за день до окончания зимы[1], я приступил к работе в «Нейлор-Керр» на должности специалиста по кадрам.

Сведения, какими я располагал, ничуть не приумножились со времени моей первой встречи с Пайном. Во вторник, когда я отнес ему письмо Вулфа, Пайн благодушно позволил закидать себя вопросами, но ответить толком не сумел. Сочиненный Вулфом план он в целом одобрил и доказал свою состоятельность в роли руководителя, немедленно приступив к руководству.

Это было несложно. Всего дел — вызвать к себе заместителя вице-президента, представить меня, отрекомендовать, поручить зачислить в штат и лично познакомить с главами всех отделов. Что и произошло незамедлительно.

Знакомство состоялось в кабинете заместителя вице-президента, куда были вызваны начальники отделов. Я тут же улучил момент, чтобы

---

[1] Примечания: 1

До весеннего равноденствия, астрономического начала весны. — *Примеч. ред.*

заметить: вот почитаю отчеты, просмотрю записи и начну, пожалуй, с отдела фондов.

В среду утром я приступил к работе, посетив этот самый отдел на тридцать четвертом этаже. Там меня подстерегало небольшое потрясение. Должен признаться, я ожидал увидеть нечто вроде сильно разросшейся скобяной лавки: сплошь ряды полок, до потолка набитых разными разностями, которые не дают разваливаться мостам, и всем таким прочим.

Ничуть не бывало. Моим глазам предстало помещение размером с «Янки-стэдиум», сотни письменных столов, и за каждым — по девице. Вдоль стен из конца в конец тянулись офисные перегородки с распахнутыми настежь или, наоборот, закрытыми дверями. Никаких полок нет и в помине.

Хорошенько присмотревшись, я понял, что работа мне нравится. Девушки. Все до одной неотлучно находятся на своих местах, им и платят-то, чтобы они никуда не уходили. Мне же платят, чтобы я бродил где вздумается и разговаривал, с кем захочу. Так и записано в контракте, черным по белому.

Может статься, проведи я в этом цветнике пару лет, ближайшее рассмотрение выявило бы инди-

видуальные недостатки отдельных экземпляров. Второй сорт и ниже по критериям возраста, силуэта, чистоты кожи, голоса или уровня интеллекта. Однако там, где я замер в девять пятьдесят две утра в ту среду, моим глазам предстала картина, от которой дыхание перехватывало.

Не менее полутысячи девушек. И вместе они создавали общее впечатление чистоты, юности, здоровья, дружелюбия, бодрости, обаяния и отзывчивости. Я стоял, наслаждаясь зрелищем, и пытался изобразить бесстрастность. Передо мной раскинулся целый океан замечательных возможностей.

— Едва ли во всем помещении отыщется хоть одна девственница, — предупредил чей-то голос у моего локтя. — А теперь, если вы пройдете в мой кабинет…

Керр Нейлор, глава отдела фондов. По прибытии я направился прямо к нему, как и было запланировано, и он познакомил меня с десятком заместителей, начальниками секций. Все — мужчины, за двумя исключениями.

Особый интерес вызвал у меня шеф по контролю корреспонденции. В конце концов, Уолдо Уилмот Мур трудился под его началом. Однако я постарался не уделить ему лишнего времени или

внимания сразу. Фамилия его была Дикерсон, он годился мне в дедушки, и у него слезились глаза.

Из нашей короткой беседы я усвоил, что обязанностью контролера корреспонденции было шнырять вокруг, по малейшему капризу пикировать на лежащее без надзора письмо и уносить его в когтях к себе в кабинет для тщательной проверки содержания, тона, соответствия политике компании, выдержанности стиля и четкости оформления.

Стало быть, в отделе фондов контролеру рады не больше, чем сотруднику военной полиции где-нибудь в окопе. И это все усложняло. По всему выходило, что идея прикончить Мура могла прийти на ум любому письмоводителю или стенографу в отделе. Включая тех, кто успел потерять работу. А ведь текучка кадров составила двадцать восемь процентов!

В одиночку разбирать по соломинке весь этот стог сена не входило в мой план достижения счастья, хотя по упомянутым выше причинам процесс мог оказаться весьма занимательным.

Кабинет Керра Нейлора также располагался в углу, но во всех отношениях выглядел куда более скромно, чем офис президента компании двумя этажами выше. По одной стене потолок подпира-

ли канцелярские шкафы с картотекой, на столах громоздились стопы бумаг, занявшие в придачу и пару кресел. Когда мы уселись (он — во главе стола, я же — сбоку и поодаль), мне вздумалось уточнить:

— Значит, девственниц вы предпочитаете не нанимать?

— Что? — Он захихикал. — А-а, это всего лишь наблюдение. Нет, мистер Честнотт, у нас нет подобных предубеждений. Просто я сомневаюсь, что девственницы тут водятся. Итак, с чего вы собираетесь начать?

Тоненький тенор Нейлора вполне соответствовал внешности. Назвать его пигмеем язык бы не повернулся, но в день, когда его лепили, глину явно приходилось экономить. С краской, очевидно, тоже случились перебои: кожа Нейлора выглядела бесцветной, и только глаза подсказывали, что он еще дышит. Цветом они опять же не вышли, зато сохраняли некий танцующий блеск, шедший откуда-то из глубины.

— Думаю, — начал я, — для начала стоит просто побродить тут и составить план действий. То есть совсем нет девственниц? Кто же сорвал все цветочки? Кстати, можете звать меня Питом. Как все.

В ряды служащих «Нейлор-Керр» я решил внедриться под именем Питера Честнотта: мне нравилось, как это звучит. Пайн посчитал, что имя Арчи Гудвин может кому-то показаться знакомым. К вопросу же о девственницах я вернулся для поддержания разговора, надеясь по ходу беседы присмотреться к Нейлору. Увы, то свое замечание он, по-видимому, и впрямь отпустил случайно, и проблема девственниц не слишком его занимала, как это нередко бывает с мужчинами за пятьдесят. Мою подначку он пропустил мимо ушей.

— Как я понимаю, вы намерены досконально изучить проблемы нашего персонала: что было, что есть, на чем сердце успокоится. Если пожелаете начать с конкретики, а уж потом делать обобщения, я предложил бы рассмотреть личное дело Уолдо Уилмота Мура. Он работал у нас на должности контролера в прошлом году, с восьмого апреля по четвертое декабря. Его убили.

Потаенный блеск в глазах Нейлора затанцевал на поверхности и юркнул обратно вглубь. Вопреки стремительному развитию разговора я сумел сохранить невозмутимую мину. Впрочем, кто же откажется удовлетворить любопытство и поохать над жертвой убийства? Естественная ре-

акция, по-моему. Лучше будет отпустить вожжи и хотя бы бровь приподнять.

— Вот тебе раз! — сказал я. — Мне не сообщили, что все настолько запущено. Убили, говорите? Прямо здесь?

— Нет-нет, не в здании. Посреди ночи, на Тридцать девятой улице. Его переехали машиной. Вся голова всмятку, — пискнул мистер Нейлор, а может, то был не писк, а скрип натянутых нервов, вдруг давших слабину. — Меня в числе прочих пригласили в морг на опознание. Престранное это ощущение, могу вам доложить, когда пытаешься в чем-то плоском распознать прежде шарообразный предмет. Попробуй угадай апельсин в оранжевом блине. Чрезвычайно увлекательно, но пытаться снова я бы не стал.

— И как, удалось вам его опознать?

— Ну конечно. Вне всяких сомнений.

— Почему же тогда вы говорите, что он был убит? Злодея все-таки нашли?

— Ничего подобного. Кажется, в полиции смерть Мура посчитали несчастным случаем. Это у них называется «дорожное происшествие с неизвестным виновником».

— Значит, все-таки не убийство. В юридическом смысле.

Нейлор улыбнулся мне. Его чистенькие тонкие губы, сложенные в куриную гузку, сумели бы выразить немногое, но это точно была улыбка, хотя она и пропала, едва возникнув.

— Мистер Честнотт, — заговорил он опять, — если мы хотим по-настоящему сотрудничать, нам стоило бы научиться понимать друг друга. Я человек проницательный. Вы удивились бы, поняв, насколько хорошо я вас уже изучил. Одна моя черта говорит о многом: языки всегда давались мне без труда. Я привык предельно тщательно выбирать слова. Стараюсь обходиться без эвфемизмов и околичностей, будучи осведомлен обо всех глаголах, включая жаргонизмы, которыми можно описать причину чьей-то смерти. Что я говорил о происшествии с Муром?

— Вы сказали, он был убит.

— Именно. Значит, это я и хотел сказать.

— Прекрасно, мистер Нейлор, но я тоже не прочь поиграть в слова.

У меня возникло ощущение, что такую подачу я смогу отбить. Пусть причина, по которой он размахался битой, остается туманной, мне, возможно, повезет выиграть этот иннинг, а то и всю игру в первое же рабочее утро! Попытаться стоило. Мои губы сами растянулись в улыбке.

— Знаете, я просто обожаю слова, — объявил я Нейлору. — Мои оценки по грамматике никогда не опускались ниже четверки, вплоть до восьмого класса. Не то чтобы мне неймется, но раз уж речь зашла о словах… Услышав от вас, будто Мура убили, я могу заключить, что водитель злополучной машины был с ним знаком и намеренно направил на него автомобиль, желая его прикончить или как минимум покалечить. Не к этому ли все сводится?

Нейлор смотрел на стену над моим плечом. Его обращенные ввысь, замершие глаза не обнаруживали прежнего блеска, и мне пришлось вывернуть шею, чтобы понять, чем же он так заинтересовался. Пустая стена, не считая большого циферблата часов. Когда я опять обернулся к Нейлору, его взгляд спустился на уровень моей головы.

Та же скупая улыбка.

— Двадцать минут одиннадцатого, — огорченно сообщил он. — Мне показалось, мистер Честнотт, что президент Пайн нанял вас разрешить проблему с текучкой кадров. Как по-вашему, понравится ли ему, что вы проводите время за болтовней об убийстве, которое никак не связано с данным вам поручением?

Вот же ловкач плюгавый! Как отобьешь такой крученый мяч? Мне виделся только один способ: насадить Нейлора на швабру и протереть им полы. Впрочем, пока это удовольствие пришлось отложить на неопределенный срок. Проглотив обиду, я поднялся со стула и усмехнулся, глядя на него сверху вниз:

— Точно, молоть языком я мастер. Как мило, что вы послушали. Может, отправите наверх циркуляр? Или как там у вас делается? Пусть удержат с меня часовое жалованье в тройном размере. Заслужил, каюсь. — И я вышел.

Если «свои нюансы», упомянутые Пайном, включали острое желание его самого и других боссов компании привязать к хвосту Керра Нейлора консервную банку и погонять его хорошенько, буду счастлив помочь. Скользкий, недобрый тип…

Нейлор до того меня раззадорил, что из его кабинета я сразу двинулся на середину основного зала, наугад лавируя в лабиринте письменных столов и отчаянно крутя головой, чтобы сделать выбор, такой нелегкий в этом вихре лиц, плеч и рук. Далеко не сразу я остановил его на девушке, наверняка прежде работавшей в модном агент-

стве Пауэрса[2] и уволенной только потому, что в ее присутствии все прочие модели выглядели так себе.

Когда я присел на краешек стола, она обратила ко мне ясный голубой взор. Глаза ангела, глаза целомудренной девы.

Я придвинулся ближе.

— Меня зовут Питер Честнотт, — заговорил я. — Меня наняли как специалиста по кадрам. Быть может, шеф вашей секции предупреждал обо мне?

— Предупреждал, — ответила красавица теплым, мелодичным голосом.

Всегда питал слабость к контральто.

— В таком случае подскажите, пожалуйста: какие слухи ходят здесь о человеке по фамилии Мур? Об Уолдо Уилмоте Муре? Вы были знакомы, пока он тут работал?

— Мне так жаль, — покачав головой, ответила она, каким-то чудом сумев вложить в голос еще больше тепла, — но я лишь позавчера устроилась, а в пятницу уже ухожу. И только потому, что не

---

[2] Примечания: 2

Американский актер Джон Роберт Пауэрс (1892–1977) создал в 1923 г. модельное агентство, которое поставляло кадры Голливуду. Среди «девушек Пауэрса» была, например, Бетти Блумер, ставшая впоследствии супругой президента США Джеральда Форда. — *Примеч. ред.*

умею писать без ошибок! Никогда не получалось… — Ее милые пальчики удобно устроились на моем колене, глаза постарались проникнуть в самое сердце. — Мистер Честнотт, не посоветуете ли какую-нибудь работу, где можно забыть о правописании?

Не помню толком, как я с ней распрощался.

Глава 7

Мне выделили собственный закуток — в самый раз для ирландского сеттера, но для дога тесновато — примерно в середине ряда кабинетиков, выгороженных вдоль обращенной к городскому центру стены общего зала. Внутри обнаружились прелестный маленький стол, три стула и канцелярский шкаф, запиравшийся на замок. Ключ от него мне тоже выдали.

По-видимому, через улицу выстроились сплошные хижины, поскольку за окном было пусто, а если скосить глаза, открывался превосходный вид на Ист-Ривер.

Я зашел внутрь и уселся.

Похоже, я по беспечности вляпался в сложную ситуацию, не продумав хорошенько ни стратегии, ни тактики. В результате допущены уже два просчета. Когда Керр Нейлор с места в карьер оглоушил меня убийством Мура, нужно было выставить себя недалеким малым с одной извилиной в мозгу, которого ничто не заботит, кроме кадровых проблем. А когда он сменил тему, опять застав меня врасплох, стоило пойти на попят-

ный и утереться, вместо того чтобы приставать с Муром к чудесному виде́нию, не способному складывать буквы в слова. Слишком рьяно я взялся за дело.

С другой стороны, я точно не собирался тратить неделю или того больше, строя из себя специалиста по кадровым вопросам.

Выкурив пару сигарет в этих раздумьях, я отпер шкаф и вынул оттуда две папки. Надпись на одной гласила: «Отдел фондов. Секция металлоконструкций», на второй значилось: «Отдел фондов. Секция контроля корреспонденции». Сунув обе под мышку, я выбрался на простор, пересек зал по центральному проходу и постучал в дверь кабинета на дальней стороне. Голос изнутри пригласил меня войти, что я и сделал.

— Простите, — сказал я. — Вижу, вы заняты.

Мистер Розенбаум, глава секции металлоконструкций, лысый тип средних лет в очках с толстой черной оправой, махнул мне рукой: давай заходи.

— И что с того, — заметил он без вопросительной интонации. — Когда никто не мешает мне диктовать письма, я сбиваюсь с мысли. Стучаться здесь не принято, вторгайтесь смелее. Присаживайтесь. Я вызову вас попозже, мисс Ливси. Это

мистер Честнотт, о котором говорилось в разосланной сегодня служебной записке. А это мисс Ливси, моя секретарша.

Я уже прикидывал, как это мог ее не заметить. Даже в грандиозном цветнике снаружи. Затем меня осенило: у секретарши начальника секции наверняка имелся собственный кабинет.

Мисс Ливси не казалась такой уж эффектной по сравнению с моей безграмотной голубоглазкой, но в ее облике с первого взгляда угадывались две вещи. Мгновенно возникало впечатление, будто в ней есть нечто прекрасное, что только ты один и способен разглядеть, а вместе с тем — ощущение, будто ей грозит опасность, настоящая беда, и никому, кроме тебя, не под силу это постичь и избавить ее от напасти. Многовато для одного взгляда, отнявшего не более пары секунд? Что ж, я все это узрел и отчетливо помню.

Она вышла, захватив блокнот, и я уселся.

— Спасибо, что позволили вломиться, — поблагодарил я Розенбаума, шелестя страничками в папке. — Много времени не отниму. Просто хочу задать несколько общих вопросов насчет этих отчетов и разобраться поплотнее с одним-двумя. У вас тут лихая организация труда, с этими отделами и секциями. Это все упрощает.

Тут он согласно закивал, но поспешил перебить:

— Без путаницы все равно не обходится. Я отвечаю за металлоконструкции, но недавно должен был принять на склад тридцать семь африканских слонов, как раз в Африке, и мне нипочем не удается спихнуть их в другую секцию. Я придерживаюсь мнения, что слоны не металлические. Придется, наверное, дойти до мистера Нейлора, чтобы избавиться от них.

— Ха! — хмыкнул я. — Так вот где прячутся ваши склады, в Африке! Еще бы, слоны. А я-то недоумеваю. Теперь, когда тайна раскрыта, займемся кадрами. К слову сказать, мне бросилось в глаза, что и ваша секретарша, мисс Ливси, как-то не светится от счастья. Надеюсь, она не собирается увольняться?

Лишнее свидетельство того, какое сильное впечатление произвела на меня эта женщина. Я снова вышел из роли, без всякой на то причины упомянув ее имя.

— От счастья? — покачал головой Розенбаум. — М-да, пожалуй, не светится. Парень, с которым она была обручена, погиб несколько месяцев назад. Несчастный случай. — Его голова снова пришла в движение. — Если вам поручили оза-

ботиться счастьем наших сотрудников, боюсь, шанс осчастливить мисс Ливси невелик. А ведь как секретарше ей нет равных. Попадись мне тот сбежавший водитель, придушил бы, наверное.

— Был бы рад подсобить, — с сочувствием протянул я, роясь в бумагах. — А что, этот несостоявшийся жених… Его имя есть в стопке? Он тоже трудился здесь?

— Да, но не под моим началом. Он проверял письма. Для мисс Ливси его смерть стала большим потрясением, она не выходила на работу целых… Вот опять меня понесло. Вы же не мою болтовню слушать пришли. Что вы хотели знать, мистер Честнотт? Спрашивайте.

Уже решив не усердствовать, я предпочел не выходить из образа, но, похоже, куда бы я ни сунулся, везде витал призрак Уолдо Уилмота Мура. Мы с Розенбаумом занялись разбором рапортов. Загодя сочиненные вопросы, кажется, звучали достаточно разумно, чтобы не выдать во мне шарлатана, и позволили нам общаться еще минут двадцать.

Затем я прошествовал вдоль ряда кабинетов к владениям главы секции контроля корреспонденции. Тот сидел в одиночестве за распахнутой дверью. Дряхлость и слезы в покрасневших

глазах отнюдь не мешали дедуле Дикерсону соображать. Едва мы покончили с предварительными любезностями и я, усевшись, открыл свою папку, как он весьма дружелюбно осведомился:

— Вот любопытно, мистер Честнотт, отчего вы решили начать именно с меня?

— Видите ли… вы не первый в моем списке, мистер Дикерсон. Я уже успел переговорить с мистером Розенбаумом. Кстати, мы пытались решить занятную проблему: считать ли слонов персоналом?

Сбить старикана с толку оказалось не так уж просто.

— Допустим, — сказал он. — В нашем отделе у меня меньше всего работников. Только шестеро, тогда как в прочих секциях их число доходит до сотни. К тому же с текучкой кадров у меня все в ажуре: единственный случай увольнения за без малого восемь лет. Погибший сотрудник заменен новым. Я бы и хотел помочь, но ума не приложу, на кой я вам сдался.

— Вполне оправданное недоумение, — произнес я, — если рассматривать ситуацию из вашего кресла. Общие проблемы с персоналом вашу секцию не затронули. Однако ее значение велико. Все в этой конторе считают ваших шестерых

работников пронырливыми стукачами, а вас — Главным Пронырой.

Дикерсон даже не вздрогнул, только кивнул в ответ:

— И как вы предлагаете это изменить?

— Ничего я не предлагаю. Но этот факт отлично увязывается с проблемой текучки кадров. Возьмем, к примеру, того малого, погибшего под колесами. Разве вы не слышали, будто его смерть не случайна?

— Чушь! Сплетни! — Он хлопнул ладонью по настольному календарю. — Послушайте, молодой человек, вы и вправду считаете, что работа моей секции, прямо или косвенно, привела к преступлению?

— Да.

Нижняя челюсть Дикерсона подрожала немного, отвисла, да так и осталась висеть. Я едва удержался от того, чтобы выхватить носовой платок и промокнуть ему глаза.

— Не скажу, что доволен формулировкой, — с нажимом заговорил я, — но вы сами выбирали выражения. Я бы добавил, что циркулирующие в компании толки о смерти этого человека и составляют одну из кадровых проблем. Сам мистер Нейлор рекомендовал мне обратить на них при-

стальное внимание. Вы не против, если я задам несколько вопросов о погибшем? Об этом Муре.

— Я категорически возражаю против инсинуаций, будто работа моей секции могла привести к преступлению или служить законным оправданием чьей-то жажде мести.

Все в порядке, челюсть под контролем.

— Вот и славно. Кто говорил про законность? Жажда мести приобретает самые разные формы. Однако вернемся к Муру. Что скажете о нем? Каким работником он был? Хорошим?

— Нет.

— Нет? — деловито переспросил я. — А что с ним было не так?

Челюсть старика снова дрогнула, но опускаться не торопилась. Уняв ее, он заговорил:

— Я руковожу работой секции с момента ее учреждения, двадцать с лишком лет подряд. В прошлом апреле у меня было пятеро подчиненных, и этого более чем хватало. Так или иначе, наняли еще одного, а мне поручили пристроить его к делу. Контролер из него вышел никудышный, но на мои доклады не обращали внимания. Пришлось мириться с его присутствием. К тому же пара совершенных им грубых ошибок осложнила работу и могла поставить под сомнение

репутацию всей секции, не будь мы настороже.

Бог ты мой, мелькнула мысль, опять двадцать пять! Я из сил выбиваюсь, чтобы сузить круг подозреваемых, а тут сразу шестеро новых кандидатов: Дикерсон собственной персоной и пять его верных подручных. Каждый из них жаждал устранить Мура, просто чтобы не срамить родную секцию. Теперь в списке подозреваемых решительно все, за исключением разве что Керра Нейлора.

— Погодите, — запротестовал я. — Как насчет правил найма? Как я понимаю, централизованное управление персоналом у вас не применяется? Теоретически кадровой политикой заняты начальники отделов, а на практике главы секций творят что хотят. Кто конкретно нанял Мура и навьючил его на вас?

— Не знаю.

— И то верно, откуда же вам знать?

Дикерсон протер глаза носовым платком, отчего я смог наконец вздохнуть свободнее. Однако вопреки всем моим надеждам платок был аккуратно сложен и водворен обратно в карман.

— А вот это, — заметил Дикерсон, — проблема. Важнейшая из всех в нашей отрасли и неоспоримо самая сложная. Разумеется, полномочия у

нас распределены весьма четко. На этом этаже нет никого выше меня, за исключением главы отдела, мистера Керра Нейлора, сына одного из основателей компании. Получается, только он один способен навязать мне определенное решение. Мистер Нейлор.

— Значит, Нейлор сам принял Мура на работу?

— Не знаю.

— Но это он решил, что вам необходим еще один сотрудник, и навязал Мура?

— Конечно. Я же описал вам нашу субординацию.

— Что еще вы можете сказать про Мура, помимо его некомпетентности?

— А что тут скажешь…

Взгляд и тон Дикерсона указывали на то, что вопрос он счел идиотским. В его понимании некомпетентность решала все, об остальном и говорить не стоило. Похоже, впрочем, и Главному Проныре ничто человеческое было не чуждо: даже самым компетентным сотрудникам нужно время от времени питаться. Вытащив из жилетного кармана часы на цепочке, Дикерсон воззрился на них, вслед за чем объявил:

— Ровно в двенадцать у меня перерыв на обед, мистер Честнотт.

Глава 8

Оказавшись за порогом кабинета Дикерсона, я свернул налево, к центру уставленного столами «стадиона», но тут меня остановила некая мысль. Покрутив ее в голове так и этак, я не нашел в ней очевидных изъянов, а потому сделал разворот и направился обратно. Дойдя до двери Розенбаума, я вновь обнаружил ее закрытой. Поскольку он разрешил не стучаться, просто повернул ручку и вошел. Я собирался спросить, где находится кабинет его секретарши, но до этого не дошло: мисс Ливси, с блокнотом в руках, сидела здесь же, в конце стола.

Когда я вошел, она даже головы не повернула. Розенбаум же окинул меня взглядом и бесцветно произнес:

— Снова здрасте.

— Я тут немного покумекал, — сказал я обоим, — и решил узнать у мисс Ливси, как ей понравится моя логическая цепочка.

Вот теперь она на меня посмотрела. За минувший час ровным счетом ничего не изменилось. По-прежнему казалось очевидным: никто на всей

планете, кроме меня, не в состоянии понять ее и помочь.

— А ход мыслей таков, — объяснил я ей. — Должность обязывает меня провести как можно больше бесед с персоналом компании. При этом желательно свести к минимуму помехи в слаженной работе отдела. Вы тоже персонал. Если мы поговорим за обедом, это нисколько не нарушит хода вашей работы. Я угощаю, счет оплатит компания.

Розенбаум рассмеялся.

— Правильный подход, — одобрил он и заговорил с секретаршей: — Раз уж все это придумано ради тебя, Хестер, можешь, по крайней мере, позволить ему купить тебе сэндвич.

Ее голос можно было бы слушать вечно, вложи она в него хоть каплю чувства. Увы, обращенный к Розенбауму вопрос прозвучал ровно:

— И кому же я этим обязана?

— Точно не мне, — открестился тот. — Возможно, себе самой. Судя по всему, мистеру Честнотту по силам заставить тебя улыбнуться. Даже если улыбка окажется бледной и слабой, отчего бы не попробовать?

Мисс Ливси повернулась ко мне и вежливо произнесла:

— Благодарю вас, не стоило беспокоиться.

В ней явно что-то было, и я, честно признаться, уже начинал завидовать Уолдо Уилмоту Муру, живому или мертвому. Ему-то удалось очаровать эту лапочку настолько, что она едва не вышла за него замуж.

Глаза мисс Ливси снова уткнулись в блокнот. Розенбаум выпятил губы и, разглядывая свою секретаршу, философски покачал головой. Раз уж меня все равно не замечают, не стану навязываться. Я повернулся спиной и уже взялся за дверную ручку, когда сзади прозвучал голос:

— А почему вы спрашивали у девушек, не шепчутся ли здесь о мистере Муре?

Вот это скорость! И двух часов не прошло!

Я развернулся к ней:

— Теперь понимаете? Разве я не говорил, что не хочу мешать работе? Тот же вопрос вы могли бы задать над любым блюдом — от жареной утки до пломбира с кленовым сиропом.

— Хорошо, задам. Мой перерыв с часа дня. Можем встретиться в вестибюле у выхода на Уильям-стрит, рядом с почтовыми ящиками.

— Вот и умница. Улыбку держите наготове.

С тем я и вышел.

Дело спорилось, и мне даже удалось выманить

Хестер Ливси на обед, но, увы, мои старания пошли прахом, хотя ни она, ни я в том не были виноваты. Я вернулся в свою каморку, сложил папки в шкаф и запер на ключ, а сам встал у окна, чтобы насладиться видом на реку и подбить итоги.

Как выяснилось, подбивать было нечего. Ну еще бы, саркастически размышлял я, Ниро Вулф покончил бы с делом к полудню и отправился бы домой пить пиво, мне же пока удалось разве что раскачать сплетниц. Кстати, как это они ухитряются? С утра пораньше, при работе без перерывов… Дамская комната, осенило меня. Вот откуда расползаются слухи. Чтобы раскрыть дело и составить подробный отчет, мне требуется всего ничего: юбка, блузка и полчаса в туалетной кабинке.

На реке едва не столкнулись два буксира, и один поспешил прочь, двигаясь зигзагами, как клоп водомерка.

Раздался звонок, и я подскочил от испуга: в крошечной комнате звук показался оглушительным. Откуда он шел, было неясно; начать стоило с телефона, и я подошел к столу, поднял трубку и чуть не ляпнул: «Арчи Гудвин слушает», но вовремя прикусил язык. В ухо потек чей-то тенор:

— Алло. Мистер Честнотт?

— Он самый, говорите.

— Это Керр Нейлор. Мне бы хотелось поговорить за ланчем, если это вас устроит. Подойдете в мой офис?

Я сказал, что буду рад, и дал отбой. Бросил взгляд на запястье. Без десяти час. Я снова схватил трубку и, дождавшись ответа, попросил соединить меня с мисс Хестер Ливси, отдел фондов, секция металлоконструкций. После секундной паузы мне сообщили: «Добавочный шесть-восемь-восемь. По возможности пользуйтесь им, пожалуйста», и после недолгого ожидания другой голос произнес:

— Говорит мисс Ливси.

— Питер Честнотт беспокоит, — начал я. — Сегодня самый неудачный день в моей жизни с тех пор, как богатый дядюшка решил сменить лечащего врача. Мистер Керр Нейлор только что звонил мне, чтобы пригласить на ланч. Впрочем, я могу встретиться с вами, как договаривались, а уже после ланча вернусь и получу расчет.

— Не хочу, чтобы вам указали на дверь, — заявила она. — Я думала о вас. Конечно, идите с мистером Нейлором. Мой кабинет рядом с офисом мистера Розенбаума, дверь слева.

Это обстоятельство нисколько не смутило меня в смысле возможного мотива, хотя от внимания тоже не ускользнуло.

Прихватив плащ и шляпу, я направился к угловому офису, на пороге которого меня ждал Нейлор. Плащ и шляпу я захватил неспроста. Несмотря на уверения помощника вице-президента, будто должность позволяет мне питаться в столовой «Нейлор-Керр», в зале для руководства на тридцать шестом этаже, предчувствие подсказывало, что сын основателя компании туда не ходит.

Предчувствие меня не обмануло. Шляпа уже сидела на голове мистера Нейлора, а пальто было перекинуто через руку. Мы спустились на лифте, а из вестибюля на первом этаже Нейлор увлек меня за собой через черный ход, прошагал квартал по улице и свернул за угол к вывеске с надписью зелеными буквами: «ФОНТАН ЗДОРОВЬЯ». Это могло означать только одно, и, когда мы вошли, я угрюмо сообщил желудку, что сюда нас призывает долг службы.

Войдя, мы двинулись к столику у стены, уселись и взяли по меню у официантки. Полный набор: и вершки, и корешки, и прочие деликатесы из рациона травоядных с интригующими назва-

ниями вроде «Чаши Эпикура» и откровенными — типа «Морковного пудинга с отрубями». Моя реакция была столь сильна, что я едва слышал разглагольствования Нейлора. Официантка все еще ожидала заказа, а он не мог угомониться:

— …В общем, я решил рискнуть, лет уже пять назад, и с тех пор прихожу сюда на ланч. Разница просто потрясающая — и в физическом смысле, и в умственном… И даже в духовном. Есть в этой пище нечто очищающее. Она позволяет сохранять внутреннюю легкость и чистоту. Так что вы предпочтете, мистер Гудвин?

Последние два слова я расслышал четко.

Глава 9

Вполне в духе плюгавого ловкача — выбрать для своего выпада именно тот момент, когда над нами нависала знакомая ему официантка. И все для того, чтобы окончательно сбить меня с толку. Так он воображал. Я же попросту поднял меню повыше, чтобы улучить миг уединения и отгородиться от чужих глаз, пока мозг бьется над возникшей проблемой. Очевидно, изображать оскорбленную невинность уже не имело смысла. Выдержав не особо долгую паузу, я вручил меню официантке и попросил принести мне три яблока и стакан молока. Затем вежливо уточнил у мистера Нейлора:

— Вы что-то говорили? Боюсь, я не слушал.

Он сделал собственный заказ и отпустил официантку.

— Я говорил о диете, — огрызнулся он, — и вы меня слышали. Не стоит ожидать, мистер Честнотт, что эта пища сразу придется вам по вкусу. В первый раз она никому не нравится. Но пройдет немного времени, и вы сами удивитесь, как могли есть что-то другое.

— Угу. Буду уплетать сено и ржать, как конь. А вам, кстати, стоит определиться, кого именно вы угощаете ланчем: Гудвина или Честнотта?

— Гудвин мне нравится куда больше, — улыбнулся Нейлор. — Поэтому в основном я и позвал вас на ланч. Сообщить, что вести со мной дела предпочтительнее честно и прямо. И попросить вас передать кое-что мистеру Ниро Вулфу. Скажите ему, пожалуйста, что свою задачу вы бездарно запороли. Утром, когда я упомянул убийство бывшего сотрудника отдела, вам не следовало выказывать интерес.

— Понимаю. Большое спасибо за совет. Значит, это всколыхнуло подозрения, и вы решили разобраться. — Я смотрел на него с искренним уважением. — Поздравляю, хвост вы мне прищемили. И с чего же начали?

— Полно-полно, — скривился он и покачал головой. — Вы практически прозрачны, мистер Гудвин. Должен признать, меня это удивило… и разочаровало. Я был бы рад, подключись к расследованию убийства знающий специалист с хорошими мозгами. С величайшим интересом и большими ожиданиями я наблюдал бы тогда за ходом следствия… Но это не лучшие яблоки! — напустился Нейлор на официантку. — Что,

вайнсапа Стеймена разве не осталось?

Значит, не осталось. Когда девушка принесла заказанное и отошла, я принялся очищать яблоко. Вообще-то, я предпочитаю есть яблоки с кожурой, но мне показалось, это зрелище выведет Нейлора из себя. Усилия пропали втуне: он вовсе перестал интересоваться мной, зарывшись вилкой в большую миску сырой неопрятной смеси под гордым названием «Витанутрита», особое блюдо дня. Маленький рот не позволял Нейлору заправлять внутрь много здоровой пищи, так что брал он по чуть-чуть, жевал в четком ритме, на «раз-два», и пропускал пару тактов, чтобы подбросить челюстям новую порцию.

— Есть идея, — миролюбиво заметил я. — Вы же не можете быть уверены, что я доставлю ваше сообщение мистеру Вулфу. Так почему бы вам самому не навестить его вечером после обеда, чтобы рассказать о моем просчете?

— Я бы с удовольствием. — (Чавк-чавк.) — Но не сегодня. — (Чавк-чавк.) — Три дня в неделю, по средам, четвергам и пятницам, я играю в шахматы в клубе. — (Чавк-чавк-чавк.) — В субботу я собираюсь за город, хочу провести выходные, наблюдая за птицами. — (Чавк-чавк.) — С радостью посещу его в понедельник.

— Отлично, я все устрою. — За второе яблоко я принялся, не дав себе труда его очистить. — Но к тому времени я могу уже свернуть работу под прикрытием. На мой взгляд — и я надеюсь, мистер Вулф со мной согласится, — выход только один: рассказать обо всем полиции и дать им запустить свой маховик. Обвинение в убийстве — вещь чересчур щекотливая, тем более для такого халтурщика, как я.

Нейлор прервал свое чавканье вопросом:

— И кто же выдвинул подобное обвинение?

— Вы сами.

— Ничего подобного. Я заявил, что Мур был убит, и только. Полиция? Ха! Они уже запускали свой маховик, едва было найдено тело, и тут же застопорили машину. Вы, разумеется, рассчитывали принудить меня к откровенности угрозой спустить свору полицейских. Мой дорогой мистер Гудвин, как ни прискорбно, это дело требует навыков, намного превосходящих ваши. Неделю тому назад я сам явился к заместителю комиссара полиции по фамилии О'Хара, с которым уже давно знаком, и объявил ему, что Мура убили. Он, само собой, попросил меня развить мысль, на что я, естественно, ответил отказом и пояснил, что могу лишь заявить о факте убийства, а сбор

улик и поиск преступника — задача его ведомства. — Нейлор захихикал. — Мне показалось, заместитель комиссара всерьез подумывал применить ко мне допрос с пристрастием. Но в итоге счел болтуном и позволил уйти.

Сказав это, он вернулся к раскопкам в лохани «Витанутриты».

Первым моим порывом было осушить стакан с молоком, сунуть третье яблоко в карман, отправиться прямиком на Тридцать пятую улицу и сообщить Вулфу: Керр Нейлор оказался зловредным травоядным жуком-пустомелей, а следствие свернуто за отсутствием состава преступления. На месте меня удержали самые разные соображения, но прежде всего два следующих: «Нейлор-Керр» могут позволить себе спустить два миллиона, а мне между тем уже известно, где находится кабинет мисс Ливси.

— Ладно, — подчеркнуто дружелюбно проговорил я. — Больше никаких угроз и никаких признаний. Шахматы и птички перекрыли доступ к мистеру Вулфу до понедельника. Если отвлечься от них и вернуться к мистеру Муру, то в отчете о нем в качестве обстоятельств найма вы указали «личное обращение». К кому же он обратился? К главе своей секции мистеру Дикерсону?

Первая зарубка на панцире жука. Она не заставила Нейлора уронить вилку и даже не запустила танец блеска в его глазах, но размышлял и жевал он намного дольше, чем диктовала вежливость. Видно, решил не торопиться.

Проглотив наконец все, что было во рту, Нейлор ответил:

— Он обратился к моей сестре.

— Вот как. К которой?

— Она у меня единственная. — Блеск в глазах сделался явным. — Моя сестра, мистер Честнотт, женщина замечательная, интересная, но более склонная подчиняться условностям, нежели я. Каждому из нас двоих отец передал по четверти акций корпорации. Ему хотелось поскорее сбросить с плеч груз ответственности. Свою долю я безвозмездно передал ряду старейших служащих, которые сделали для компании куда больше моего. Не хотел распоряжаться имуществом, на которое кто-то волен предъявить куда более весомые — в моральном отношении — права. Но моя сестра, придерживаясь более традиционных взглядов, оставила свою долю себе. Чем весьма обрадовала мужа, Джаспера Пайна, с которым вы уже наверняка знакомы. В противном случае он едва ли сумел бы занять пост президента

корпорации.

— Значит, Мур получил место только благодаря вашей сестре?

Искры в глазах Нейлора сплясали настоящую джигу.

— У вас выдающийся талант, мистер Гудвин, выставлять факты в самом неприглядном свете. Моей сестре нравится помогать людям. Она прислала Мура ко мне, я побеседовал с ним и свел с Дикерсоном, после чего Мур получил должность в секции… Как насчет пудинга? И «Розового парохода»? Горячей воды пополам с мандариновым соком?

Справочное бюро свернуло работу: с этого момента все разговоры Нейлора свелись к диетической пище. Мои вопросы насчет Мура, убийства или сестры он пропускал мимо ушей. Ловкач меня игнорировал, и это откровенно бесило. Сдавшись, я просто сидел и смотрел, как он прихлебывает свой «Розовый пароход».

Расстались мы в вестибюле здания на Уильям-стрит. Сделав Нейлору ручкой, я вошел в телефонную будку, набрал номер «Газетт» и попросил позвать Лона Коэна. У этого парня сведений водится больше, чем в городском управлении полиции и публичной библиотеке, вместе

взятых.

Когда Лон взял трубку, я не стал церемониться:

— Твоя очередь оказать услугу. Расскажи про миссис Пайн, замужем за Джаспером Пайном, в девичестве Нейлор. Муж у нее — президент большой компании, поставляет оборудование строителям. Офис в центре. Слышал о такой дамочке?

— Еще бы, это добыча.

— Какого рода?

— Ну, так мы называем всякого, кто не дает умереть с голоду бедным журналистам. Поставщиков новостей. Пока эта дичь упрямо не дается нам в руки, разве что мелькнет в биржевых сводках, но городские газеты еще не оставили надежду.

— Что же подогревает интерес?

— А ты, собственно, откуда звонишь? Не из кабинета Вулфа, часом?

Я поцокал языком:

— Ты не расслышал моего имени? Все хорошо, я в телефонной будке.

— Ладно. Предмет твоего интереса то и дело заводит дружбу с молодыми людьми. В связях разборчива, но неисправима. У нее полно зелени, она хорошо сохранилась для своих лет и, по-видимому, не дура, не то давно покатилась бы по

наклонной. Я бы и тебе посоветовал попытать счастья… Сколько тебе, лет тридцать? Для нее в самый раз! Ты недурен собой и, если поработаешь над манерами…

— Ага. Потом получишь свою десятину. Полагаю, у вас нигде не завалялся список моих предшественников, с которыми она была дружна?

— Ну, списка у нас нет, мы не настолько въедливы. Ты же не воображаешь, будто моя газета станет совать нос в чью-то частную жи… Постой-ка! Минуточку. Ты, Ниро Вулф и эти ваши убийства. Применим ассоциативный подход… Вот черт, как же его звали? Мюррей? Нет. Мур?

— Мистер Коэн, — с благоговением произнес я, — вы, как всегда, без промаха бьете не в глаз, а в бровь. По сравнению с тобой Джон Киран[3] — пустое место. Четвертого декабря на Тридцать девятой улице Мура сбили насмерть автомобилем, водитель с места происшествия скрылся. Скажи теперь, что с этим несчастным тоже водили дружбу.

— Водили.

— Миссис Пайн?

---

[3] Примечания: 3

Джон Киран (1892–1981) — американский журналист, писатель, сценарист, радио- и телеведущий.

— Сформулируй вопрос иначе. Даже если звонишь из будки. Я не хочу впутывать в такую мутную историю ничьих имен.

— С ним дружил предмет моего интереса?

— Да.

— А подробнее нельзя?

— Отчего же. Казалось, хлеб уже намазан маслом, и все только слюнку глотали. Когда парня, с его-то связями, подкосили глубокой ночью, газета почла своим долгом изучить происшествие со всех возможных сторон и избежать тем самым малейших намеков на возможный скандал…

— Ах ты господи! Продолжай, Лон.

— Изучила. Как и копы, надо думать. Только вышел облом. Деталей уже не помню, не задержались в памяти, но прессе там нечего было делать. Тот случай запомнился именно тем, что казался таким многообещающим, а в итоге — пшик. Муж определенно не совершал роковой ошибки, блюдя свою честь или просто отомстив. А Мур не представлял собой ничего интересного. Порядковый номер, уж не знаю, седьмой или восьмой. К тому же его давно списали в утиль и на тот момент дружбу уже водили с другим… этим, как его… забыл, как зовут, да и не важно. Муж был в курсе и безропотно все сносил долгие

годы. Наш отдел журналистских расследований установил это совершенно точно… Ты там, поди, уже задохнулся в своей будке, а мне бы еще поработать. Давай выкладывай начистоту, с правом цитирования: кто нанял Вулфа?

— Рано еще, — притормозил я Лона Коэна. — Дождись, пока новость не созреет, а уж потом я все выложу, если черви не заведутся. Мы ведь давно с тобой знакомы. Сам знаешь, мы не мелочимся, оплачивая услуги. Если заскочу в гости, у меня будет шанс поболтать с тем, кто занимался наездом на Мура?

— Только предупреди звонком.

— Конечно. Спасибо и пламенные приветы от всех нас!

Я выскользнул из вестибюля на улицу и прошел еще с квартал — к местечку, на которое успел положить глаз. Там я взял три сэндвича с ветчиной и кварту молока и с ними вернулся в свой рабочий кабинет на тридцать четвертом этаже. Там, никем не потревоженный, я и уплел свой ланч. Когда от сэндвичей остались лишь крошки, я уже успел прийти к паре выводов, первый из которых гласил: хорошо, что я не поддался импульсу выскочить из «Фонтана здоровья» с единственной наградой за все муки в виде яблока.

Глава 10

Имея на руках сразу два дела, я обычно откладываю наиболее приятное на потом. Именно так должно было выйти и теперь, да только фортуна распорядилась иначе. Я планировал позвонить Джасперу Пайну и устроить встречу с ним в три часа, но, взявшись за телефон, услышал от некоего мистера Стэплтона, что до пятнадцати минут пятого мистер Пайн будет недосягаем. Это убедило меня поменять очередность.

Но прежде чем заглянуть на огонек к мисс Ливси, я решил раздобыть необходимый инструмент и произвел рекомендованные на такой случай действия, а именно назвал в телефонную трубку добавочный «шесть-три-семь» и вызвал стенографистку. Всего через две минуты, не более, стенографистка с блокнотом вошла в мой кабинет. Внешностью она не могла тягаться с давешней безграмотной красоткой, но и не опровергала с ходу гипотезу, гласившую, что в «Нейлор-Керр» принято нанимать девиц, чьи лица ласкают глаз.

Выяснив ее имя, я сказал:

— Ничего не имею против вас лично, совсем наоборот. Единственная проблема: мне нужны не вы, а ваша пишущая машинка. Нельзя ли принести ее сюда, чтобы я мог ею воспользоваться?

Девичьи черты приняли такое выражение, будто я попросил доставить мистера Керра Нейлора в наручниках и усадить мне на колени. Она проявила чудеса вежливости, но моя просьба не была (и, очевидно, не могла быть) выполнена.

Отпустив стенографистку, я засел за телефон и довольно скоро получил в свое распоряжение пишущую машинку — с бумагой и другими причиндалами. Затем я вышел за дверь, на «арену стадиона», пересек ее из конца в конец, отыскал дверь слева от кабинета Розенбаума и, поскольку та была распахнута, вошел без стука.

Дверь я благоразумно прикрыл, подошел к рабочему столу мисс Ливси и уселся на выставленный рядом стул. Выделенное секретарше помещение было вдвое больше моего, но назвать его просторным мешали ряды папок вдоль стен. Свет, падавший из окна на каштановые пряди, создавал впечатление, будто кто-то возложил на головку мисс Ливси блистающий убор из шелковой сетки. Помедлив, она оставила пишущую машинку в покое и обратила ко мне лицо.

— Все прошло препогано, — доложил я. — Мистер Нейлор питается овсом и измельченной корой.

Улыбку вызвать не удалось, но мисс Ливси кивнула в ответ:

— Да, и этим он знаменит. Кому-то следовало предупредить вас.

— Никто не предупредил, даже вы. Как у вас со временем, в обрез?

— Нет, осталось отпечатать всего восемь или девять писем. — Она взглянула на свои часики. — Еще только три часа.

— Отлично! — Я сунул руки в карманы и качнулся на стуле, старательно изображая рубаху-парня. — Думаю, лучше будет начать с традиционного вопросника. Как долго вы здесь работаете?

— Три года. Точнее… два года и восемь месяцев. Мне двадцать четыре, почти двадцать пять. Я получаю пятьдесят долларов в неделю и могу напечатать сотню слов меньше чем за минуту.

— Просто замечательно. Назовите три вещи в работе, которые вас не устраивают или, скажем так, менее всего привлекают.

— Ой, да ладно вам! — Улыбка не появилась, но линия губ явно дрогнула. — Можно один вопрос?

— Бога ради.

— Почему вы пригласили меня на ланч?

— Ну… Предпочитаете услышать откровенный ответ?

— Обожаю откровенность.

— Я тоже. Взглянув на вас, я был сражен. Зачарован, как во сне. Во мне боролись две противоположные грани моей натуры. Одна, низкая и подлая, требовала увлечь вас на необитаемый остров. Другая, возвышенная, призывала сочинить поэму. Приглашение на ланч стало тем компромиссом, на котором они сошлись.

— Совсем неплохо, — похвалила она, хотя и без особого энтузиазма. — Если это была откровенность, прибегнем к лицемерию. К чему это все? Вы ведь хотели расспросить меня об Уолдо Муре, верно?

— С чего вы взяли?

— Ах, сударь… Да это и так понятно! Заговорили о нем с той девчонкой — и слух мгновенно разлетелся по всей конторе.

— Хорошо, допустим. И какой же вопрос о Муре я собирался вам задать?

— Уж не знаю, но вот она я, спрашивайте смело.

— Вам бы не секретаршей работать, — восхи-

тился я. — Вам следовало стать специалистом по персоналу, или ректором колледжа, или женой частного детектива. Вы совершенно правы, мне сложно расспрашивать вас о Муре, ни намеком не выдав, на какой остановке я сел и что написано в билете. Так что не буду и пытаться. Вы с Муром были помолвлены, не так ли?

— Да.

— И долго?

— Нет, всего около месяца, чуть меньше.

— И разумеется, его трагическая кончина явилась для вас страшным ударом?

— Да.

— А не опишете ли в общих словах, что за человек он был?

— Зачем… — замялась она. — До чего странная просьба. Он был как раз таким человеком, за какого мне хотелось выйти замуж.

— Для вас это говорит о многом, — согласился я, — но мы с вами знакомы в общей сложности минут двадцать, и я пребываю в недоумении. Вы понимаете, конечно, что это просто разговор с глазу на глаз между коллегами. Я вам не начальник, не устраиваю допроса, не тяну за язык. Он был женат прежде?

— Нет.

— Давно ли вы знали друг друга?

— Мы познакомились вскоре после того, как он устроился сюда работать.

— Каким он был с виду? Высоким или низкорослым, красивым или уродливым, толстым или…

Мисс Ливси молча выдвинула ящик стола, достала сумочку, вынула оттуда кожаное портмоне, открыла и протянула мне.

Значит, по-прежнему носит с собой его фотографию. Я придирчиво изучил снимок. На мой взгляд, ничего выдающегося: примерно моего возраста и телосложения, высокий лоб, обилие гладко зализанных волос. Пожалуй, Мура можно было отнести к парням, какие на рекламных фото покупают моторные лодки, — вот только подбородок слишком уж торопился убраться в шею.

— Благодарю, — сказал я, возвращая портмоне с карточкой. — Это окончательно разрушает версию, будто Мур видел в вас свою последнюю надежду. Во-первых, на последнюю надежду вы не похожи. Во-вторых, на него самого приятно было посмотреть. Полагаю, такого мнения придерживались все, кто знал Мура?

— Да. Один взгляд — и женщины сразу к нему привязывались. Все девицы в конторе мечтали его заполучить.

Я насупил брови. Совсем не похоже на мою мисс Ливси — этакое вульгарное бахвальство! Впрочем, я и не считал ее совершенством, лишенным изъянов. Тему стоило развить.

— Значит, многие кидались ему на шею? Вы ведь не станете отрицать, что девушкам свойственно гоняться за…

— Конечно свойственно. Еще как гонялись.

— И это сильно его огорчало?

— Нет, он не возражал.

— Но это огорчало вас?

Мисс Ливси наконец-то улыбнулась. Впрочем, едва ли Розенбаум имел в виду именно такую улыбку. Я заулыбался в ответ.

Все так же усмехаясь, она произнесла:

— Вот теперь мы переходим к существу дела, не правда ли?

— Не знаю, — усомнился я. — А что, переходим?

Едва успев договорить, она прихватила зубками нижнюю губу. Подержав ее какое-то время, не особо долго, зубки разжались.

— Так глупо с моей стороны, — объявила она. — Нет, я не считаю, что меня это огорчало. В определенном смысле мне это даже нравилось, хотя во всех прочих — нет. Спрашивайте дальше.

Не сводя с нее глаз, я вытащил руки из карманов и сцепил пальцы на затылке.

— Я бы с удовольствием, мисс Ливси, да не знаю, куда править. Давайте попробуем другую дверь. Имелись ли у вас причины предполагать или подозревать, что гибель Мура была чем угодно, только не несчастным случаем?

— Нет! — отрезала она.

— Но слухи, которые здесь ходили, не обошли стороной и вас, правда?

— Признаться, не обошли.

— Что же послужило толчком для этих пересудов?

— Не представляю, откуда они взялись в декабре, когда все случилось… Думаю, слухи поползли сами собой, как им свойственно. Потом все затихло, и, насколько я могу судить, довольно давно все сплетни прекратились, чтобы на прошлой неделе ожить с новой силой.

— Известно ли вам, что пробудило их вновь?

Она посмотрела на меня, убедилась в прочности контакта наших глаз и переспросила:

— А вам известно?

— Скажу «да», если вы сделаете то же самое.

— По рукам. Да.

— Аналогично. Вы догадываетесь, зачем он

употребил то слово в своем рапорте?

— Нет. Не догадываюсь, даже представить себе не могу. Знаю одно: мне бы хотелось… — Тут она прикусила язык.

— Чего бы вам хотелось?

Она не сказала чего. Вообще не произнесла ни слова. Впервые за три наши встречи на лице мисс Ливси отразились какие-то сильные чувства. Нет, я не назвал бы ее холодной, это слово просто не подходило для нее, и никогда не подойдет, но даже имя Мура и разговоры о нем не вызвали ни на лице, ни в голосе мисс Ливси ничего хоть отдаленно напоминающего эмоции. Теперь же в ее чертах что-то дрогнуло. Никаких банальных реакций вроде трепета губ или хлопанья век, пытающихся сдержать набежавшие слезы, — нет, просто лицевые мускулы вроде как ослабли, подсказывая, что железная дисциплина натолкнулась на что-то, с чем не смогла совладать.

Внезапно и стремительно она поднялась на ноги, подошла ко мне и несколько раз похлопала ладонью по моей голове. Я бы сказал, это больше напоминало проверку арбуза на спелость, чем женскую ласку, хотя, возможно, во мне говорит природная скромность. Дергаться я не стал.

Она отступила на шаг и стояла, взирая на меня

сверху вниз. Закинутые за шею руки не помешали мне запрокинуть голову, чтобы встретить ее взгляд.

— Это даже забавно, — протянула мисс Ливси, отчасти озадаченно, отчасти сердито. — Раньше я могла крутить мужчинами как вздумается. Не хочу хвастаться, но и вправду могла. Я знала, как получить от мужчин все, чего мне захочется. Знаете, всякие мелочи. Сами понимаете, как устроены девушки. И вот теперь мне от вас кое-что нужно, и только посмотрите на меня! Не то чтобы вы были каким-то… С вами все в порядке, вы довольно милы и все такое, никаких претензий. Уж не знаю, полицейский вы или кто еще, но, кем бы ни были, вы точно мужчина.

Придя к этому выводу, она умолкла.

— До кончиков ногтей, — дружелюбно поддакнул я. — Смогу дать неплохой совет, как вам добиться своего, если буду знать, чего вы хотите. Для начала скажите мне это.

— Ну, по крайней мере, я хочу сохранить свою работу здесь.

— По рукам. Я отражу это в своем докладе. Что еще?

Голосовые связки мисс Ливси тоже, по-видимому, ослабли.

— Просто смешно, — упавшим тоном заметила она. — Не представляю, кто вы такой и чем занимаетесь, но точно знаю, что вы пытаетесь разобраться в обстоятельствах гибели человека, за которого я собиралась выйти замуж. И от этого мне все труднее сохранять спокойствие. Я хочу забыть обо всем, хочу забыть его. Правда хочу! Вы даже не представляете, что́ выходит, если собрать сотни девушек в такой вот котел… Вы не знаете, какими они могут быть, когда соберутся посудачить… Это отвратительно, просто ужас какой-то! Зачем мистер Нейлор снова пустил тот слух… не могу сказать. Долго я так не выдержу, все это невыносимо, но мне здесь нравится, а без работы не обойтись… Мне нравится эта работа, нравится мой босс, мистер Розенбаум… — Мисс Ливси отошла и присела за свой стол, выставив вперед два сжатых кулака. Заговорив, она обращалась уже не ко мне, а к мирозданию в целом: — Вот черт!

— Пока я так и не понял, — заметил я, — чего же вы от меня хотите.

— Всё вы прекрасно поняли! — Ее взгляд едва не прожег во мне дыру. — Положите конец этим сплетням. Выставьте мистера Нейлора старым дуралеем. Убедите всех раз и навсегда, что Уолдо случайно попал под чью-то машину, и не о чем

тут судачить!

— Понятно. Вот, значит, чего вам хочется.

Ее взгляд вновь упал на меня. Чтобы встретить его, пришлось скосить глаза. Так мы и сидели, разглядывая друг дружку. И мало-помалу у меня возникло ощущение — не могу судить, разделяла она его или нет, — будто мы с мисс Ливси стали ближе, чем при первом знакомстве. Когда девушка треплет мужчину по голове, а затем садится, и позволяет рассматривать себя больше десятка секунд, и тоже смотрит на него, при обоюдном молчании… она уже не способна поддерживать иллюзию, будто он для нее очередной незнакомец, не более.

— Я не полицейский, — наконец признал я. — Но кем бы я ни был, мне не изменить того, как и почему погиб Уолдо Мур. Обстоятельства его смерти определились почти четыре месяца назад, ночью четвертого декабря. Все причины и следствия — где-то там, они существуют до сих пор, и я могу лишь попробовать до них докопаться ради всеобщего успокоения. Приятно знать, что вы сами уже все решили.

— Вы работаете на мистера Нейлора! — Тон и выражение лица мисс Ливси не оставляли сомнений, что за все время нашего столь долгого

обмена взглядами она и мысли не допускала, будто я могу пасть так низко.

— Нет, — с нажимом произнес я. — Не работаю.

— Это правда?

— И ничего, кроме правды.

— Но тогда… — Она оборвала себя, хмурясь, но не в мой адрес. — Но он говорил с вами об Уолдо, разве не так?

— Совершенно верно. Поболтать он любит.

— И что он сказал?

— Что Мура убили.

— О, это я знаю. — Лоб мисс Ливси все никак не разглаживался. — В своем рапорте он так и указал. Весь этаж только об убийстве и судачит. А ему того и надо: неспроста же он диктовал рапорты какой-то девушке из конторы, а не своей секретарше. А что еще он говорил?

— Насчет Мура — ничего определенного. Убили, и все тут. Такая уж у мистера Нейлора идея фикс.

— Но ведь он говорил о чем-то еще?

— Господи ты боже! Говорил, что употребление в пищу подвергнутых кулинарной обработке овощей привело нас к войне. Что любой, кто ест мясо…

— Вы прекрасно понимаете, что́ я имею в

виду! — Она буквально сверлила меня взглядом. — Что он говорил обо мне?

— Ни гугу. Ни единого словечка. Только одно его замечание с известной натяжкой можно посчитать задевающим вас. Сегодня утром, встав у входа в общий зал, он во всеуслышание объявил, что сомневается в возможности отыскать там хоть одну девственницу. Впрочем, лично вас он вряд ли имел в виду: наличие отдельного кабинета выделяет вас из общего числа работниц.

Вопрос поставленной под сомнение девственности, похоже, ничуть не смутил мисс Ливси. Она продолжала упорствовать:

— То есть он даже не упомянул обо мне?

— Пока нет. — Я опустил глаза на запястье, позволил передним ножкам стула соприкоснуться с половицами и встал. — Вас дожидаются ненапечатанные письма, да и мне пора бы заняться чем-то полезным. Простите, но прямо сейчас никак не получится разрешить все вопросы к вашему удовлетворению, о чем я искренне сожалею. Говорите, вам и впрямь хочется забыть историю с гибелью Мура?

— Да! Хочется!

— Значит, внесем это в повестку дня.

Глава 11

Первым пунктом в упомянутой повестке значился ручной труд с применением пишущей машинки, а потому я вернулся к себе в кабинет и приступил к делу.

Среди прочих заказанных мной офисных мелочей отыскалась пачка мелованной бумаги стандартного для писем размера — ничего особо выдающегося, но при ближайшем рассмотрении я счел бумагу сносной. Было уже без четверти четыре, всего полчаса до нашей встречи с Джаспером Пайном, и сетовать на качество письменных принадлежностей просто не имелось времени. Изготовив клубный сэндвич из трех листов мелованной бумаги и двух листочков копирки, я вставил его в машинку и напечатал заглавными буквами в верхнем правом углу:

ОФИС
НИРО ВУЛФА ОТЧЕТ О ПРОДЕЛАННОЙ РАБОТЕ от 19 марта 1947 г.

Пропустив четыре строки, я отпечатал по центру:

КОНФИДЕНЦИАЛЬНО ДЛЯ «НЕЙЛОР-КЕРР» Уильям-стрит, 914, Нью-Йорк

Уже не оставалось времени отчитываться со всем тщанием, вдаваясь в тонкости и детали, как полагается поступать в общении с большинством клиентов, чтобы поддерживать у них впечатление, будто за свои кровные они получают кучу важных сведений, но мое изложение событий было довольно подробным, и я вроде бы справился с задачей.

В отчете сообщалось, что Керр Нейлор упомянул имя Мура в первые же три минуты нашей беседы; что он пригласил меня на ланч и вогнал в краску, назвав настоящим именем; что он настаивал, будто Мур был убит, но отказался пояснить свою точку зрения; что он не стал наотрез отказываться от встречи с Вулфом; что, по его словам, он объявил гибель Мура убийством в беседе с заместителем комиссара полиции О'Харой, а также в разговоре со мной признал, что Мур получил должность по протекции его, Нейлора, сестры.

Вдобавок к сведениям, касающимся Нейлора, отчет содержал краткий пересказ беседы с шефом контролеров корреспонденции Дикерсоном и упоминание о том, что по отделу распростра-

нился слух, будто я расследую обстоятельства смерти Мура.

Нашлось место и короткому пассажу о состоявшемся, но не давшем заметного результата разговоре между мной и некоей Хестер Ливси, нареченной покойного Мура. Единственным инцидентом, который я счел недостаточно важным, чтобы описать в отчете, стала короткая беседа с безграмотной девушкой. Разговор с Лоном Коэном из «Газетт», напротив, был опущен как чересчур важный, чтобы о нем упомянуть.

Покончив с машинописью, я подмахнул оригинал, сложил его пополам и сунул в карман, а затем то же самое проделал и с одной из копий. Вторую копию я не стал складывать. Вместо этого я подошел к шкафу, отпер его, выдвинул ящик, которым пользовался, вытащил все папки и хорошенько протер носовым платком все поверхности стального ящика — и внутри, и снаружи.

Укладывая на место папки из зеленого глянцевого картона, я каждую протирал со всех сторон. Внутрь третьей папки сверху, прямо на уже положенные туда бумаги, я сунул вторую копию только что напечатанного отчета, а на нее бережно выложил четыре табачные крошки, добытые из кончика сигареты. Я расположил их точно

в намеченных точках и осторожно прикрыл папку.

Задвинув ящик, я протер всю переднюю поверхность шкафа и встал перед вопросом, которому хотел бы уделить чуть больше времени, если бы не двенадцать минут пятого на циферблате, — через три минуты меня ждали наверху. Следует оставить шкаф незапертым или запереть, но «забыть» в замке ключ? Выбрав первый вариант, я опустил ключ в карман.

Как ошпаренный я рванул в холл к лифтам и, уже ступив на ковер тридцать шестого этажа, оказался перед новой дилеммой, которую следовало бы разрешить заранее и которую я в спешке упустил из виду. Кто я такой? Кого видит во мне умудренная годами секретарша, стерегущая покой начальственных офисов?

Посещая Пайна днем ранее, я представился как Гудвин. Стоит ли теперь назваться Честноттом и ожидать, что эта дама, глядя в мое интеллигентное лицо, поверит, будто я не знаю собственного имени? Невозможно.

Я промаршировал к ее столу, представился мистером Гудвином и сообщил, что на четверть пятого у меня назначена встреча с мистером Пайном.

Затем мне пришлось усесться и подождать минут десять с лишком. Как правило, я неплохо справляюсь с ожиданием, бываю невозмутим и расслаблен, но сейчас необходимость сидеть без дела вызвала раздражение: я ведь мог бы протереть стенки своего шкафа куда тщательнее. Впрочем, поправить что-либо уже не представлялось возможным, а потому я терпеливо дожидался, пока меня не пригласят войти.

Пайн казался уставшим, озабоченным и раздраженным. Он остался сидеть за столом и принялся говорить прежде, чем я успел встать напротив.

— Могу уделить всего несколько минут, — не церемонясь, начал он. — Расписание и без того забито, а тут еще новые дела. Что у вас?

Я протянул ему оригинал отчета и остался стоять.

— Конечно, вы вольны прочесть его позже, но мне подумалось, что, наверное…

Умолк я потому, что Пайн уже приступил к чтению. Он пробежал глазами весь текст — по меньшей мере раза в три быстрее, чем это делает Вулф, — а потом вернулся к началу и перечел пару абзацев. Упер в меня пристальный взгляд:

— Я уже знаю, что мистер Нейлор посетил заместителя комиссара полиции.

— Ну конечно, — смиренно признал я, — только вы об этом не упоминали. Нельзя же, в конце концов, упомянуть обо всем. Я тут как раз вспомнил об одной маленькой проблеме. Видите ли, когда мистер Вулф прочтет свою копию отчета, а я достаточно хорошо изучил своего босса, он первым делом спросит: знали ли вы, что сестра мистера Нейлора просила устроить Мура на работу, а если знали, почему не сказали об этом? — Мне показалось, «сестра мистера Нейлора» прозвучит дипломатичнее, чем «ваша супруга». Я продолжил: — Конечно, если вы не…

— Разумеется, я знал, — отчеканил он. — Какое отношение это имеет к делу?

— Никакого, насколько я могу судить. — Мое смирение не знало границ. — Но мне нужен совет. Говорю вам, я хорошо знаю мистера Вулфа. Он тут же попросит меня позвонить сестре мистера Нейлора и пригласить ее на беседу, а когда и если она не захочет воспользоваться его гостеприимством, отправит к ней меня. И мне придется подчиниться. Как бы вы поступили на моем месте?

— Вы ведь работаете на мистера Вулфа, так?

— Так.

— Тогда делайте, что он велит.

— Хорошо, спасибо. Никаких предложений или инструкций?

— Нет. — Опять тот же нетерпеливый жест. — Если даже вы вообразили, будто я хочу оградить жену от подобных неудобств, вся тщета таких усилий станет вам сразу понятна, как только встретитесь с ней. Меня интересует другое: как мистеру Нейлору удалось узнать ваше настоящее имя? Можете ответить?

— Если бы мог, — заметил я, — об этом упоминалось бы в отчете. Мне и самому интересно. Вообще говоря, есть всего два варианта. В последние годы моя фотография изредка мелькала в газетах. Возможно, мистер Нейлор — или кто-то еще — запомнил мое лицо достаточно хорошо, чтобы узнать при встрече. Но такой шанс невелик, примерно один на миллион. Второй вариант кажется более правдоподобным. Сколько человек в здании знают о моем присутствии? Секретарша за этой дверью. А кто еще? Как мне помнится, вы вроде бы обсуждали наш план с двумя начальниками отделов и одним членом совета директоров.

Судя по выражению лица Пайна, он еще держался на плаву. Второй вариант ему также больше приглянулся, и он уже перебирал имена.

Легендарные «нюансы» выскочили снова, не доставив ему ни малейшего удовольствия.

— Точно не секретарша, — проворчал Пайн. — Я лично беседовал с ней об этом. Мисс Абрамс работает у нас уже двадцать лет, и я не вижу причин сомневаться в ее лояльности.

Похоже, мысль о том, что он еще может положиться на кого-то в своем окружении, немного приободрила Пайна.

— В таком случае… — многозначительно пропел я.

Пайн кивнул, утверждаясь в своих выводах.

— Полагаю, что так, — пробормотал он под нос. Мой отчет он аккуратно выложил на стол и завис над ним, медленно оглаживая подбородок сложенными вместе ладонями. — Полагаю, что так, — повторил он уныло, но без отчаяния в голосе. Помедлив, поднял на меня глаза. — Нужно будет помозговать. Не стоит беспокоиться. Что там с девушкой, на которой Мур собирался жениться… как ее зовут? — Он снова уткнулся в отчет, провел пальцем по последней странице. — Хестер Ливси. Смогла ли она поделиться какими-то… мм… сведениями?

— Не о чем говорить. Я собираюсь опросить ее снова… в том случае, если мне предстоит про-

должить расследование. По-вашему, завтра мне стоит вернуться?

— Конечно стоит. Почему бы нет?

— Мне тут подумалось, раз уж Нейлор меня раскусил, к завтрашнему полудню наверняка и все остальные тоже…

— Это не важно. Приходите в любом случае. Сейчас меня поджимает время, но в десять утра я буду ждать вашего звонка. Раз уж мы начали все это, доведем дело до конца.

Пайн потянулся к сложно устроенному телефонному аппарату (таких я еще не видел) и объявил, что готов принять мистера Как-Его-Там; фамилию я не расслышал.

Пришлось откланяться.

Работа в «Нейлор-Керр» прекращалась ровно в пять. В 4:56 я миновал коридор с офисами и сказал лифтеру:

— Тридцать четвертый, пожалуйста.

Не потому, что совесть не позволяла обокрасть корпорацию на четыре минуты рабочего времени, а потому лишь, что оставил в кабинете шляпу и плащ.

Непохоже, чтобы за мое короткое отсутствие сюда наведался непрошеный гость. Притворив дверь, я выдвинул ящик шкафа, чтобы убедиться:

все табачные крошки на месте. Постоял немного у окна, перебрал в памяти недавние события и еще раз прокрутил наш с Пайном разговор, после чего взвесил привлекательность идеи позвонить Вулфу и предложить новый план действий, который включал бы неожиданный визит к миссис Пайн прежде, чем ее муж вернется домой с работы. Возможно, так бы я и поступил, если бы не вышеупомянутый холодок между нами. В силу обстоятельств от идеи пришлось отказаться.

Выйдя за дверь кабинета, я застыл, обозревая окрестности. Вот это да! Казалось, зал был совершенно пуст вопреки присутствию сотен столов, стульев и прочих предметов обстановки. Девушки испарились, и перемена выглядела сногсшибательно. Я стоял и глазел по сторонам, внося одну-две быстрые поправки в свою жизненную философию.

Решил, что, пока не выберешь из общего числа одну-единственную и та не обратит на тебя внимания, не столь важно, сколько девушек ты видишь: сотню или даже тысячу, все они воплощают собой одну абстрактную девушку. Соответственно будет ошибкой взглянуть на пустующее помещение и объявить: девушки ушли. Правильнее было бы сказать: девушка ушла.

Лелея сильное подозрение, что нарвался на мысль достаточно глубокую, чтобы посвятить ей три журнальные статьи или даже книгу, я добрался до лифтов и, спустившись вниз, вышел на улицу. В этой части города и в это время суток о такси не стоило даже мечтать, а потому на перекрестке я свернул на Уолл-стрит и направился к Вестсайдской станции подземки.

Поскольку я тружусь в области частного сыска уже более десяти лет и за это время успел отмерить на своих двоих немало миль, мне, естественно, частенько случалось и вести слежку, и уходить от преследования. Когда, работая над очередным делом, я покидаю какое-то здание, то непременно стараюсь приглядывать за тылами, практически на автомате. Так городские жители привычно озирают улицу, готовясь сойти с тротуара.

Редко случается, чтобы за мной увязался хвост, которого я бы не заметил, но на сей раз так и вышло. Должно быть, она пряталась в засаде где-то в вестибюле, поглядывая на лифты, а потом двинулась за мной по городу. Я не хожу прогулочным шагом, и ей, скорее всего, пришлось быстро-быстро семенить, чтобы не отстать от меня.

Так или иначе, о преследовании я догадался,

когда в толпе спешащих по домам служащих почувствовал тесный контакт с кем-то — не случайный толчок локтем, а умышленную, твердую хватку на своем предплечье.

Притормозив, я опустил взгляд. Ниже меня на все девять дюймов, и это она вцепилась мне в руку.

— Хулиганка! — произнес я. — Ты делаешь мне больно.

Смотреть на нее было сплошным удовольствием.

Глава 12

— Мистер Честнотт, вы меня не знаете, — сказала она. — Сегодня вы меня даже не заметили.

— Теперь заметил, — успокоил я ее. — Отпусти мою руку. Люди подумают, что я отец твоих детей или обманул тебя при разводе.

Возможно, я совершил ошибку. Эти слова задали тон нашим отношениям — или, во всяком случае, знакомству, — а выгодная точка обзора переложила на меня всю ответственность. Черные глазищи кричали, что никогда ничего не скрывали и не намерены скрывать впредь. Губы подтверждали правоту глаз и одобряли эту откровенность. Я не говорю уже о фигуре, нашептывавшей, будто с ее помощью никак нельзя обосновать ту непреложную истину, что прямая линия есть кратчайший путь между двумя точками. Эта девушка определенно относилась к тем чудесным созданиям, которым дают прозвища. В Испании или Италии ей дали бы какое-нибудь возвышенное имя — скажем, Розовый Лепесток. Однако там, где живу я, принято обходиться не столь вычурными прозвищами. Допустим, Фи-

гурка, хотя основная идея та же. Вокруг подобных девушек нередко витают неприятности (и наоборот). Мне стоило бы держать это в уме, задавая тон отношениям.

Спешащие мимо прохожие, которые откровенно разглядывали нас, ничуть ее не волновали. Похоже, волновал ее только один прохожий — тот самый, кому она явно не собиралась давать проходу.

— Я хочу поговорить с вами, — заявила она.

На щеках у нее появились ямочки, такие крошечные, что заметить их можно было лишь под определенным углом.

— Только не здесь, — сказал я. — Пошли.

Мы двинулись дальше, нога в ногу.

— Тебе раньше приходилось спускаться в подземку?

— Всего дважды в день. А куда мы направляемся?

— Откуда мне знать? Я понятия не имел, что мы куда-то идем, пока ты не спросила. Может, на дамскую вечеринку в одном из моих клубов. — Тут я резко остановился. — Погоди здесь минутку. Мне срочно нужно позвонить.

Я зашел в табачную лавку, подождал минуту или две, пока не освободится телефонная будка,

втиснулся туда и набрал номер, который помнил наизусть, хоть ночью разбудите. Конечно, я знал, что сам Вулф трубку не снимет, поскольку время с четырех до шести зарезервировано у него для визитов к орхидеям в оранжерее наверху. Так и вышло.

— Фриц? Это Арчи. Скажи мистеру Вулфу, я не приду обедать, потому что задерживаюсь на работе.

— «Задерживаюсь»... Где?

— На работе. Просто передай ему все слово в слово, он поймет.

Засим я выбежал на тротуар и спросил у Фигурки:

— Надолго ли затянется наш разговор, как по-твоему?

— Я буду говорить, мистер Честнотт, пока вы не устанете слушать. Мне многое нужно вам сказать.

— Хорошо. Пообедаем? Общий счет я беру на себя.

— Звучит заманчиво, но ведь еще рано для обеда.

Взмахом руки я отмел возражения, и мы устремились в зев подземки.

Я повел ее в «Рустерман». Для начала, там по-

дают лучшую жратву во всем Нью-Йорке, не считая столовой самого Вулфа. Далее, на втором этаже ресторана, вдоль левой стены, тянется ряд кабинок, настолько умно устроенных, что они похожи, скорее, на отдельные кабинеты. И наконец, хозяин и управляющий «Рустермана» Марко Вукчич — старый приятель Вулфа, и там я смогу выписать чек, вместо того чтобы тратить наличные, которые Вулф вполне способен не возместить на том основании, что девушку нужно было вести к нам домой и усаживать за его, Вулфа, собственный стол.

К тому моменту, как мы уселись в кабинке, я успел собрать крупицы первичных сведений, как то: Фигурку звали Роза Бендини, работала она помощницей главного делопроизводителя в секции механизмов и комплектующих. Кроме того, я уже пришел к определенным выводам: ей двадцать четыре года, она не теряется в любом антураже и при любых обстоятельствах и прекрасно вписывается в суждение Керра Нейлора касаемо девственниц.

Она сразу объявила, что всем коктейлям предпочитает вино, тут же заработав одобрительный взгляд Вукчича, который заприметил меня еще в дверях и самолично проводил нас наверх, воз-

давая должное не столько мне лично, сколько своему старому другу Вулфу. Затем Роза уравняла счет, решительно отказавшись от мусса «Покахонтас» из икры шэда и предпочтя ему обычный стейк. Я последовал ее примеру, чтобы поддержать установившуюся между нами приязнь. Когда нас оставили наедине, она не стала терять времени зря:

— Вы полицейский, мистер Честнотт?

Я изобразил широкую, дружескую улыбку:

— Послушай, девочка. Меня легко можно подцепить на улице, как ты уже поняла, но не так-то просто расколоть. Ты говорила, что хочешь многое мне рассказать. Сначала я послушаю, а уж потом решу, стоит ли что-то рассказывать тебе. Почему ты вообразила, будто я коп?

— Потому что вы спрашивали про Уолдо Мура, а про него только одно и можно теперь сказать: его убили, и копы интересуются такими вещами, разве нет?

— Несомненно. Кроме них, подобные вопросы задают люди, имеющие свой интерес. Предположим, я заинтересован. В тебе смерть Мура тоже пробудила любопытство?

— Еще бы!

— И что в ней любопытного?

— Мне просто интересно, чем все закончится. Не хочу, чтобы убийство сошло кому-то с рук! — В ее глазах мелькнул яркий огонек, вспыхнул и погас. Она добавила: — Он был моим другом.

— Значит, его все-таки убили?

— Конечно убили!

— И кто же?

— Не знаю. — Внезапным точным движением, хотя и без лишней пылкости, она накрыла мою лежавшую на скатерти руку своими. Ее пальцы и ладони были теплыми и твердыми, не слишком влажными, но и не сухими. — Или все-таки знаю. Что мне делать, если знаю?

— Учитывая твою личность, как я ее себе представляю? Советую быть хорошей девочкой и все рассказать папе.

Своих ладоней она не убрала.

— Жаль, — произнесла она, — что вы не отвели меня куда-то, где мы могли бы побыть наедине. Я не знаю, как разговаривать с мужчиной, пока он не обнял меня и не поцеловал. Так я смогу разобраться, что он за человек, а хорошему человеку расскажу все, что знаю.

Я прикинул расклад. Если я уже позволил себе уединиться в отдельном кабинете «Рустермана» с закоренелой нимфоманкой и с этим ничего не

поделаешь, то мог бы, во всяком случае, сохранить достоинство, отделавшись одной только тратой двадцати долларов Вулфа. Но вряд ли дело обстояло именно так. Анализ ситуации подсказывал, что эта куколка просто практикует своеобразный подход к установлению контактов, а спорить с ней я был не готов.

Поэтому я выскользнул из-за стола, выпрямился, задернул шторой вход в кабинку, устроился на диванчике рядом с девушкой и заключил ее в крепкие объятия. Подобно ладоням, ее губы оказались теплыми и твердыми, не слишком влажными, но и не сухими. Роза Бендини не просто разработала уникальную теорию установления контакта, она была готова апробировать ее в деле, а ведь далеко не каждый теоретик захочет подвергать подобному испытанию свои умопостроения.

Когда испытание завершилось, я отпрянул, вернул штору на место и уселся. Как раз в этот момент вошел официант, который принес нам запеченный грейпфрут. Когда он ушел, покончив с сервировкой стола, Роза Бендини заговорила вновь:

— Чем вы занимались в кабинете Хестер Ливси? Тем же, чем сейчас со мной?

— Ну вот опять! — возмутился я. — Ты уверяла, будто многое можешь рассказать, а вместо этого задаешь вопросы. Почему ты считаешь, что Мур был убит?

Она проглотила кусочек грейпфрута:

— А как я узнала, что могу попросить вас обнять меня и поцеловать?

— Это очевидно всякому, кто на меня посмотрит. Благодарю за доверие. Но при виде сплющенной головы Мура заподозрить умышленное убийство не мог никто. Даже копы и эксперты-медики ничего не заподозрили.

Ее ложечка замерла в воздухе, не донесенная до рта.

— Разве можно говорить такие чудовищные вещи!

— Можно. Уверять, что парня убили, тоже чудовищно, особенно если он был твоим другом. Кстати, насколько близким другом?

Она занялась грейпфрутом не с целью выгадать время и обдумать ответ, а просто потому, что была голодна. Так мне показалось. Расправившись еще с тремя дольками, она заговорила снова:

— Я звала его Уолли, потому что мне не нравилось имя Уолдо: слишком оно заумное. И вообще я часто придумываю людям новые имена, люб-

лю это делать. Моего мужа зовут Харолдом, но я называю его Харри. Мы с Уолли были очень близкими друзьями. И оставались друзьями, когда он… когда его убили. Разве я не обещала рассказать все, что знаю?

Ложечка опустилась к грейпфруту.

— Твоего мужа? — Удивление я постарался скрыть. — Мистера Бендини?

— Нет, у него другая фамилия. Его зовут Харолд Энтони. Я вышла замуж почти три года назад и уже тогда работала в «Нейлор-Керр». Просто не стала морочить себе голову сменой фамилии. И рада, что не стала, потому что рано или поздно Харри даст согласие на развод. Когда Харри вернулся из армии, он, похоже, ожидал найти меня в том же шкафу, где оставил, вместе со всем нафталином. Уолли был гораздо умнее, он не совершил бы той же ошибки. Как и вы сами.

— Ни за что на свете! — поклялся я. — А что, твой муж тоже работает в «Нейлор-Керр»?

— Нет, он брокер… То есть он работает в брокерской конторе на Нассо-стрит. Он хорошо образован, учился в колледже, мне никак не запомнить, в каком именно. Мы месяцами не живем вместе, но Харри по-прежнему не может смириться с мыслью, что потерял меня, а мне

никак не удается доказать, что мы не сошлись характерами, сколько бы я ни твердила, будто между нами не было настоящей любви — одно только влечение. — Она положила ложку на стол. — Позвольте, мистер Честнотт, я признаюсь вам кое в чем. Я по-настоящему любила Уолли Мура. Знаю это точно, потому что в жизни никого не ревновала — одного только Уолли. Ревность меня прямо обуревала, я глядела на всех его девиц и придумывала каждой из них жуткую смерть. Вы небось и не подумали бы, что я на такое способна. Я бы наверняка не подумала.

Мой ответ был вынужденно уклончив: официант как раз подал стейки. Сервировав их сладким картофелем и эндивием, он наполнил бокалы и поставил сковороду с остатками на угольную жаровенку здесь же, на столе. Когда официант удалился, я поднял было нож и вилку, но Роза мне помешала.

— Выглядит чудесно. Похоже, этот занавес застрял и вам нипочем не задернуть его снова.

Я отошел и задернул штору. На этот раз она тоже встала с дивана, и мы установили контакт посредством объятий в положении стоя. Все то время, что длился процесс, до нас доносился дразнящий аромат стейков с дивной нотой разлитого

по бокалам бургундского, и эта комбинация сделала ощущение особенно приятным.

— Нельзя позволить им остыть, — заметил я в итоге.

Проявив здравый смысл, она ответила согласием, и я снова отдернул штору, чтобы впустить немного свежего воздуха.

Это сломало еще державшиеся барьеры. Когда с обедом было покончено, я мог бы заполнить переданными ею сведениями шесть машинописных страниц, отпечатанных с минимальным интервалом. Бóльшую часть Роза изложила по-английски; в тех же двух или трех эпизодах, где она обошлась намеками, я предлагаю собственный перевод.

Начиная с первого же рабочего дня Уолдо Уилмот Мур резвился в отделе фондов, будто дельфин в океанских волнах. Применить осторожный подсчет к набранным этим парнем очкам не представляется возможным, поскольку сам он никакой осторожности не проявлял. У меня осталось впечатление, что количество одержанных Муром побед исчислялось десятками, хотя Роза наверняка преувеличила общий итог, отдавая дань его памяти. Лишь четыре имени из всех упомянутых стоило выделить особо, причем два

из них были мужские.

ГВИННФЕРРИС, по уверениям Розы, была настоящей стервой. Прирожденная мастерица обольщать и обещать, она попыталась применить этот навык к Муру, была сбита с толку и неожиданно для себя самой распрощалась с карьерой обольстительницы и раздатчицы обещаний, временно во всяком случае. Несмотря на то что они с Розой были почти сверстницами (двадцать с чем-то), Гвинн до сих пор, вот уже почти два года, прозябала в должности стенографистки на подхвате.

БЕНДЖАМИН ФРЕНКЕЛЬ, серьезная и страстная натура в чине заместителя начальника секции, занимал, по общему мнению, почетное третье место в борьбе за звание лучшего диктовальщика писем во всем отделе. Гвинн Феррис обольщала его и обещала, пока совсем не вскружила бедняге голову. Следовательно, Уолдо Мура он ненавидел со всеми присущими ему серьезностью и страстью или даже еще сильнее.

ХЕСТЕР ЛИВСИ — притворщица, дурочка и мерзавка, каких поискать. Мур крутил ею как хотел, ничуть не собираясь сковывать себя узами брака. Он вообще ни на ком не собирался жениться, но Хестер была слишком глупа, чтобы это понять.

На какое-то время она и впрямь возомнила Мура своей собственностью, но, узнав, что он по-прежнему проводит время с Розой, не говоря уже об остальных, прямо с цепи сорвалась, у нее поехала крыша, и она не очухалась по сию пору.

САМНЕР ХОФФ выделялся из общего ряда, будучи инженером-строителем и техническим консультантом всего отдела фондов. Он также являлся героем или, смотря на чьей вы стороне, антигероем самого драматичного эпизода саги об Уолдо Муре.

Как-то в октябре, как раз перед окончанием рабочего дня, на самом краю большого зала, у входа в кабинет Дикерсона, он мощным ударом в челюсть отправил Мура на колени девицы за соседним столом, попутно испортив письмо, которое та печатала. Как раз перед тем, как нанести свой эффектный удар, он дал понять, что взбешен контролерским отзывом Мура на надиктованное им, Самнером Хоффом, письмо.

Впрочем, по уверению Розы, то был лишь предлог, а на самом деле Хоффа взбесило завоевание Муром сердца Хестер Ливси. Дело в том, что Самнер Хофф уже больше года ухлестывал за ней, в самом хорошем смысле слова.

Я начинал понимать, почему Пайна так раздра-

жали возникавшие вокруг Мура пересуды.

Без малого два часа Роза рассказывала, отвлекаясь только на стейк с разнообразным гарниром, еще на одну бутылку вина, а затем на десерт под кофе и бренди. Когда рассказ подошел к концу, я набрал целую бочку интересных деталей, хотя по большому счету не услышал ничего нового.

Для меня не стало откровением, что в качестве контролера корреспонденции Мур бесил самых разных людей своей некомпетентностью, или что глава его секции не питал к Муру добрых чувств и мечтал от него избавиться, или даже то, что покойный души не чаял в женщинах.

Роза лишь заполнила пробелы и, когда мы подошли к сути: с чего она взяла, будто Мура убили, и кто бы мог сотворить такое, — окончательно растерялась. Она уверена, что Мур был убит, потому что знает, кто желал ему смерти.

Хорошо, так кто?

Ее ответ напомнил мне старую загадку: кого спасет мужик — жену или сына? Она бы голосовала за Хестер Ливси, если бы не Гвинн Феррис, и наоборот: это сделала Феррис, хотя и Ливси, конечно, тоже могла.

Что же касается обстоятельств смерти Мура, тут Роза представила массу разнообразных слу-

хов, набор твердых убеждений и целую россыпь подозрений с наговорами, но ни единого факта, о котором бы я не знал.

Меня это не сильно расстроило, поскольку в деле частного сыска на один билет с выигрышем всегда приходится десяток пустышек, но бурные излияния Розы породили во мне неприятное чувство, будто ей известно нечто такое, о чем она не намерена рассказывать.

Вполне возможно, что, схватив меня за рукав на улице, девушка просто собиралась оказать мне моральную поддержку и дружески подпихнуть в верную, по ее мнению, сторону (уж на это она точно способна). Однако, допивая последний глоток бренди, я укрепился в мысли, что Роза вполне в состоянии прятать в рукаве козырного туза.

Так или иначе, я забрел в тупик и сказал ей:

— Сейчас только начало девятого. Мы могли бы сходить куда-нибудь потанцевать или посмотреть шоу. Или я мог бы вызвать свою машину и покататься с тобой по городу, но все это может и подождать. Думаю, сейчас нам лучше сосредоточиться на печальной судьбе Уолли Мура. Ты слышала когда-нибудь о Ниро Вулфе?

— Это частный детектив? Конечно слышала.

— Прекрасно. Мы с ним довольно хорошо зна-

комы. Я, как уже говорил, в полиции не работаю, но сам кто-то вроде детектива, так что нередко консультирую Ниро Вулфа. Его контора размещается в собственном доме Вулфа на Тридцать пятой улице. Как считаешь, может, нам прокатиться туда и обсудить все с ним? Ему неплохо удается расставлять все по местам.

Обед полностью ее расслабил, но теперь Роза метнула в меня испытующий взгляд:

— Что там, обычный жилой дом?

— Ну да, и в одной из комнат — кабинет.

Она покачала головой:

— Вы не за ту меня приняли, мистер Честнотт. Я не войду в незнакомый дом с мужчиной, которого знаю недостаточно хорошо, чтобы звать по имени.

Роза определенно смотрела на окружающий мир сквозь призму личных контактов.

— Это ты не за того меня приняла, — заверил я ее. — Если мне когда-нибудь вздумается позвать тебя насладиться жизнью вместе, я не стану делать вид, будто занят расследованием. Сомневаюсь, что это вообще возможно, пока ты не выбросишь из головы историю с Уолли Муром. Может даже статься, именно поэтому мне так хочется поскорее обсудить его кончину с мисте-

ром Вулфом.

Упрямиться она не стала: четверть часа спустя мы уже садились в такси. За истекшие пятнадцать минут я успел выписать чек, в третий раз задернуть штору (на довольно продолжительный период времени) и позвонить Вулфу, чтобы предупредить о гостье.

Даже в такси Роза продолжала нервничать. Решив, что было бы неплохо успокоить ее (следует помнить, вино и бренди меня тоже не миновали), я деликатно взял девушку за руку, но свою ладонь она отдернула.

Меня это отчасти покоробило: нервничала Роза не при мысли о встрече и разговорах с Ниро Вулфом, а от перспективы посетить некий странный дом в моем сопровождении. Время позднее, песня почти спета, и вплетать в нее пуританский мотив было, на мой взгляд, неприлично.

Впрочем, в результате я снова начал соображать в обычном режиме и тут же заметил — на перекрестке Сорок седьмой улицы и Десятой авеню, — что у нас появился почетный эскорт. Почти через весь город за нами катило еще одно такси. Будто на прицепе, оно тоже свернуло на Десятую авеню: второй водитель явно не привык прятаться за чужие спины. Раз уж Роза посчитала

нужным воздвигнуть между нами невидимую стену, о преследовании я ей не доложил.

Если уподоблять нашу процессию устойчивому выражению из двух слов, то второе держалось крепко и не отвалилось при повороте направо, на Тридцать пятую улицу. К тому времени как мы подкатили к обочине прямо перед домом Вулфа, между нами не уместился бы и дефис. С шофером я расплатился с сиденья, и два следующих события — я галантно подаю руку Розе, чтобы помочь ей ступить на тротуар, а из второго такси выбирается здоровый детина в пальто и старомодной фетровой шляпе — произошли одновременно.

Когда он направился в нашу сторону, я обратился к здоровяку:

— Что-то не припоминаю вашего имени.

Некультурно с его стороны, но он проигнорировал меня и подошел к Розе вплотную:

— Куда это ты собралась вдвоем с этим парнем?

Выглядел он довольно угрожающе, но девушку это ничуть не смутило.

— Харри, каждый день ты выставляешь себя еще бóльшим дураком, чем прежде! — заявила она в крайнем волнении. — В тысячный раз повторяю: не твоего ума дело, куда я хожу и с кем!

— А я снова отвечу, что моего. — Он возвышался над Розой каменным монументом. — Еще немного — и ты вошла бы в этот дом вдвоем с мужчиной. Богом клянусь, мы уходим отсюда!

С этими словами он опустил руку ей на плечо.

Роза покачнулась, но не от паники; этот мужлан, похоже, обладал хваткой железных тисков. С такой комплекцией он мог бы унести девушку прочь, просто сунув под мышку. Морщась от боли, она воззвала ко мне:

— Мистер Честнотт, это и есть тот муж, о котором я рассказывала. Он такой огромный!

Подразумевалось, что на его фоне я беспомощен, и потому я не смог промолчать.

— Слушай-ка, братец, вот тебе мой совет. Мы пробудем внутри часа три-четыре, этого должно хватить. Подожди на крылечке и, когда она выйдет, сможешь отвести ее домой.

Полагаю, совет можно было сформулировать и удачнее, но мужья, которые упрямо пытаются крутить баранку в перевернутой вверх колесами тачке на обочине, производят на меня слишком уж удручающее впечатление.

Харри немедленно отреагировал, выпустив плечо своей жены. Этот маневр был необходим для следующего движения — точного и мощного

удара кулаком прямо по центру моего лица.

Уклоняясь от намеченной Харри траектории, я успел подумать, что это будет несложно, ведь ему даже не пришло в голову нацелиться на что-нибудь более уязвимое и легче доступное, чем моя физиономия, но я ошибался. Он прекрасно разбирался в тактике рукопашной и, тоже решив, наверное, что задача не столь уж сложна, не стал ей следовать. Когда я отбросил голову в сторону, пропуская его кулак, а сам вложил весь свой вес в хук слева, уткнувшийся ему под ребра, и тем самым дал понять, что знаком с основами, Харри сразу преобразился.

За какую-то минуту он трижды попал кулаками в мой торс и однажды — под челюсть. К этому времени я успел уразуметь, что, обладая весовым преимуществом фунтов в пятнадцать-двадцать, он превосходит меня во всем, кроме одного. В отличие от меня, он был взбешен. И поскольку в драке я высоко ценю роль превосходства и стараюсь следовать золотому правилу: не наносить ударов, которых не отбил бы сам, — я стал тщательно выбирать моменты, чтобы потратить драгоценный воздух на короткие реплики.

Когда Харри промахнулся с ударом правой и был вынужден отпрыгнуть назад, восстанавли-

вая равновесие, я сообщил ему:

— Три часа с ней… летят как три минуты… верно?

Когда же мне самому удалось протолкнуть короткий удар, второй тоже был на подходе, и Харри пришлось взять меня в захват. Самое время пробормотать:

— Я все равно собирался бросить ее где-то через месяц.

В какой-то момент, отлетев после удачного удара, который Харри нанес мне в солнечное сплетение, я вроде бы расслышал, как он поддерживает беседу. До меня явственно донеслись слова:

— С тем же успехом можешь отдать деньги сейчас. Зря он распустил язык. Нельзя же сразу и драться, и разговаривать.

Затем я несколько отстраненно сообразил, что этот странный комментарий отпустил вовсе не Харри. Оба таксиста наслаждались бесплатным представлением, откинувшись на крыло машины, на которой приехали мы с Розой. Это меня возмутило, но, понимая, что сейчас не самое подходящее время чем-то возмущаться, я отмел помеху в сторонку.

Легкие у мужа Розы явно были на пару раз-

меров крупнее моих. Гонга, который возвестил бы начало перерыва в поединке, ждать не приходилось, и я уже жалел, что не умею дышать через уши, а Харри даже губ не разомкнул. И не ослаблял напор своих ударов. Как и прежде, я тщательно выбирал моменты:

— Даже если ты меня усыпишь… я снова проснусь… и она тоже… не три часа… три дня и три ночи… оно того стоит…

Своей правой он запустил дугу решающего удара, нацеленного мне в голову, левую же разве что в карман не спрятал. Подобный трюк он проворачивал и раньше, но тогда я запоздал с ответом на десятую долю секунды.

Мой лучший удар — правой в корпус, точно по почкам, с вложенным в него всем моим весом. Не встретив сопротивления, такой удар заставляет меня самого совершить полный оборот. Когда момент и дистанция подобраны удачно, я творю чудеса.

На этот раз сопротивление было оказано; нет, Харри не рухнул навзничь, но пружины в его коленях явно ослабли, а руки временно сковал паралич. Я набросился на него коршуном, подскочил ближе и отчаянно заработал локтями.

Наши лица разделяло не более шести дюймов,

и когда я увидел, что Харри готов осесть и в ближайшие две секунды не шелохнется, то немного попятился, чтобы угостить противника еще двумя ударами по почкам. Второй пришелся чуть выше намеченного, потому что муж Розы уже начал оседать.

Я стоял над ним, пытаясь разжать кулаки и понемногу замечая: меня всего трясет с головы до пят и я ничего не могу с этим поделать. Взвинченное состояние. Тут раздался голос одного из таксистов:

— Мать честная! Картина — хоть в рамку вставляй. Два последних тычка я будто сам получил.

Я оглянулся по сторонам. Квартал не был столь уж густо населен и в это время дня обычно пустовал. Сражаясь, мы оба не орали благим матом, а потому не привлекли внимания. Ни души вокруг, не считая двоих водителей.

— Куда делась леди? — спросил я у них.

— Да ее как ветром сдуло, когда он припечатал тебя к капоту моей тачки. — Таксист выбросил большой палец в западном направлении. — Туда побежала. И ссориться с тобой я, кстати, не желаю. Какого черта, Мак, тебя хоть сейчас на ринг выводи!

Я все еще старался восстановить нормальное

дыхание. Муж Розы приподнялся на локте и явно готовился встать, так что я заговорил первым:

— Ах ты, неугомонный черт женатый! Встанешь на ноги — сразу получишь добавки. Ты хоть знаешь, кто живет в этом доме? Ниро Вулф. Я вел к нему Розу обсудить разные важные вещи. Теперь она сбежала, и провалиться мне на этом месте, если я вернусь с пустыми руками! Короче, я забираю тебя с собой. И потом, тебе не помешает отряхнуться и выпить чашечку чая.

Он выслушал это сидя, с лицом, отражавшим мое самочувствие.

— Это не шутка? — прохрипел он. — Ты притащил ее сюда, чтобы отвести к Ниро Вулфу?

— Да.

— Тогда прошу прощения. Извини. — Встав на ноги, он не без труда выпрямился. — Когда дело касается моей жены, я не пускаю в ход мозги. Сейчас я с удовольствием бы выпил, причем не чая. И было бы неплохо заглянуть в зеркало.

— Тогда смело вперед. Я знаю, где там висит зеркало. Не забудь шляпу, она под той машиной.

Один из таксистов вручил ему головной убор. Следуя по пятам за Харри, я одолел семь ступеней крыльца и воспользовался своим ключом. Мы повесили свои вещи в прихожей, и я сразу пота-

щил его в кабинет. Вулф был на месте, сидел за столом. Окинув мужа Розы быстрым взглядом, он перевел глаза на меня и потребовал ответа:

— Какого дьявола ты натворил на сей раз? Это и есть та молодая женщина, с которой ты ужинал?

— Нет, сэр, — ответил я. Пусть меня поколотили, я смог выстоять в драке и уже успел отдышаться. — Это ее муж, мистер Харолд Энтони из финансовых кругов, выпускник колледжа. Он следил за ней после выхода из конторы и последовал за нами сюда, решив, что я веду ее к вам поразвлечься. Видимо, наслышан о вашей репутации. Он целил мне в лицо и промахнулся — прямо здесь, у крыльца. Затем мы начали практические занятия, и всего за десяток минут я научил его нескольким приемам. Черту подвели три удара по почкам. Я все верно изложил, мистер Энтони?

— Да, — был ответ.

— Отлично. Скотч, ржаной виски или бурбон?

— Бурбон, да побольше.

— Найдется. Мистер Вулф попросит Фрица принести бутылку. Ванная комната за этой дверью. Идем.

Голос Вулфа настиг нас сзади:

— Проклятье! Куда подевалась миссис Энтони?

— Да бог с ней! — ответил я с порога ванной. — Вам придется подавить свои низменные желания. Сегодня она решила пройтись, а муж ее подменяет.

Глава 13

В нескольких футах от стола Вулфа помещается удобное и просторное, обитое красной кожей кресло, у подлокотника которого выставлен небольшой столик из массива экзотической массарандубы[4], основная функция которого — подпирать чековые книжки, когда в них выводят свои каракули наши клиенты. Более часа, пока Вулф опрашивал Харолда Энтони, наш гость провел в этом кресле, время от времени отворачиваясь к столику за новой порцией бурбона.

Мистер Энтони свято верил, что отдел фондов корпорации «Нейлор-Керр» — вертеп, рассадник блуда, где, подобно росткам сладкого картофеля, проклевываются самые гнусные пороки.

Мистер Энтони и сам был не без греха. По возвращении с армейской службы в прошлом ноябре он устроил четыре мордобоя, отделав четверых мужчин, которых застиг в обществе своей супруги по пути куда бы то ни было. Один

---

[4] Примечания: 4

Массарандуба — произрастающее в тропических лесах Южной Америки дерево, имеющее очень прочную древесину. Из его млечного сока получают неэластичную резину.

из этих бедняг угодил в больницу со сломанной челюстью. Оскорбленный супруг не имел понятия, звали кого-то из побитых Уолли или же Мур.

На время убийства Мура у мистера Энтони имелось алиби: весь вечер четвертого декабря он провел в боулинге с компанией друзей. Они закончили игру около половины двенадцатого, и мистер Энтони прямиком направился домой. Когда Вулф заметил, что это не помешало бы ревнивцу переехать Мура на Тридцать девятой улице, Энтони не замедлил согласиться, однако подчеркнул, что никак не мог оказаться в том самом автомобиле, поскольку машину угнали еще до одиннадцати двадцати, в каковое время владелец, выйдя из театра, обнаружил пропажу транспортного средства со стоянки.

— По-видимому, — заметил Вулф, — вы с интересом и усердием следили за ходом расследования обстоятельств смерти мистера Мура. По газетам?

— Да.

— Откуда такой интерес?

— Ну, там напечатали фотографию Мура, и я узнал парня, которого видел с женой за несколько дней до того.

— Где вы его видели?

— Они вдвоем садились в такси на Бродвее, в центре.

— Вы говорили с ним?

— Да, я что-то сказал, прежде чем остудить его пыл.

— Остудить? Каким же способом?

— Я гнал его пинками пол-Бродвея, а потом вернул жену домой.

— Правда? — грозно прищурился Вулф. — Что у вас с головой, молодой человек? Нигде не протекает? Вы сами сказали, что понятия не имеете, звали ли Муром кого-то из кавалеров вашей супруги, которых вы успели поколотить.

— Мои точные слова, — не дрогнул муж Розы. — Какого черта! Я бил, не спрашивая имен.

В его шкуре прятались два совершенно разных человека. Сидя в солидном обществе и потягивая неплохой бурбон, он выказывал выдержку и рассуждал здраво. Я едва узнавал в нем взбешенного лося с диким взглядом, который утратил над собой всякий контроль при виде того, как я помогаю помощнице главного делопроизводителя секции механизмов и комплектующих выбраться из салона такси. Может, и вовсе не узнал бы, если бы не пластырь, прикрывавший ссадину на его лице. Ссадина была следствием моей забыв-

чивости: на краткий миг я запамятовал, какими твердыми бывают скулы, если достаточно сильно приложить к ним костяшки пальцев.

В самом начале беседы, когда мы едва успели привести себя в порядок и вернулись в кабинет из ванной комнаты, Харри говорил осторожно и уклончиво, даже глотнув бурбона, пока не убедился окончательно, что я привез сюда Розу исключительно по делу. Затем, услышав, что она собиралась помочь выяснить правду о гибели Уолдо Уилмота Мура, он всего за минуту решил, что лучшей тактикой будет честно и прямо ответить на все вопросы: это поможет удержать супругу подальше от неприятной истории. По крайней мере, так все выглядело, и когда мы дошли до разбора его алиби на четвертое декабря, я почти готов был признать в нем представителя собственного вида.

Где-то в четверть десятого он ушел — не потому, что бутылка опустела или у Вулфа закончились вопросы, а из-за прибытия Сола Пензера. Я сам впустил Сола, и когда тот направился к кабинету, оттуда появился муж Розы. Он собрал вещички с вешалки и, влезая в пальто, без ложной скромности охал и стонал. В конце протянул мне руку.

— Господи, да я еще с неделю буду калекой! —

признал он на прощание. — Этот удар правой пробьет и танковую броню.

Я поблагодарил за лестный отзыв, закрыл за ним дверь и вернулся в кабинет.

Сол Пензер, обладатель скромного роста и солидного носа (подтверждавшего теорию, будто нюхательный аппарат — это главное, что есть на лице), всегда выглядел так, словно в последний раз брился вчера утром. Что не мешало ему оставаться лучшим внештатным агентом во всем Нью-Йорке. Вдобавок он был единственным из знакомых мне коллег, кому я мог бы вручить подписанный чек с непроставленной суммой и спать спокойно. Он явился с докладом, и, судя по развернутой им бурной деятельности, Вулф связался с Солом сразу, как я вышел из дому поутру.

Помимо описания бурной деятельности, почти ничего существенного доклад Сола не содержал. Он пообщался с полицейскими, которые вели дело, пролистал три газетные подшивки, съездил в центр заглянуть в архивы капитана Боуэна и даже повидался с владельцем злополучной машины. Все, что ему удалось собрать, — это наиболее полную коллекцию отрицательных результатов, какую я когда-либо видел.

На автомобиле никаких отпечатков пальцев.

Никто не представлял, что именно позабыл Мур на Тридцать девятой улице. Никто не видел, как уже совершившую наезд машину паркуют на Девяносто пятой улице. Короче, ни единой ниточки, которая бы не оборвалась.

Полиции было известно о дружбе Мура с миссис Пайн, о его романтических похождениях в «Нейлор-Керр», а также о нескольких других выкрутасах, которые стали для меня новостью, но ничто из собранных копами сведений не сумело пролить хотя бы луч света на события той ночи. Для полиции все случившееся уже стало седой стариной, у них вечно забот полон рот. Дело о бегстве с места дорожного происшествия так и останется нераскрытым, пока злодей не явится с повинной.

— Одна маленькая проблемка, — добавил Сол, явно недовольный своими успехами. — Тело было найдено в десять минут второго ночи. Медэксперт прибыл в час сорок две. Он наскоро определил, что Мур мертв уже около двух часов, и отчет о вскрытии более-менее согласуется с этим заключением. Значит, у нас три варианта. Первый: Мур провалялся на улице с полуночи до десяти минут второго, никем не замеченный. Второй: эксперты ошиблись и Мур погиб позднее

названного ими часа. Третий: тело Мура какое-то время находилось в другом, неустановленном месте. Я упомянул все три варианта в участке, но копы отказываются видеть здесь проблему, даже мелкую. Их вполне устраивают первый и второй варианты, а также любая их комбинация. Более того, они всерьез уверяют, что с наступлением полуночи Тридцать девятая улица вполне могла до такой степени обезлюдеть. — Сол развел руками. — Можете оплатить мои расходы и про все забыть.

— Вздор! — отрезал Вулф. — Тебе платит наш клиент, а не я. Глаза тигра сами не светятся, Сол, они лишь отражают свет. Ты весь день провел впотьмах… Возвращайся завтра: к утру у меня могут возникнуть кое-какие мысли.

Сол удалился.

Я зевнул. Вернее, открыл было рот, но зевать передумал. Вино неизменно нагоняет на меня сонливость, но так же верно и то, что последствия серии ударов, нанесенных в челюсть и по шее, способны удержать от зевков. Я крутанулся на кресле, не озаботившись опереться о стол. Как минимум сорок мускулов в моем теле беззвучно взвыли в ответ на эту оплошность, и, поскольку Харри успел нас покинуть, я предпочел не сдер-

живать громкого стона.

— Пожалуй, пойду на боковую, — решил я.

— Не спеши, — возразил Вулф. — Всего только половина одиннадцатого. Утром тебе на службу, а я еще не слышал доклада. — Откинувшись на спинку кресла, он прикрыл глаза. — Начинай.

Три часа спустя, в половине второго ночи, мы сидели все там же и я все еще докладывал. Никогда не встречал в Вулфе такой дотошности: он требовал описать каждую деталь и вспомнить все до последнего брошенного кем-то словечка. Мое лицо затвердело, как доска, все пониже лица отчаянно болело, особенно левая сторона, но я не собирался позволить Вулфу насладиться новым стоном и терпел молча. Казалось, я рассказал ему все, что мог знать, но Вулф подкидывал новые вопросы. Когда уже нельзя было продолжать в том же темпе, не сделав ясным как божий день, что он просто хочет увидеть, как я рухну на ковер у его ног, он спросил:

— И что ты думаешь?

Я попробовал усмехнуться, но сомневаюсь, что произвел впечатление.

— Думаю, — сказал я, — критический момент в этом расследовании настанет где-то через месяц или недель через шесть максимум, когда мы

встанем перед выбором: все прекратить и выставить счет к оплате или потянуть еще немного. Решение будет зависеть от двух вещей: насколько остро мы будем нуждаться в деньгах и долго ли «Нейлор-Керр» захочет оплачивать отсутствие результата. Такова дилемма, стоящая перед нами, и нам придется как-то ее решать.

— Значит, ты не считаешь, будто мистер Мур был убит.

— Этого я не знаю. Убить его вполне могли по меньшей мере двести человек. Если кто-нибудь из них убил и существует способ выяснить, кто именно, у меня, понятно, есть свои предпочтения. Я уже упоминал Пайна. Его кандидатура мне нравится. Вывести на чистую воду упертого обманщика всегда приятно. А ведь это отчаянный блеф: сперва убить, а затем нанять вас для расследования собственного преступления. Но если этот тип спокойно позволяет жене заводить двуногих питомцев только потому, что та владеет пакетом акций компании, выплачивающей ему жалованье, что могло толкнуть его на убийство? В любом случае Мура она уже бортанула. Так что я готов поставить на Керра Нейлора.

— Вот как?

— Да, сэр. Из соображений чистой психологии.

Погодите, еще встретитесь с ним в понедельник! В десяти последних воплощениях он был котярой и раз за разом ставил мировые рекорды в играх с мышью. Прибавьте сюда давно известную тягу убийцы к исповеди. И что мы имеем в результате? Дело давно легло на полку как случайный наезд на пешехода. Виновника не нашли и вряд ли уже найдут. Однако сознаться так хочется. И вот Нейлор решает сообщить всему миру, включая заместителя комиссара полиции, о совершенном убийстве. Это ничего ему не стоит, избавляет от зуда и продолжает славные традиции кошачьей родословной. Просто потеха! В данном случае мышью оказываются его подчиненные, президент фирмы, совет директоров, копы — все, только не он сам. Да уж, Нейлор — подозреваемый номер один.

— Еще кто-нибудь?

Я собирался отмахнуться, но плечо выразило решительный протест.

— Сколько угодно. Дикерсон, блюдущий честь секции. Розенбаум, прикипевший к мисс Ливси и желающий спасти ее от происков дрянного Казановы. И далее по списку. Но это все чисто академический интерес. В своих теориях мы можем прийти к какому-то выводу, и что тогда?

Волны прибоя давно смыли с песка все следы. Хочу повториться: тайна, которую нам надлежит раскрыть, всего одна — когда признать поражение и попросить расчет. К счастью, меня сможет утешить жена. Я намерен помочь мисс Ливси забыть ее ненаглядного Уолдо.

— Проклятье! — Вулф потянулся к пивному бокалу и обнаружил, что тот пуст. Поднял бутылку — и там пусто. Смерил их ненавидящим взглядом. — Полагаю, нам обоим следует отдохнуть. Боль сильная?

— Боль? Какая боль? Я думал, мы еще немного посидим, поболтаем. Распутать такое сложное дело ох как непросто.

— Может, и так. Завтра днем я хотел бы увидеться с миссис Пайн. Пусть подъедет к одиннадцати или после ланча. Муж поможет организовать встречу.

Засим Вулф обеими руками ухватился за край своего стола — знакомая прелюдия к подъему на ноги.

Зазвонил телефон. Я развернул кресло (без стона) и поднял трубку:

— Кабинет Ниро Вулфа. Арчи Гудвин у аппарата.

— Алло, мистер Гудвин? Муж рассказывал мне

о вас. Это Сесили Пайн.

— Да, миссис Пайн?

— Я только что вернулась домой после ужина в кабаре, и муж рассказал мне про ваше расследование обстоятельств смерти Уолдо Мура. Я готова помочь, если это в моих силах, и не думаю, что подобные вещи стоит откладывать надолго, так что приеду к вам прямо сейчас. Адрес у меня есть.

Только чудом мне удалось сохранить в голосе деловитость и дружелюбие.

— Боюсь, лучше будет перенести это на завтра, миссис Пайн. Час уже довольно поздний, и мистер Вулф…

Но он все испортил. Схватил трубку на своем аппарате и бесцеремонно вмешался в разговор:

— Говорит Вулф. Буду рад, миссис Пайн, если вы сможете подъехать немедленно. Блестящая мысль! Адрес у вас имеется?

Она ответила, что адрес есть, и что она уже выезжает, и что ехать всего ничего — с Шестьдесят седьмой улицы. Мы с Вулфом положили свои трубки.

— Такая жалость! — сказал Вулф. — Тебе давно пора в кровать, но твое присутствие может понадобиться. Будешь делать заметки.

— И вовсе я не хочу спать, — процедил я сквозь

зубы. — Сидел и надеялся, что она позвонит.

Глава 14

После всего, что слышал, я едва поверил своим глазам, когда открыл гостье дверь и впустил ее в дом. Возможно, подсознательно я ожидал встретить кого-то вроде Хеди Ламарр[5], какой та станет, когда годы согнут ее стан и покроют лицо сетью морщин, а потому испытал настоящий шок при виде розового, гладкого, цветущего лица и вполне приличных ножек, чуточку полноватых, как и подобает состоятельной замужней даме, но отнюдь не толстых.

— Вы Арчи Гудвин, — произнесла она низким, поставленным голосом.

Я признал, что именно так и называюсь.

Она просто поедала меня глазами, даже шагнула ко мне, чтобы рассмотреть получше.

— Боже мой! — ахнула она. — Что у вас с лицом? Сплошь синяки и царапины!

— О да. Я подрался с одним типом, и он ударил

---

[5] Примечания: 5

Хеди Ламарр (1914–2000) — американская киноактриса (австрийского происхождения) из числа самых ярких звезд «золотого века» студии «Метро-Голдвин-Майер». Признанная в 1930–1940-е гг. одной из красивейших женщин Европы, Хеди Ламарр известна также своими изобретениями. — *Примеч. ред.*

меня кулаком. Двумя кулаками.

— Господь всеблагой! Картина просто ужасающая! У вас найдется сырая говядина?

Сомневаюсь, чтобы миссис Пайн хоть раз доводилось прибегать к подобному средству. Наверняка она вычитала это из книг, учитывая то, что мне известно о ней. Я успокоил ее, заявив, что все не настолько плохо, чтобы пожертвовать куском вырезки по девяносто центов за фунт, и прозрачно намекнул, что если в чем и нуждаюсь, то лишь в продолжительном ночном сне. Вслед за чем проводил ее в кабинет.

Вулф был на ногах, не иначе как вставал потянуться и размяться. Миссис Пайн подошла пожать ему руку, отвергла красное кожаное кресло, поскольку предпочитала прямые спинки, одобрила принесенный мною стул, позволила мне избавить ее от шубки из меха платиновой рыси, а может, алюминиевого соболя или другого пушного зверя, и чинно уселась.

— Вам обязательно нужно сделать что-то с лицом, — сказала она мне.

Самое забавное, эта ее настойчивость ничуть меня не раздражала. Миссис Пайн ясно давала понять, что мое незавидное состояние доставляет неудобства ей самой. Так на что было обижаться?

Мы с интересом обсуждали мои синяки, пока Вулф наконец не вмешался, воспользовавшись короткой паузой:

— Насколько я понимаю, вы искали встречи со мной, мадам?

Она обернулась к нему, и ее манеры полностью переменились — оттого, возможно, что на лице Вулфа не было ни ссадин, ни синяков.

— Да, искала, — твердо сказала она. — И всячески осуждаю решение мужа привлечь вас к расследованию смерти Уолдо Мура. Какой в том прок?

— Ответить я не в состоянии. — Вулф откинулся на спинку кресла, строго параллельно выложив руки на подлокотники своего кресла. — Задайте этот вопрос супругу. Если вам не по нраву то, что он привлек меня к расследованию, убедите его дать мне расчет.

— Не вышло. Я уже пыталась. Он упрямо стоит на своем. Потому-то я и приехала к вам.

Молодец Джаспер! — подумалось мне. Но что, черт возьми, стоит за его упорством?!

Миссис Пайн не умолкала:

— Я допускаю, разумеется, что мой муж принял на себя некие обязательства… Или, скорее, корпорация. Но если вы свернете следствие прямо

сейчас, не возникнет никаких сложностей. Я берусь возместить все ваши убытки.

— И чего вы этим добьетесь? — сварливо осведомился Вулф.

Я бы не осмелился утверждать, будто ему вовсе не нравятся женщины, но он точно не симпатизирует особам, готовым схватить мяч и сбежать с ним, оставив игроков на поле.

— Ваш муж попросту наймет кого-нибудь еще. К тому же, мадам, хотя я и запрашиваю приличные деньги за свои услуги, в мои обычаи не входит получать их ни за что. И ради вас я не сделаю исключения. Нет. Очевидно, вы привыкли всегда добиваться своего, но в данном случае стоит поискать какой-то другой способ. Чего именно вы желаете?

Миссис Пайн повернулась ко мне. На миг мне показалось, что гостья вновь заговорит о моем лице, но вместо этого она спросила:

— Что он за человек, Арчи? Настолько упрям, как хочет казаться?

Это «Арчи» в ее устах прозвучало совершенно естественно.

— Насколько я знаю мистера Вулфа, — сообщил я ей, — это еще не упрямство, а едва ли не бесхребетность.

— Боже ты мой!.. — Миссис Пайн разглядывала Вулфа с интересом, но без явных признаков тревоги. — Я так понимаю, — внезапно заговорила она, — вам известно, что Уолдо Мур какое-то время назад был моим близким другом?

— Мне говорили об этом, — кивнул Вулф. — Мистер Гудвин рассказал. Причем этими сведениями с ним поделился некий газетчик. По-видимому, о вашей дружбе известно многим.

— Ну конечно. В этом и заключается преимущество жизни на виду: общеизвестные вещи принимаются как должное. Но разрешить людям знать — это одно, а публично обсуждать в газетах — совершенно другое. Допускаете ли вы хоть на миг, мистер Вулф, что я буду сидеть сложа руки и наблюдать, как вы скармливаете мою частную жизнь таблоидам? Раздуваете сенсацию из смерти Уолдо Мура?

— Ни в коем случае, мадам. — Вулф по-прежнему был настроен брюзгливо. — Предельно ясно, что вы не намерены сидеть сложа руки. Они и сейчас не сложены. Вы прибыли сюда повидать меня в половине третьего ночи. Кстати говоря, тот же вопрос вы наверняка задавали и мужу. Что он ответил?

— Муж уверяет, что результаты расследования

не станут всеобщим достоянием. Он говорит, что добивается только одного: положить конец слухам, гуляющим в офисе, и не позволить моему брату запустить их вновь. Я же вовсе не намерена идти на подобный риск, и не пойду.

— А что говорит ваш брат? Вы обсуждали с ним эту проблему?

Ее прямо передернуло. Поскольку мне пока не предлагали вести записи, я мог не отрывать глаз от лица миссис Пайн и лишь теперь углядел на нем первые признаки нерешительности. Она молчала, сжав губы. И мне подумалось, что это семейная черта. В конце концов, по ходу так называемого ланча в компании Керра Нейлора тот в первый и единственный раз прервался для раздумий, когда разговор зашел о его сестре.

Наконец она заговорила:

— Я не знаю, что́ задумал мой брат, не знаю точно. Этим он со мной не поделился, хотя обычно делится. Он, как вам сказать… очень необычный человек. Ему не по душе мой муж и все прочие руководители компании, за исключением одного-двух.

Вулф аж крякнул:

— А к вам он неприязни не испытывает?

— Отчего же, нет. Нет!

— Тогда почему он не прекратил молоть вздор об убийстве, когда вы его попросили?

— Мой брат не… — Молчала она недолго. — Вот интересно, мне даже в голову не приходило, но брат слово в слово повторяет то, что говорит муж: дескать, волноваться нечего, огласки не будет. Но мне все равно, что они оба говорят. Риск по-прежнему остается. А я твердо верю, что ненужных рисков следует избегать всеми способами. В разумных пределах, конечно. Если мой муж и брат собираются вести себя как балованные дети и, скажем так, выставить себя круглыми дураками, волей-неволей мне придется брать ситуацию под контроль. — Переведя взгляд на меня, миссис Пайн сразу стала другой женщиной. — Тут у вас довольно прохладно, Арчи. Можно мою шубу?

Чего уж тут удивляться, миссис Пайн была одета для вечернего выхода: ничего, кроме кожи, выше линии глубокого декольте. Кстати, вполне свежей кожи для ее возраста (навскидку прибавим к моим трем десяткам еще один). Я принес шубку и накинул ей на плечи. Она поблагодарила улыбкой, а я отошел подвинуть рычажок термостата еще на одно деление.

Согревшись, миссис Пайн продолжила свой обращенный к Вулфу монолог:

— Лучше всего, подумала я, будет вести дело напрямую с вами. В этом есть свой смысл: коль скоро вы по моей просьбе откажетесь от расследования, муж, возможно, наймет кого-то другого. Тогда пусть добивается желаемого, почему бы и нет? Кажется, он хочет, чтобы вы продолжали расследование. Мой брат тоже не против. Так зачем же им перечить? Вы получите от них всю оговоренную сумму, а я добавлю к ней свой чек. И вы не сможете утверждать, будто я оплачиваю ваше бездействие, поскольку гарантируете мне, что следствие не приведет… как бы выразиться… Что результаты не будут преданы огласке. Не так уж важно, как это сформулировать, пока все мы понимаем, о чем идет речь. Я могла бы выписать чек на… десять тысяч долларов?

Вулф укоризненно качал головой.

— Ради всего святого, — с недоверием пробормотал он. — Вы отдаете себе отчет в том, что предлагаете деньги в обмен на сохранение тайны?

Глаза миссис Пайн округлились.

— Ничего подобного! Какой еще тайны?

— Не знаю. Пока не знаю. Но ваш муж или его компания, солидным пакетом акций которой вы владеете, платит мне за то, чтобы нечто выяс-

нить. Вы же предлагаете заплатить за то, чтобы я это нечто утаил, если до него докопаюсь. Вы назвали мужа и брата круглыми дураками, но как бы вы назвали себя? Вам кажется, я способен вести двойную игру. Если так, что заставит меня прекратить ее? Почему бы не повысить ставки до ста тысяч или миллиона? Вы слабоумны, мадам.

Проигнорировав «комплимент», она сосредоточилась на логической цепочке.

— Глупости, — насмешливо протянула она. — Не будь я наслышана о вашей репутации, неужели явилась бы к вам среди ночи? Вы не станете меня шантажировать. Вы же не мошенник!

Вулф потерял дар речи, что лишний раз доказывало: он не понимает женщин и вполовину так же хорошо, как мужчин. Я вот раскусил миссис Пайн без всяких проблем. Позиция гостьи была проста: если по ее просьбе Вулф облапошит «Нейлор-Керр», в этом не будет ничего предосудительного; однако, попытавшись обманывать или шантажировать ее саму, он выставит себя презренным вымогателем, мерзавцем и подлецом. Впрочем, это исключено в силу его репутации.

Видя, что стороны не пришли к согласию и вряд ли быстро к нему придут, я позволил себе вставить:

— Поверьте, миссис Пайн, так вы ничего не добьетесь. Право же, не получится. Его нельзя подкупить или запугать.

Она уставилась на меня, и в ее глазах я, очевидно, уже не был прежним милым Арчи. Только не теперь.

— Я не пыталась его запугивать! — заявила она.

— Знаю, что не пытались. Это я так, ради красного словца.

Миссис Пайн повернулась к Вулфу. Затем снова ко мне.

— Но… — Она явно обдумывала какую-то неожиданную мысль. — Скорее всего, у него можно отобрать лицензию. С теми налогами, которые я плачу, и с моими знакомствами это наверняка возможно. Разве частному детективу для работы не нужна лицензия?

Тут я сам едва не лишился дара речи, но кто-то ведь должен был разрулить ситуацию.

— Разумеется, нужна, — подтвердил я. — И мне, кстати, тоже. Вы можете испробовать и такой подход, Алиса, хотя в успехе я сомневаюсь.

— Меня зовут Сесили.

— Знаю. Я имел в виду Алису из Страны чудес. Вы мне чем-то ее напомнили.

— Чудесная книга! — объявила она. — Совсем недавно я перечитала ее. А вы двое партнеры в своем агентстве?

— Нет, я просто работаю на него.

— Не понимаю почему. Как можно терпеть такого? Сколько вам понадобится денег для создания собственного агентства?

— Пф! — вмешался Вулф. — Несусветный вздор! Сделав легкое усилие, мадам, вы обнаружите, что я вполне благоразумный человек. Способны вы принять мое предложение?

— Не знаю, — осторожно ответила миссис Пайн. — Сначала послушаем, что именно вы предлагаете.

— Все просто. Подобные фортели не помогут вам добиться своего ни от меня, ни от мистера Гудвина. Впрочем, даже если бы я принял ваш смехотворный план, никто бы не гарантировал, что деньги не будут потрачены зря. Ваши опасения, возможно, безосновательны. Очевидно, вам кажется, что выяснение истинных причин гибели мистера Мура грозит крупным скандалом, который разразится со всей неизбежностью или как минимум весьма вероятен. Позвольте спросить, почему вы так в этом уверены?

В ее обращенном к Вулфу взгляде мелькнуло

уважение.

— Умно, — великодушно похвалила она. — Если я обосную свою уверенность, это заметно продвинет ваше расследование. Вот только я вовсе не уверена. Просто не хочу рисковать.

— Но разделяете ли вы мнение брата, что мистер Мур действительно был убит?

— Разумеется, нет. Обычный несчастный случай.

— Встречались ли вы с мистером Муром в тот день? В день его гибели?

— Нет. Я не видела его уже долгие месяцы. — Тут миссис Пайн рассмеялась. И смеялась от души, словно что-то и впрямь показалось ей донельзя забавным. — Он собирался жениться! На девице из конторы по фамилии Ливси. Хестер Ливси. Он как-то позвонил мне и все рассказал. Вы, конечно, и представить себе не можете, какой это абсурд, вы ведь его не знали.

— Вы рекомендовали мистеру Муру не вступать в брак?

— О боже, нет! Это не привело бы ни к чему хорошему. Если бы я знала девушку, то смогла бы дать ей совет-другой. Но только не Уолдо. — Миссис Пайн снова повернулась ко мне. — Он всегда такой, Арчи? Сказал, что хочет дать совет,

а вместо этого устроил перекрестный допрос?

— Всегда, — согласился я. — Но он это не специально. Просто у него мысли скачут.

— Мое предложение, — сказал ей Вулф, полностью меня игнорируя, — зависит от обстоятельств. Оно не имеет силы в том случае, если вы не говорите нам всей правды. Допустим, вы не представляете себе фактов, раскрытие которых может вызвать газетную сенсацию, и всего лишь хотите обезопасить себя от риска. Отчего бы не положиться тогда на мою осмотрительность? Я умею хранить секреты и не получу ни удовольствия, ни выгоды, вызвав ненужный общественный резонанс. Почему бы не помочь мне покончить с этим делом? Все упирается в несговорчивость вашего брата. Ведь это он упорствует, называя гибель Мура убийством. Возможно, ему просто нравится слово. Полагаю, вы лучше, чем кто-либо, знаете своего брата. Вы могли бы помочь в общении с ним. И начать прямо сейчас, рассказав нам о нем. Почему бы и нет? К примеру, я слышал, что это вы просили его устроить мистера Мура на работу. Встретил ли он эту просьбу какими-то возражениями?

Попытаться стоило, но прием не сработал. Очевидно, Вулф не заметил, что у миссис Пайн

аллергия на упоминания о брате. Хотя едва ли, обычно он подмечает все. В любом случае попытка провалилась. Нет, она не прекратила разговор. Напротив, судя по всему, была готова сидеть и болтать о том о сем всю ночь напролет, но только не раскрыть нам подноготную брата. Вулфу не удалось вытащить из нее ничего больше уже звучавшего утверждения, что брат миссис Пайн — человек необычный. Вот только она уже это говорила. Да мы и сами это знали.

Наконец Вулф опять ухватился за край стола, отодвинул кресло и встал. Миссис Пайн тоже поднялась на ноги, и я помог ей совладать с шубой.

В прихожей, когда моя ладонь уже легла на ручку парадной двери, гостья остановилась, лишив меня возможности распахнуть дверь, не задев пальцы ее ног, и с сочувствием произнесла:

— Надеюсь, завтра вашему лицу станет лучше.

— Спасибо. Я тоже надеюсь.

— И вы еще не ответили, какая сумма позволит вам открыть собственное дело.

— Совершенно верно, не ответил. Хочу сначала все посчитать.

— Любите посещать симфонические концерты?

— Да, изредка, когда укладываюсь спать. По-

средством радио.

Это она тоже сочла забавным.

— В любом случае уже почти апрель. Гребля? Гольф? Бейсбол?

— Бейсбол. Хожу на все матчи, куда удается вырваться.

— Замечательная игра, правда? «Янкиз» или «Джайентс»?

— И те и другие. Любая команда, что выходит на стадион.

— Я пришлю вам сезонный абонемент. По правде сказать, Арчи, мне кажется, мой брат совсем спятил. Только не рассказывайте мистеру Вулфу.

— Никогда и ничего ему не рассказываю.

— Тогда пусть это будет нашим первым общим секретом. Спокойной ночи.

Я проводил ее наружу, помог сойти с крыльца и добраться до обочины, где миссис Пайн перехватил шофер, уже открывший дверцу автомобиля. Возвращаясь назад по ступеням, я сделал зарубку в памяти: непременно позвонить утром Лону Коэну. Пусть знает, что я уже практически на содержании, но свои десять процентов комиссионных он не получит, поскольку успех мне принесли исключительно собственные боевые заслуги.

По возвращении в дом я прямиком устремился к лестнице, не желая больше рисковать. Впрочем, перемахивать ступеньки оказалось выше моих сил, а одолеть предстояло два марша. На площадке я перегнулся через перила и прокричал вниз:

— Пойду прикину, во что ей обойдется меблировка моего нового агентства! Доброй ночи!

Глава 15

К следующему утру, в четверг, главная арена отдела фондов совершенно преобразилась, насколько я мог судить. Где бы я ни засветился, входя или выходя, перемену можно было увидеть, почувствовать и даже отведать на вкус.

В среду я представлял собой комбинацию незнакомого мужчины, которого надлежало окинуть взглядом и снабдить ярлычком, и вторгшегося извне чужака, способного, по-видимому, воспринимать всех чудесных милашек лишь в качестве единиц персонала. Утром четверга я предстал в другой ипостаси: детектива, идущего по следу убийцы.

Так все они меня видели, и это бросалось в глаза. То ли Керр Нейлор запустил очередную крученую подачу, то ли открылась другая течь, не знаю, но прием, который мне оказывали повсюду, где бы я ни появился, не оставлял сомнений.

Табачные крошки в папке остались нетронутыми. Я не сильно расстроился из-за этого, поскольку не имел причин подозревать, что кто-то в офисе «Нейлор-Керр» намерен мешать

следствию. В шкафу я оставил все как было. В десять утра дозвонился до Джаспера Пайна и представил ему отчет об эпизоде с миссис Бендини и мистером Харолдом Энтони, а также ввернул:

— Прошлой ночью к нам заезжала ваша супруга.

— Знаю, — фыркнул он и не стал развивать тему.

По-видимому, Пайн не видел никакого смысла интересоваться содержанием нашей беседы. Зачем? Ведь жена сама уже все рассказала. Когда я сообщил Пайну, что отдел фондов явственно видит во мне ищейку, он угрюмо посоветовал мне и вести себя как ищейка и отправил на лужок порезвиться.

Первым делом я улизнул с лужка в редакцию «Газетт», где повидал Лона Коэна, с которым успел созвониться заранее. Меня одолевало здоровое любопытство по поводу странных взглядов Пайна на увлечения супруги и ее общение с Муром. Желая вызнать всю правду, я переговорил с Лоном и парой репортеров, что позволило мне уйти из редакции удовлетворенным.

Одно из двух: либо Пайн долгие годы исповедовал убеждение, будто привычки жены мужа не

касаются, и ему действительно было начхать, а миссис Пайн утратила всякий интерес к Муру в начале сорок шестого года, не забыв найти ему работу; либо парни из «Газетт» жили в мире грез, что навряд ли.

Я угостил журналистов ланчем в ресторанчике «У Пьетро» и вернулся на Уильям-стрит. В кабинете ничего не изменилось: никаких весточек от Вулфа, Пайна или, на худой конец, от Керра Нейлора. К дверце шкафа никто не прикасался. Сам я по-прежнему бегал без поводка куда угодно. Одно из возможных направлений — напрямик через «арену стадиона», к кабинету мисс Ливси — было ничем не хуже прочих.

Дверь открыта, хозяйка на месте, что-то печатает. Войдя, я притворил дверь, опустился на придвинутый к рабочему месту мисс Ливси стул и задал простой вопрос:

— Какого мнения вы о Розе Бендини?

— Господи боже, — произнесла она вместо ответа, — что вы сотворили со своим лицом?!

И мисс Ливси во все глаза уставилась на мою физиономию.

— Возможно, вам кажется, — заметил я, — что вы успешно поменяли тему разговора, но, увы, все опять упирается в Розу. Это ее муженек так

разукрасил меня. Выскажите свое мнение о ней, но попытайтесь уложиться в десять тысяч слов.

— Сильно болит?

— Бросьте, бросьте! Такая забота, такая женственность, а ведь Мур по-прежнему живет в вашем сердце. Не забыли еще? Ну хватит увиливать!

На лице мисс Ливси проступил румянец, едва заметный, но хоть сколько-нибудь отличимый от бледности.

— Ничего я не увиливаю! — возмутилась она. — Если самому не больно, поглядите на себя в зеркало, и все поймете. Зачем вам Роза Бендини?

Я осклабился, чтобы продемонстрировать: мускулы лица все еще работают, как бы оно ни выглядело.

— Встречный вопрос? Что ж, объясню. Она зовет Мура Уолли. Уверяет, что он вовсе не собирался на вас жениться. Говорит, будто у вас крыша поехала — доподлинные ее слова, — когда вы обнаружили, что он по-прежнему с ней встречается. Утверждает, что вы так и не очухались. От себя могу добавить, что не верю всему сказанному. Разве вы похожи на сумасшедшую? Пожалуй, нет.

Румянца как не бывало. Мисс Ливси застыла

перед пишущей машинкой, занеся пальцы над клавиатурой, словно я просто заскочил поздороваться и скоро вновь убегу, но затем развернулась ко мне. Тон ее голоса соответствовал выражению глаз.

— Вам бы следовало попросить у меня список самых отъявленных сплетниц отдела. Но вы, наверное, в нем не нуждаетесь. Если бы попросили, Роза оказалась бы в первых же строчках. Впрочем, вы нашли ее сами. Когда отыщете остальных, пожалуйста, не затрудняйтесь пересказывать мне самое интересное. У меня полно работы.

Мисс Ливси отвернулась к машинке, окинула быстрым взглядом заправленный в нее лист и забегала пальцами по клавишам.

У меня имелись наготове разнообразные ответы, в том числе такой: это Роза отыскала меня, а вовсе не наоборот, но надрываться, перекрикивая стрекот машинки, как-то не хотелось, а потому я решил поберечь связки и вышел молча.

Рабочий день перевалил за экватор, а я еще не приступил к разработке персон, названных Розой. Вернувшись в свой кабинет, я позвонил главе секции резервного персонала, сообщил, что хочу поговорить с мисс Гвинн Феррис, работающей под его началом, и попросил отправить ее ко мне.

Он отвечал, что ему очень жаль, но мисс Феррис в данный момент занята — печатает под диктовку начальника другой секции, чья секретарша сегодня отсутствует. Попозже меня устроит? Ну конечно, согласился я, пусть заглянет в любое удобное для нее и него время. Уже вешая трубку, я заметил, что кто-то заслонил собой дверной проем моего кабинета.

Этим заслоном оказался высокий и тощий молодой человек, обладатель копны непослушных волос, которым не повредило бы знакомство с расческой или даже с парикмахерскими ножницами. Он походил на поэта, упорно ищущего вдохновения, а поскольку его взгляд явно упирался в меня, я сразу расправил плечи.

— Могу я войти, мистер Честнотт? — тихо прогудел он голосом, похожим на раскат грома где-то за чертой горизонта.

Когда я ответил согласием, он вошел, закрыл за собой дверь, тремя широкими шагами достиг выбранного стула, уселся и сообщил мне:

— Бен Френкель. Бенджамин Френкель. Как я понимаю, вы ищете убийцу Уолдо Мура?

Значит, за неимением Гвинн Феррис на ловца выбежал второй подозреваемый — тот серьезный и страстный молодой человек, которому,

по уверениям Розы, обольстительница вконец вскружила голову своими обещаниями.

Рассматривая Френкеля, я натолкнулся на его взгляд, такой упорный, что невольно напрягся, опасаясь вылететь вперед спиной в окно.

— Лично я не описал бы свои занятия именно так, мистер Френкель, — сказал я ему, — но возражать не стану.

Он этак мило и печально улыбнулся.

— Для моих целей сойдет, — объявил он. — Я и не ждал, что вы сразу раскроете карты. Я уже заходил несколько раз с утра, когда услышал, зачем вы здесь, но не заставал вас на месте. Хотел сказать, что у меня ощущение, будто именно я убил Мура. Это ощущение я ношу в себе с той ночи, когда это случилось… вернее сказать, со следующего дня.

Он умолк, и я ободряюще кивнул:

— Делайте свой ход, мистер Френкель. Пока все слишком туманно. Это просто ощущение или вы готовы чем-то его подкрепить?

— Боюсь, получится не очень хорошо. — Когда Бен Френкель хмурился, его густые брови сходились у переносицы темными тучами, под стать громовым раскатам голоса. — Я надеялся, вы расставите все по местам и избавите меня

от наваждения. Вы обещаете, что этот разговор останется между нами?

— Зависит от содержания. Я не смогу хранить в тайне признание в убийстве…

— Боже, я не собираюсь признаваться!

— Тогда зачем пришли?

Френкель вдохнул поглубже, задержал воздух на пару секунд и наконец выпустил.

— Ненависть к Уолдо Муру, — начал он, — была одной из сильнейших эмоций, какие я когда-либо испытывал. Вероятно, самой сильной. Не скажу, чем она вызвана, потому что не считаю себя вправе упоминать чужих имен, но сомневаюсь, чтобы хоть один человек на земле ненавидел кого-то сильнее, чем я его. Ненависть изводила меня месяцами, я был напуган ею, в буквальном смысле напуган. Я всегда питал глубокий интерес к феномену смерти. Эти две силы смешались во мне, как в пробирке. Из них, из двух этих позывов, родилось нечто новое, какая-то жуткая смесь. Одна сила — ненависть — была эмоциональным откликом. Вторая — интерес к смерти — чисто умозрительной реакцией на стимулы. В результате их смешения я был поглощен концепцией смерти Мура и мог думать только о ней, воображать ее снова и снова в конкретных

и ясных образах. Нередко меня посещала идея автомобиля, который проносится над Муром, давя его насмерть. Даже не скажу в точности, сколько раз. Десятки.

— Мура убила не идея. Его раздавил седан.

— Естественно. Я и не предлагаю каких-то мистических версий. Живу я в меблированных комнатах на Девяносто четвертой улице, недалеко от Бродвея. Как-то вечером я сидел там, и эти идеи, о которых я говорил, витали вокруг. Крайне изматывающее чувство, как и обычно. Психологически его можно уподобить трансу от перегрузки нервных клеток, вызванной долгим, невыносимым напряжением. У меня разболелась голова, и я прилег на кровать.

Мне становилось скучно.

— И уснул, и видел сны.

— Нет, не видел. Я действительно уснул, но сны мне не снились. То есть мной овладело всесокрушающее чувство, будто я спал. Это было где-то вскоре после часа ночи, в десять минут второго. Я обнаружил, что открываю дверь ванной, и еще подумал, что, должно быть, спал очень крепко, раз поднялся с кровати и подошел к ванной в дальнем конце комнаты, даже не сознавая этого. Мое сознание пребывало в покое, оно было

пустым и отдохнувшим. Ни малейших намеков на сновидения, хотя после пробуждения я часто помню свои сны. Той ночью не было ничего. Я разделся, улегся в постель и вскоре уснул снова. Однако утром, прочитав в газете о гибели Мура… Конечно, для меня это стало сильнейшим потрясением… Все мое сознание вдруг оказалось поглощено, полностью подчинено: у меня возникло ощущение, будто это я убил его. Думаю, подобное ощущение можно объяснить одним малозначащим обстоятельством. Так совпало, что убившую Мура машину нашли припаркованной на Девяносто пятой улице, всего в квартале от моего дома.

— Вспоминайте получше, мистер Френкель. Машина нашлась незадолго до полудня, так что в утренних газетах об этом писать не могли.

— Неужели… — расстроился он. — Вы уверены?

— Вполне.

— Странно… — покачал головой Бен Френкель. — Вот на какие уловки способен человеческий мозг. Я явственно помню, что это ощущение преследовало меня уже утром, когда я отправился на работу. Должно быть, о месте парковки машины я узнал позже и мое ощущение от это-

го только усилилось. В любом случае тогда оно лишь возникло, но с той поры не оставляло меня, и я просто хочу избавиться от него.

— Не вижу худа, — подбодрил я. — В котором часу вы уснули в тот первый раз, в смятении от своих идей и концепций, с больной головой?

— Где-то около девяти. Естественно, я пытался установить время. Не могу указать точно, но в районе девяти плюс-минус.

— Знали ли вы, где тем вечером мог находиться Мур? Или где его следовало искать?

— Нет… — замялся он. — Я знал только…

Фраза осталась висеть в воздухе. Пришлось подергать за хвост:

— Выкладывайте как есть.

— Я догадывался, где он был или мог быть. Нет, неправда. Я знал, с кем он мог бы быть, но и только. Я предпочел бы не называть имен.

— И вы проснулись у двери ванной, будучи полностью одетым?

— Ничего из ряда вон. Как и был одет, когда ложился. Костюм, обувь… полностью одет.

— Плащ? Шляпа?

— Боже, нет! Тогда бы и сомневаться не пришлось, верно?

— Ну, это сняло бы с сомнений парочку верхних

слоев. Еще какие-нибудь детали — грязные руки или что-то подобное?

— Нет. Ничего такого.

— Вы делились с кем-нибудь своим ощущением? Будто это вы расправились с Муром?

— Ни разу. Когда делом занималась полиция, вскоре после смерти Мура, меня посетил детектив с вопросом, не выходил ли я поздно ночью и не видел ли, чтобы кто-нибудь парковал машину на Девяносто пятой улице. Похоже, они заинтересовались мной только потому, что я живу всего в квартале оттуда. Детектив еще спрашивал о конкретных… про мое отношение к Муру. Я так прямо и заявил, что питал к Муру ненависть.

— Но о своем ощущении вы ему не рассказали?

— Нет, с чего бы?

— Да уж, действительно. А с чего вы делитесь этим со мной?

Френкель втянул голову в костлявые плечи. Его глаза больше не буравили меня, пронзая насквозь. Взгляд сполз на стол и продолжал опускаться, пока не рухнул на пол, под ноги хозяину. Казалось, парень окончательно впал в депрессию. Я только надеялся, что у него опять не разыграется мигрень. Пришлось терпеливо

дожидаться, пока он не поднимет глаза, и это наконец произошло.

— Все очень сложно, — скорбным тоном сообщил он. — Это может показаться глупым с моей стороны, но, когда я узнал, что вы расследуете убийство Мура, у меня забрезжила слабая надежда, что, если обо всем рассказать, вы сумеете как-то это проверить… Вы же детектив и знаете, как это устроить… Может быть, поспрашиваете у хозяйки, еще у кого-нибудь и тогда сможете точно установить, что в тот вечер я вообще не покидал своей комнаты. — Выглядел он не очень-то уверенно. — Или, возможно, вы сами как-то снимете груз с моего сознания. Может, я не дал ясно понять, под каким ужасающим давлением все последнее время находился. Допустим, вы могли бы сказать мне, упоминал ли мистер Нейлор кого-то в связи с этим… с этим безответственным рапортом, который он направил мистеру Пайну. А точнее, не упоминал ли он обо мне?

Моя скука полностью развеялась, но если в моих глазах появился блеск, то произошло это вопреки четкому велению разума.

— Что ж, — небрежно обронил я, — конечно, было упомянуто множество имен. У вас имеется веская причина считать, что мистер Нейлор мог

говорить и о вас?

— Никакой веской причины. Видите ли, мистер Честнотт, — Френкель подался вперед, и у него, очевидно, открылось второе дыхание, поскольку он опять включил свой буравчик, — на протяжении почти четырех месяцев над всем моим мыслительным процессом доминирует гнетущее ощущение, будто я убил человека. Для меня крайне важно, жизненно важно как можно скорее подтвердить или опровергнуть его. Мне нужно знать — и я имею полное право знать, — не появилось ли у кого-нибудь еще подобного ощущения, а если появилось, то на каком основании. Причина не может быть той же, ибо никто на земле, кроме вас, не знает, что́ произошло со мной в тот вечер в моей комнате. Вот я и спрашиваю, не упоминал ли обо мне мистер Нейлор. Если упоминал и вы не считаете возможным нарушить конфиденциальность вашей беседы, я немедленно отправлюсь к нему и…

Дверь распахнулась, и в кабинет вошел Керр Нейлор собственной персоной.

Вопреки явному смятению Бена Френкеля и его отчаянным сигналам SOS во мне еще не успел проклюнуться росток братской любви к нему, а если и проклюнулся, то быстро увял в силу

подозрения, что парень в первую очередь хотел что-то выведать у меня и лишь во вторую — чем-то поделиться со мной. Но при виде чистенького бесцветного личика Нейлора и таких же бесцветных глаз во мне проснулся защитный инстинкт, причем не только в отношении Френкеля, но и всего отдела фондов. И когда, завидев вошедшего и вскочив, Френкель чуть не уронил стул, я обратился к Нейлору не самым уважительным тоном:

— Привет, сегодня еще не виделись. Я тут как раз обсуждаю проблемы персонала секции с мистером Френкелем. Мне кажется…

— Он не начальник секции, — отрезал Нейлор.

— Да, но опыт работы с персоналом подсказывает, что заместитель нередко лучше знаком с вопросом, чем его босс. Вы что-то хотели?

— С Френкелем и потом сможете закончить.

— Конечно, — покладисто сказал я, — но мне показалось, что одна всплывшая в разговоре деталь убедила его задать вам некий вопрос. Не правда ли, мистер Френкель?

Видимо, тут я ошибся. Двигаясь бочком, тот стремительно скользил к выходу. При этом Френкель не вовсе утратил способность говорить внятно, но его бормотание свелось к полной

бессмыслице — к каким-то исходящим письмам, которые не могут его дождаться. Выйдя, он оставил дверь незакрытой, и Керру Нейлору пришлось притворить ее, чтобы обеспечить нам уединение. Затем он решительно занял стул, только что оставленный подчиненным.

— Да они у вас только что через обруч не прыгают! — заметил я с благоговейным восхищением. — Даже верзилы вроде Френкеля, способные одной левой порвать вас пополам.

Нейлор изобразил коронную улыбочку на два цента:

— Он был бы не против, наш Френкель.

— А на то имеются особые причины?

— Нет, хотя он считает, что в январе я воспрепятствовал его карьерному росту. — Из кармана пиджака Нейлор выудил небольшую брошюру. — Я наткнулся на нее в ящике стола и решил, что вам будет полезно это прочесть.

Я взял книжицу в руки. На обложке стояло:

ЭНЗИМЫ И ПРОТЕИНЫ.

— Как вы сказали? Прочесть или проглотить? — переспросил я.

Не обладая чувством юмора, Нейлор пропустил укол мимо ушей. Казалось, он нанес мне визит с

единственной целью — всучить брошюру и обсудить ее основные положения. Точнее, огласить их в форме лекции. Слова так и рвались с его языка, и он выплеснул их на меня, будто я заплатил за вход и теперь умирал от желания поскорее их услышать.

Время от времени я прислушивался к его разглагольствованиям, чтобы вносить свою лепту: к месту хмыкать или задавать наводящие вопросы, но по большей части сидел и гадал, что́ могло так его раззадорить. Я ни секунды не верил, будто он явился расписывать мне, насколько богат энзимами растительный мир. Мной владело чувство беспомощности, а потому — раздражение. Нейлор сидел рядом и трепался, и прямо под рукой, в его маленькой голове, хранились недостающие факты и умыслы — все, что мне было нужно. Только их мне и недоставало, но я не мог придумать, как до них добраться. Общаясь с фигурантами по ходу расследования, я частенько усмехался про себя: эге, братец, погоди, пока за тебя не возьмется Вулф. Однако в случае с Керром Нейлором я вовсе не был уверен, что Вулфу этот орешек по зубам.

Разглагольствовал Нейлор долго. Дважды я выразительно поглядывал на часы — никакого

эффекта. Наконец я объявил, что мне очень жаль, но у меня назначена встреча и я уже опаздываю. Он захотел узнать, с кем это я встречаюсь, и я выпалил первое пришедшее на ум имя: Самнер Хофф.

— Вот оно что, — кивнул Нейлор, поднимаясь со стула. — Один из лучших работников, отличный инженер и хороший организатор. Весьма прискорбно, да уж, действительно достойно сожаления, что он рискует всей карьерой ради этой девчонки Ливси. Мог бы отправиться в Бразилию и возглавить тамошнее отделение корпорации, но не захотел. И все из-за нее. Вам ведь известно, кто она такая: вы побывали в ее кабинете вчера, навещали и сегодня. Знаете, где расположен кабинет Хоффа?

— Как-нибудь найду…

— Идемте. Он по соседству с моим, я покажу вам.

Я двинулся вслед за Нейлором, размышляя о том, что его служба разведки сработала не только капитально, но и оперативно: он уже знает о моем коротком визите к мисс Ливси! Мы шли по широкому проходу, отделявшему общее пространство от ряда отгороженных кабинетов, и, дойдя почти до упора, Нейлор резко затормозил

перед чьей-то закрытой дверью.

— Вот вам кабинет Хоффа, — объявил он тенором, который уже успел мне приесться. — Между прочим, я чуть не забыл упомянуть еще кое о чем. Насчет убийства Уолдо Мура. Вчера я сказал вам, что могу представить только сам факт, ничего не объясняя. Это не совсем верно, и во избежание ложных толкований я подкину вам кое-что еще. Мне известно имя человека, убившего Мура. Я знаю, кто это сделал, хотя не могу поделиться своим знанием с вами. Будет и неумно, и небезопасно обвинять кого-нибудь в убийстве, когда ты не в состоянии подкрепить обвинение твердыми, неопровержимыми уликами. Поэтому ничего больше я не скажу. — И он опять улыбнулся. — Передайте мои сожаления мистеру Вулфу.

Нейлор развернулся и зашагал дальше, к собственному кабинету в конце прохода.

Первым порывом было бежать за ним. Я постоял, подумал. Он провернул это изящно — в своем собственном стиле. Дождался момента, чтобы швырнуть мне подачку вне стен моей комнатки, когда ближайший ряд девушек за столами находился так близко, что пару раз шагни — и коснешься обтянутого трикотажем плеча темноволосой красотки с лиловой помадой на губах.

Теперь, когда большой босс удалился, она глядела на меня во все глаза, как и все прочие девушки поблизости, не упуская возможности хорошенько рассмотреть ищейку. Я состроил им всем рожицу и, решив не догонять Нейлора, поскольку сомневался, что удержу себя в руках и не придушу ловкача, открыл дверь кабинета Хоффа и шагнул внутрь.

Хозяин кабинета вскинул голову, смерил меня взглядом и рявкнул:

— Пошел вон!

Я прикрыл дверь и огляделся. Хороший, просторный кабинет. Что до самого Хоффа, можно было бы ожидать, что человек, зарядивший Уолдо Муру в челюсть из романтических побуждений, инженер-строитель в придачу, и сам будет добротно спроектирован и выстроен, так нет. Пока Хофф выглядел просто плотным, но пройдет немного лет, и его лицо обзаведется двумя лишними подбородками. Он не вскочил и не бросился на меня, ничего не схватил со стола, чтобы метнуть. Он просто приказал мне выметаться. Я приблизился к его столу, рассудительно заметив:

— Уйду, если обоснуете свое пожелание.

— Убирайся отсюда! — Хофф многое сумел выжать из пары слов. — Шпион чертов! И держись

от меня подальше!

Сложно вообразить себе дружескую и плодотворную беседу с человеком, пребывающим в подобном расположении духа. И потом, я забрел сюда только оттого, что в запале объявил Нейлору о запланированной встрече с Хоффом. Я никогда не упускаю случая сострить (три-четыре остроумных замечания уже вертелись на языке), но один взгляд на его лицо подсказал, что он будет счастлив выпалить несколько собственных замечаний, если только я попробую задержаться. Поэтому я перехитрил Хоффа — повернулся и убрался прочь, как и было велено.

Снова оказавшись в своем кабинете, я встал у окна и обдумал последний ход Керра Нейлора со всех сторон. Возникло желание отправиться в телефонную будку и связаться с Вулфом. Однако было уже начало пятого, и до шести часов он не покинет оранжерею. К тому же Вулфу свойственно принимать в штыки любые попытки воспользоваться его мозгами, оторвав их от орхидей. Так что желание пришлось подавить. Вместо этого я вставил в пишущую машинку несколько листков и напечатал ту же шапку, что и в отчете для «Нейлор-Керр», составленном накануне. Посидел несколько минут, подбирая

нужные слова, и ударил по клавишам.

> Сегодня в 15:25 мистер Керр Нейлор посетил меня в моем кабинете. Довольно продолжительное время он обсуждал предметы, не имеющие отношения к делу, но затем признал, что ему известно, кто именно убил Уолдо Мура. Далее он отметил, что не может сказать большего ввиду того, что «и неумно, и небезопасно обвинять человека в убийстве, когда ты не в состоянии подкрепить обвинение твердыми, неопровержимыми уликами». Он также попросил меня передать его сожаления мистеру Вулфу. Я постарался бы убедить его не откладывать свой визит к мистеру Вулфу до понедельника, но он вышел и вернулся в свой кабинет. Исходя из его настроения и манеры речи, я посчитал за лучшее не следовать за ним.

Я мог бы заполнить всю страницу целиком, добавив еще что-нибудь насчет Бена Френкеля и Самнера Хоффа, но этих скудных сведений все равно не хватило бы на полноценный рабочий день трудолюбивой ищейки. Все еще надеясь, что любопытство или страх вынудит кого-ни-

будь заглянуть в мой шкаф, я напечатал отчет в нескольких экземплярах, поместил копию в ту же папку прямо поверх предыдущей и выложил табачные крошки в прежних местах.

Покончил с делом в половине пятого. Вышел в холл, поднялся на лифте на тридцать шестой этаж и сообщил секретарше мисс Абрамс, что встречи с мистером Пайном у меня не назначено, но я был бы рад, если бы он смог уделить мне минуту для передачи кое-чего из рук в руки. Она ответила, что мистер Пайн на совещании и точно не освободится в течение ближайшего часа. Поскольку Пайн доверял ей, я решил последовать его примеру: попросил у мисс Абрамс конверт, вложил в него свой отчет, запечатал и оставил у секретарши, наказав вручить адресату.

На пути назад в отдел фондов у меня возникла чудесная идея. Я ведь так и не повидался с Гвинн Феррис! Если «единица персонала» могла задержать мое прибытие домой в среду, почему бы мне не вернуть этот должок в четверг? Не стану устраивать засаду, а воспользуюсь преимуществами телефонной связи. И уже в ходе личной встречи решу, вести ее в «Рустерман» или тащить домой в надежде заставить Вулфа хоть немного потрудиться.

Встретиться, однако, нам не удалось. Глава секции резервного персонала снова извинился: график у мисс Феррис настолько плотный, что ей придется, по-видимому, задержаться, и он был бы крайне благодарен, если бы я мог подождать до утра. Я, конечно, согласился.

Контору я покинул вместе с остальными, точно в назначенный час, и, спускаясь в лифте, не мог посетовать на нехватку внимания к своей персоне. Кто-то откровенно глазел; другие изредка поглядывали, воображая, что я этого не замечаю; третьи использовали технику косых взглядов. Так или иначе, все смотрели только на меня.

Глава 16

Вулф читал сразу три книги. Все годы, что я у него работал, он время от времени проделывал этот трюк, который неизменно бесил меня своей откровенной показушностью. Сейчас в ход пошли «Неожиданный гость» Кристофера Лафаржа, «С любовью из Лондона» Гилберта Гэбриела и «Обзор символической логики» К. И. Льюиса. Он читал их поочередно, по двадцать или тридцать страниц за один присест. Тем вечером после обеда он устроился за рабочим столом и теперь недурно проводил время, катаясь на своей литературной карусели.

Дать отчет о событиях дня я успел еще перед обедом. Надо полагать, Вулф его выслушал, но не задал ни единого вопроса, вообще ни слова не вымолвил. За столом любые беседы о делах, конечно же, считались табу, но стоило предположить, что, наладив процесс пищеварения, он сумеет подкинуть идею-другую. Не тут-то было.

Засев за собственный стол, я занялся чисткой-смазкой своего арсенала — двух револьверов и автоматического пистолета. Когда Вулф фини-

шировал после второго заплыва по страницам «Обзора символической логики» и, загнув уголок листа, отложил книгу в сторону, чтобы тут же потянуться за томиком «С любовью из Лондона», я позволил себе осторожно полюбопытствовать:

— А как же Сол?

— Сол? — Можно подумать, Вулф решил, будто я вспомнил Савла из Тарса[6] или соль просил передать. — Хм… Не нахожу смысла впустую расходовать деньги клиента. Он тебе зачем-нибудь нужен? Если не ошибаюсь, мистер Бэском нанял его выслеживать фальшивомонетчиков.

— Значит, я пашу в одиночку. Мне пойти наверх и попробовать наконец выспаться? Или вы не откажетесь хотя бы сделать вид, что *мы оба* зарабатываем тут деньги?

— Арчи… — Вулф подвинул к себе другую книгу. — Я никого не призываю творить порядок из хаоса. На данный момент это дело всего лишь малопонятная разноголосица вавилонского масштаба. Если мистер Нейлор расправился с мистером Муром, вполне возможно, что рано или поздно он зайдет в своей шутке слишком далеко. Если сам он не убивал, но знает, что это сделал

---

[6] Примечания: 6

Савл из Тарса — имя, которое носил апостол Павел до обращения в христианство.

кто-то другой, все равно может случиться то же самое. В противном случае корпорация просто зря тратит свои деньги, но мы не акционеры. Скорее всего, мы начнем что-то понимать, когда я побеседую с мистером Нейлором вечером в понедельник. А пока нет никакого смысла загружать мою голову по пустякам. Да ты и сам того не хочешь. Ты там, можно сказать, валяешься на душистом клевере. В твоей власти сотни молодых, доступных, никем не охраняемых женщин.

— И не люблю я никакого клевера. — С этими словами я задвинул ящик, в котором храню оружие, и поднялся на ноги. Дойдя до двери в прихожую, обернулся на пороге. — Эти женщины определенно не в моей власти. В чьей-то, но не в моей. И я буду не виноват, если по колено вляпаюсь во что-то среди клевера, а вам придется меня вытаскивать.

Глава 17

В девять тридцать пять в пятницу, на следующее утро, я стоял перед шкафом в своем кабинете посреди отдела фондов «Нейлор-Керр» и с чувством глубочайшего удовлетворения разглядывал выдвинутый ящик с папками. Табачных крошек и след простыл, но это еще не все: краешек отчета за четверг оказался сдвинут на добрых полдюйма по сравнению с отчетом за среду, а ведь когда я оставил их, оба лежали идеально ровно.

Удовлетворение длилось считаные секунды. Будь я способен, непременно дал бы себе хорошего пинка. В четверг я приносил на работу все необходимые принадлежности, но побоялся оставлять их на ночь, а этим утром не захватил с собой. Ошибка, которая обошлась мне в сорок драгоценных минут.

Я задвинул ящик, закрыл шкаф на ключ, без труда поймал такси (в это время дня в этой части города они водятся в изобилии), добрался до дома Вулфа и попросил шофера подождать, пока я сбегаю туда-сюда. Самого Вулфа я, разумеется,

уже не застал: его утренние часы в оранжерее — с девяти до одиннадцати. Так что, пробежав по дому, я поспешил вернуться на Уильям-стрит.

Поскольку местный обычай предписывал врываться без стука, я предпочел бы запереться в кабинете, но ключа не было, и пришлось строить баррикаду, подпирать дверь столом. Нежно, бережно перенеся папки из шкафа на стол, я расчехлил свой набор юного следопыта и приступил к работе.

Все равно что срывать сливы с деревца, ветки которого так и ломятся под тяжестью плодов. Любой школьник собрал бы такой урожай. Всего за двадцать минут я получил три десятка очаровашек: несколько с гладкого картона верхней папки, еще парочку со второй и целый выводок — с глянца третьей, где хранились копии двух моих отчетов.

За время работы чувство удовлетворения успело слегка выветриться. Совокупный объем интереса ко мне и к моей деятельности, накопленный в основном зале, не говоря уже о двух рядах кабинетов, с легкостью заполнил бы десятитонный грузовик. А ведь обычное любопытство толкало людей на куда более замысловатые опасные проделки, чем проникновение в незапертую

комнату и перебор содержимого канцелярского шкафа.

С другой стороны, даже если все труды тщетны, я хоть чем-то занялся, добыл хоть какой-то зримый результат, вместо того чтобы шляться без дела, ковыряя в носу.

Следующим логичным шагом было бы раздобыть дополнительное оборудование (желательно на оптовой распродаже) и приступить к снятию отпечатков пальцев с каждого работника на этаже. Даже если они будут выстраиваться в очередь, изнывая от желания помочь, я смогу занять себя делом дней на пять. Это если трудиться в одиночку, по восемь часов кряду. Увы, такой сценарий имел свои недостатки.

Отойдя в угол, я склонился над телефоном: аппарат пришлось убрать со стола при сооружении баррикады. Трубка услышала, что мне нужно поговорить с мистером Пайном. Связаться с ним удалось далеко не сразу. Когда же он возник на другом конце линии, я сказал:

— Хочу услышать ответ на вопрос, который предпочел бы не задавать другому. Мне известно, что в некоторых больших корпорациях теперь принято брать отпечатки пальцев у всех своих работников. Надеюсь, «Нейлор-Керр» — одна из

них. Я прав?

— Да, — ответил он. — Мы завели такую практику во время войны. А что?

— Я бы хотел, с вашего позволения, взглянуть на эти отпечатки. Покопаться в них.

— Зачем?

— Кто-то пошарил в моем кабинете, рылся в бумагах. Хотелось бы узнать, кто именно.

— Звучит как надуманный предлог, не так ли? Кстати, я получил ваш отчет. Сегодня же вечером мы обсудим его на встрече руководства. И мистер Хофф настоял на встрече со мной. Он ушел пару минут назад. Уверяет, что ваше присутствие деморализует весь отдел. Черт подери, говорю вам, я и сам с удовольствием переехал бы мистера Нейлора на машине! Но по крайней мере, вы сбили с него спесь. И думаю, вам стоило бы переговорить с мистером Хоффом, желает он того или нет.

— Я бы с удовольствием. А как насчет отпечатков?

— Само собой, если вы считаете, что оно того стоит. Зайдите к мистеру Гашингу и скажите, что я разрешил.

Мистер Гашинг был тем самым помощником вице-президента, который водил меня по офисам

«Нейлор-Керр», когда я только приступал к работе. С ним я связался по телефону. Можно было подумать, он проявит хоть толику любопытства. Чего это, интересно, специалист по персоналу надеется добиться, изучая отпечатки пальцев?

Но не тут-то было. Похоже, новость о моем подлинном статусе уже вышла за пределы отдела фондов. Гашинг рад был помочь, даже прислал паренька с пустой картонной коробкой и запасом папиросной бумаги для бережного перемещения моих образцов.

Впрочем, наедине с отпечатками, которые хранились в запертом шкафчике в комнате на тридцать пятом этаже, меня не оставили. Немолодая женщина с подкрашенными каштановыми волосами и плоской грудью не отходила от меня дальше нескольких метров, обдавая луковым запахом изо рта. Решимость ее дрогнула лишь однажды, когда я вызвонил того же парнишку и попросил принести мне сэндвичи и молока, но она ловко справилась с затруднением, призвав на выручку подругу, чтобы та подменила ее на время ланча.

Я умею управляться с отпечатками, но не могу считать себя экспертом. Работа продвигалась медленно. Не хотелось что-то пропустить и потом

начинать все сызнова. У меня имелось преимущество в виде обширной коллекции четких образцов, но даже оно не избавило от кропотливого труда, подобного долгому восхождению по крутому склону. Пару раз за день пожирательница лука предлагала мне свою помощь, но я вежливо отказывался, несмотря на резь в глазах и ломоту в шее.

Уже давно пробило четыре, когда я наконец обнаружил искомое. Еще не успев занести свою лупу над карточкой, я знал, что добился успеха, и пять минут спустя, внимательно сопоставив отпечатки с лучшими образцами с папок и отчетов, удостоверился в их полной идентичности, которая убедила бы любых присяжных в зале суда.

То ли я испустил вздох облегчения, то ли меня выдала суета с карточками, но луковая женщина сразу подплыла к моему локтю с вопросом:

— Нашли то, что искали, верно?

Пришлось ответить:

— Да.

Моя рука не зря прикрывала имя на карточке. Когда надзирательница вновь отплыла подальше, я вернул картотеку на место, закрыл шкафчик, уложил свои улики в коробку с папиросной бумагой и объявил женщине, что закончил на се-

годня и безмерно благодарен ей за проведенные вместе восхитительные часы.

Вернувшись на тридцать четвертый этаж с коробкой под мышкой, я скрылся в своем кабинете. Коробку я выставил на пол, между окном и возвращенным на законное место столом, а после позвонил главе секции резервного персонала и справился:

— Что там с мисс Гвинн Феррис? Теперь я могу с ней встретиться?

— Боюсь, нет, — произнес он извиняющимся тоном. — Мне очень жаль, мистер Честнотт, но у нее по-прежнему столько…

— Простите, — перебил я, — мне тоже страшно жаль, но у меня — столько же, если не больше. Я уже трижды пытался увидеть мисс Феррис, и если для этого нужно обратиться к мистеру Нейлору или мистеру Пайну…

— Вовсе нет! Конечно не нужно! Я же не знал, как это важно!

— Допустим, что важно.

— Значит, я сию минуту отправляю ее к вам! Сейчас она подойдет!

Я выразил свою признательность, повесил трубку и поднялся, чтобы выставить стул для посетителей на стратегически верную точку на-

против собственного. Сидя за столом, я праздно обдумывал, не стоит ли избавить гостью от лишних забот, открыв дверь, когда та распахнулась сама. Мисс Феррис вошла, прикрыла за собою дверь и приблизилась к моему столу.

Вулф, вынужденный таскать на себе три сотни фунтов плоти, располагает готовым оправданием для того, чтобы не подниматься на ноги при появлении посетителя. У меня такого оправдания нет. Кроме того, я не хам и обычно бываю любезен с женщинами. Но на этот раз я оказался приклеен к стулу и упустил момент выказать свою вежливость. Еще не меньше трех секунд я провел в том же оцепенении, но гостья не растерялась и заговорила теплым, мелодичным голосом:

— Вы хотели меня видеть? Я Гвинн Феррис.

Подумать только… Та самая безграмотная девица, что ухватила меня за коленку своими обворожительными пальчиками, когда я еще и часа не успел провести в отделе фондов.

Глава 18

Момент для того, чтобы приветствовать леди вставанием, уже миновал, так что я пропустил расшаркивания и сразу перешел к делу:

— Вон там стоит стул. Эс-тэ-у-эл. Прошу вас сесть. Эс-е-эс-тэ-мягкий знак.

Мисс Феррис так и сделала, бестрепетно и грациозно, закинув одну затянутую в нейлон ножку на другую — классическая поза XX века — и одернув (ритуальный жест) подол зеленой шерстяной юбки (на ширину спички, не более), а затем одарила меня улыбкой идеальных алых губ и ясных голубых глаз.

— Вот уже и пятница, — сообщил я ей. — Значит, пятый и последний день вашей работы в этом офисе. Так?

— Видите ли… — застенчиво протянула она.

— По натуре я человек великодушный, — продолжал я, — вы ведь знаете, как пишется это слово? И я вовсе не против веселых розыгрышей. Кое-кто из моих друзей — заправские шутники, мне самому под стать. Кроме того, могу представить, какая это была неожиданность: я вдруг

возникаю на краю вашего стола и осыпаю вопросами насчет Уолдо Мура. Тем более что вы с ним… Не хочу показаться излишне грубым… Скажем так, вы с Муром весьма близко контактировали. Ка-о-эн-тэ-а…

— Не надо произносить по буквам. — Из голоса мисс Феррис ушла теплота и отчасти даже мелодичность. — Просто скажите, что́ вы имеете в виду. Если я верно догадываюсь, это может значить только одно: вам солгали, и я даже знаю, кто именно.

— Докажите. Кто?

— Хестер Ливси. И вы ей поверили! Вы и минуты не сомневались, слушая, как она расправляется с моей репутацией! С каких это пор честь девушки имеет значение? Вы преспокойно глотаете наглую ложь Хестер Ливси, потому что она секретарша начальника секции и никак не может врать, о нет! Что она вам сказала? Я хочу услышать точные слова!

Но я уже качал головой:

— Не-а. Ошибаетесь. Мисс Ливси ни разу не упомянула о вас. И в любом случае я далек от мысли, будто секретарши начальников секций никогда не лгут. — Я глядел на нее как мужчины глядят на женщин. — Давайте я просто забуду все, что мне

наговорили, и разберусь самостоятельно, идет? Вы ведь были знакомы с Муром, да?

— Конечно. С ним все были знакомы. — Голос мисс Феррис вернулся к норме. Как флюгер на крыше, он умел совершать крутые повороты. — Не важно, какой у девушки характер, у нее просто не было шансов не познакомиться с Муром!

— Да, я уже наслышан про его общительность. Но лично вы часто встречались с ним за стенами офиса?

— Не так чтобы… — Конец фразы она прикусила. На милом гладком лбу мисс Феррис образовалась едва заметная складочка. — Ну, пару раз Мур водил меня на шоу, вот и все. Однажды прокатил на машине по Лонг-Айленду. Мы попали в аварию, и я немного оцарапала некую часть тела. *Уж про это* точно все слышали.

— Ну разумеется. То есть вы не были особо близки с ним?

— Господи, нет! Близость? Ничего такого!

— Тогда, наверное, гибель мистера Мура не явилась для вас особенно сильным потрясением?

— Нет, я едва ее заметила. — Тут она опять оборвала себя. — То есть я не осталась равнодушной. Но Мур тут ни при чем, просто это в моем характере. Я хочу сказать, любая смерть меня огорчает.

Просто огорчает, и все, кто бы ни умер.

— Разделяю ваши чувства, — покивал я. — Значит, удар был бы намного сильнее, окажись на месте Мура, скажем, Бен Френкель?

Она вздернула подбородок, и от этого движения подол ее юбки съехал назад к коленям. Возмущению мисс Феррис не было предела.

— Кто, черт возьми, приплел сюда Бена Френкеля?!

— Я приплел. Только что. Вчера он приходил повидать меня, мы мило беседовали. Разве вы не дружны с ним?

— Мы не близки! — вызывающе произнесла она. — Неужели он намекал на обратное?

— Нет-нет, не такой он человек. Я просто упомянул его, чтобы понять, насколько сильно вас затронула смерть Мура. Что вы скажете о распространенной здесь сплетне, будто Мур был убит?

— По-моему, это ужасно. Я и слышать такого не хочу. Распускать слухи — дурной тон!

— Но вы все-таки слышали?

— Краешком уха. Не желаю даже думать об этом!

— Отчего же? Вам совсем не интересно? И ничуть не любопытно? Мне казалось, умные женщины интересуются всем на свете, включая

и убийства.

Она покачала своей ангельской головкой:

— Только не я. Наверное, это не в моем характере.

— Забавно. Меня это сильно удивляет. Узнав, что вы явились сюда украдкой и выпотрошили вон тот шкаф, заглянули в мои папки и прочли отчеты касательно Мура, я сказал себе: ну конечно, этого и следовало ожидать. Это лишь означает, что Гвинн Феррис — очаровательная и умная девушка, которую так заело любопытство, что она не устояла перед искушением. А теперь вы уверяете, будто любознательность не в вашем характере. Вот я и говорю: забавно.

Бесспорно, я не Ниро Вулф, когда надо читать по лицам. Однако я разбираюсь в том, что вижу. Готов поспорить, за время моей короткой речи мисс Феррис трижды намеревалась обозвать меня лжецом, трижды отказывалась от этой затеи и в итоге остановилась на какой-то более удачной мысли. Я намеренно умолк, не ставя знак вопроса, просто сидел и ждал, но она только и сказала:

— И правда забавно.

— Значит, вы совсем не любопытны, — кивнул я. — Тогда, полагаю, у вас имелись иные веские причины выяснять, далеко ли я продвинулся в

расследовании. И если мы беседуем вот так, без свидетелей, то лишь потому, что я предпочитаю вести дела сам. Вместо того чтобы составить доклад и предоставить вам отбиваться от своры гавкающих недоумков. Вы ведь понимаете, каковы полицейские…

Я предпочел умолкнуть: мисс Феррис явно приняла некое решение. Она вскочила со стула. Одно порывистое, но плавное движение — и соблазнительница оказалась прямо передо мной, нависла над столом и накрыла мои ладони своими. В тесном кабинете, при закрытой двери, она источала восхитительную смесь ароматов, но придумывать этим новым духам броское название было не время.

— Вы ведь и сами не верите, — громким шепотом выдохнула она мне в лицо. — Скажите честно, неужели вы считаете меня девицей подобного сорта? Неужели эти руки способны на подобную мерзость? Потрогайте и скажите. Неужели вы готовы верить всему, что слышите обо мне? Только потому, что кто-то уверяет, будто видел, как я вхожу или выхожу из кабинета? Неужели вы способны заглянуть в мои глаза и сказать, что верите в эту ложь? Способны?

— Нет, — ответил я. — Ни в коем случае.

Я как раз собирался продолжить мысль, но не успел. Мисс Феррис сочла меня достойным порицания и уже собралась отчитать как следует, когда дверь кабинета распахнулась и своим правым глазом, единственным, способным что-то видеть за ухом собеседницы, я узрел вошедшего Керра Нейлора.

Шум заставил обольстительницу отпрянуть и обернуться.

— Рабочий день завершен, мисс Феррис, — заметил Нейлор.

Пришлось выручать.

— Я посылал за мисс Феррис, — пояснил я огонькам, пляшущим в его глазах, — и наш разговор может продлиться час или даже больше. Она как раз вынимала соринку из моего глаза… Могу я чем-то помочь?

Нейлор улыбнулся, подкрался к стулу, еще теплому после Гвинн, и уселся.

— Давайте лучше я вам помогу, — пропел он. — Буду рад поучаствовать в вашем разговоре, если пообещаете ограничиться часом.

Я выразительно замотал головой:

— Премного обязаны, но это личная беседа. Нет, мисс Феррис, не уходите, постойте тут… Если вы, мистер Нейлор, просто заглянули пожелать

приятного вечера, примите и наши лучшие пожелания.

— Это мой отдел, мистер Честнотт.

— Только не та его часть, которую занимаю я. Вы ведаете отделом фондов, я — отделом расследования убийств. Если у вас нет ко мне срочного дела, доброй ночи.

Нейлор чуть не задохнулся от праведного гнева. Этого нельзя было прочесть по его восковому личику, но он не находил слов, а сотворить такое с Нейлором могла разве что ярость. Он поднялся со стула, смерил взглядом скромно потупившуюся Гвинн и наконец обратил лицо ко мне:

— Великолепно! Ваш статус здесь мы сможем уточнить в понедельник, если только вы протянете тут до тех пор. Я пришел сказать кое-что. И хотя мисс Феррис не лучший свидетель, сгодится и она. Как мне было сказано, в своем отчете вы указали, будто я заявил, что знаю имя убийцы Уолдо Мура. Это правда?

— Истинная правда.

— Тогда ваш отчет содержит заведомую ложь. Я не делал подобных заявлений и никогда не говорил ничего, что можно было бы расценить подобным образом. Я понятия не имею, зачем вы лгали в отчете, и не намерен тратить свое время

на выяснение причин. — Керр Нейлор отошел к двери и обернулся с улыбкой, рассчитанной на нас обоих. — Можете продолжить прерванную беседу. Приятного вечера.

Он выскользнул за дверь и прикрыл ее за собой. Я замер и в тишине опустевшего зала услышал, как удаляются шаги.

Тем временем Гвинн подступила ближе и завела прежнюю пластинку:

— Вот видите?! Кто бы ни говорил, будто я тайком забралась в ваш кабинет, вы ему не поверите! Кто бы ни назвал вас лжецом, я тоже ни за что не поверю…

— Помолчи, родная. Захлопни ротик и посиди тихо, пока я соберусь с мыслями.

Так она и поступила. Сосредоточившись, я уставился куда-то сквозь нее, но линия скулы Гвинн меня отвлекала, и пришлось переключиться на что-то нейтральное. Наскоро обдумав поведение Керра Нейлора, я решил, что он, похоже, надумал пойти на попятный. Начав отступление, он едва ли остановится и к середине будущей недели начнет, пожалуй, отстаивать мнение, будто Мур вовсе не убит, а может, даже и не пострадал.

Придя к такому выводу, я обратился к Гвинн:

— Чувствуете, стало прохладно? Это из-за ка-

менного сердца трусливого мистера Нейлора. В его жилах практически лед. Но вернемся к вам. Или даже «к нам». Когда пришел Нейлор, я как раз собирался сказать, что вы напрасно расходуете боеприпасы, причем отличные боеприпасы. Никто не сообщал мне, будто вас видели входящей или выходящей из моего кабинета. Все дело в отпечатках пальцев. Вы оставили несколько десятков повсюду, включая папки и отчеты. Я сохраню их на память о вас. Что скажете теперь? Может, вы лунатичка и ходите во сне? Как вам такое объяснение?

От тяжелых раздумий на ее лбу пролегли глубокие морщины, словно я выдал сложнейшее задание по машинописи, а она как могла старалась выполнить его на «отлично». Мой бесплатный совет с лунатизмом ей, по-видимому, не понравился. Впрочем, скорее всего, она вообще его не услышала. И заговорила после надолго затянувшейся паузы:

— Отпечатки пальцев?

Тон вопроса подсказывал, что эти слова принадлежат языку, который ей, к сожалению, неизвестен. Русскому, например.

— Вот именно. Тоненькие бороздки на кончиках ваших пальцев, которые оставляют красивые

узоры на всем, чего вы касаетесь. О-тэ-пэ-е…

— Грубость вам не к лицу, — обиделась она. — Так или иначе, вы сказали, что ни за что не поверите, будто я могла совершить такое!

— Даже не пытайтесь, — твердо произнес я. — Во-первых, я не говорил ничего подобного. Во-вторых, одно из моих любимых правил: никогда не позволять женщине начинать споры о том, что она сказала или я сказал. Ну же, у вас было время придумать что-нибудь посущественнее. Я слушаю.

Мисс Феррис по-прежнему на меня дулась.

— Мне не нужно ничего придумывать, — негодующе объявила она. — Я просто расскажу всю правду, пусть вы этого и не заслуживаете. Вчера вы сами хотели со мной встретиться, но я не смогла прийти. Мистер Хендерсон завалил меня работой, потому что его секретарша заболела. Мне пришлось задержаться допоздна. Когда я закончила, сразу пришла. Подумала, что вы ждете меня здесь. Но вы уже ушли, и я решила, что вы, наверное, оставили для меня работу в своем шкафу. Вот я и заглянула внутрь. И мне, конечно, пришлось заглянуть и в папки тоже. Ведь именно там вы могли ее оставить. А теперь вы обвиняете меня в чем-то предосудительном.

И только потому, что я пыталась исполнить свой долг, хотя было уже почти семь часов вечера!

Я качал головой вверх-вниз, не отрывая взгляда от ее возмущенных глаз.

— Неплохо, — уступил я. — Ваша версия, пусть и безумная, была бы совсем хороша, если бы вы не отреклись от нее с самого начала, а потом не бросились обволакивать меня духами и всем прочим. Зачем вы все отрицали, драгоценная вы моя?

— Ну… Наверное, я люблю подшучивать над людьми. Наверное, это тоже часть моего характера.

— Значит, такова ваша версия. И вам она нравится?

— Конечно. Это ведь правда!

Будь у меня под рукой хорошо оборудованный застенок подвального типа, я с удовольствием испробовал бы на Гвинн разнообразные изощренные пытки.

— Жаль, что помещение не подходит, — с неохотой признал я, — для того, чтобы воздать должное вашему характеру и способностям. Но есть и другие кабинеты. Полисмены гораздо быстрее моего теряют терпение, сталкиваясь с законченными, талантливыми вруньями. Завтра суббота. Офис

будет закрыт. Но полиция работает семь дней в неделю. Будет приятно повидать вас в других обстоятельствах. Отправляйтесь домой.

— Вы не полисмен, — нахмурилась она, словно пытаясь со мной поспорить, и поднялась со стула. — Для этого вы слишком красивы и образованны.

А ведь я только что ясно дал понять: никакой я *не* полисмен!

Коробку с уликами я забрал домой, не желая доверять ее содержимое даже наглухо запертому шкафу.

Глава 19

Тем вечером Вулф вновь посвятил отдых после обеда трем своим книжкам. Поскольку они довольно сильно различались по объему, я уже предвидел катастрофу: самая тощая из книг неожиданно подойдет к концу, и Вулф испортит себе чтение, если только заблаговременно не уравновесит порции единовременно поглощаемых страниц.

На мой отчет о событиях дня он отреагировал в точности как вчера, то есть никак. В ответ на высказанное мной мнение, что сестра устроила Керру Нейлору нагоняй, чем подвигла его взбунтоваться, я услышал лишь безучастное хмыканье, а потому решил сходить полюбоваться на движущиеся картинки.

Обычно я не посещаю кинозалы в процессе работы над очередным делом, но в ту пятницу отважился нарушить собственный зарок, поскольку, во-первых, мы не были сильно заняты (Вулф уж точно, Бог свидетель), а во-вторых, я сильно сомневался в том, что следствие не забрело в тупик. Я был готов забыть про убийство

и удовлетвориться переборкой грязного белья, накопившегося в верхних эшелонах «Нейлор-Керр», но даже если эти игры казались важными и захватывающими совету директоров и враждующим боссам компании, должен признать, что не мог винить Вулфа за утрату интереса к происходящему, разве что позавидовать ему.

В общем, я выкинул все из головы и до определенного момента в самом конце сеанса искренне наслаждался фильмом. Когда сюжет повернул в сторону торжества добра и стало ясно, что главный герой не проворачивал аферы с поддельным контрактом, я поспешил уйти, потому что успел составить собственное мнение о действующих лицах ленты и предпочитал не разочаровываться.

Вернувшись домой в половине двенадцатого, я застал в кабинете инспектора Кремера, который удобно расположился в красном кожаном кресле и беседовал с Вулфом. Очевидно, разговор был не из приятных: взгляд, брошенный на меня инспектором, даже в шутку не назовешь дружеским. Лично я еще ничем не успел насолить Кремеру. Значит, во взгляде явно отразились чувства, возбужденные Вулфом.

— Где тебя черти носили? — обрушился на меня

инспектор, как будто я работал под его началом или не вышел на построение досрочно освобожденных.

— Был в кино. Посмотрел замечательный фильм, — сообщил я обоим, присаживаясь к собственному столу. — В нем всего два персонажа страдали от потери памяти: та невероятно красивая девица с…

— Арчи! — хлопнул по столу Вулф, тоже не в духе. — Мистер Кремер желает спросить тебя кое о чем. Полагаю, ты видел заметку о нас в вечернем номере «Газетт»?

— Еще бы! Ваш фотопортрет ниже всякой критики, но…

— Ты не рассказывал мне о заметке.

— Но вы так увлеклись книгами. И в любом случае говорить не о чем.

— Возмутительно! — Кремер аж задохнулся. — Вопиющее злоупотребление доверием клиента!

— Вы в своем уме? — Мне пришлось поработать глазами, чтобы парировать два гневных взгляда сразу. — Автор заметки не цитирует меня напрямую и даже не упоминает о том, что со мной разговаривал. Там просто сказано, что Арчи Гудвин, блестящий помощник Ниро Вулфа, расследует обстоятельства смерти Уолдо

Уилмота Мура, из чего можно заключить, что кто-то почуял убийство. Больше ничьих имен, помимо этих. Все равно около тысячи работников «Нейлор-Керр» в курсе происходящего. И как минимум один знает, кто я на самом деле, а вероятно, и гораздо больше. Короче, забирайте слово «злоупотребление» назад и используйте его по назначению применительно к кому-нибудь другому. И вообще, Лон Коэн не стал бы ничего публиковать, не дождавшись моего согласия. Это все происки чертова редактора отдела городской хроники. И у кого теперь разболелся животик, у клиента? Вы что же, уволились из убойного отдела, чтобы котят гладить?

Вулф с Кремером заговорили одновременно, и Вулф одержал верх.

— В заметке, — сказал он, — к тебе действительно применен эпитет «блестящий», и это все, чем я недоволен. А вот мистер Кремер раздражен всерьез. И похоже, мистер О'Хара, заместитель комиссара полиции, раздражен не меньше. Они хотят, чтобы мы отказались от этого дела.

— Значит, нервы у них чертовски крепкие, — определил я. — А кормить нас они собираются?

Кремер открыл было рот, но Вулф остановил его, подняв руку.

— Ни слова о еде, — поморщился Вулф. Шутки на тему питания он не одобрял. — По их словам, заметка в «Газетт» — лишь начало очередной кампании травли полиции из-за нераскрытого убийства и это переходит все границы, ибо нет никаких подтверждений тому, что смерть мистера Мура не была случайной. По их словам, взяв на себя расследование данного происшествия, мы тем самым подарили «Газетт» повод обрушиться на полицию с критикой. По их словам, нас либо одурачили нелепые фантазии эксцентричной личности, мистера Керра Нейлора, либо, не будучи одурачены, мы воспользовались ими для саморекламы и обогащения. По их словам, ты безответственно упомянул в отчете, будто мистер Нейлор признал, что ему якобы известно, кто убил мистера Мура, чего на самом деле не было, с одной лишь целью: любой ценой оправдать продолжение расследования. Я ничего не упустил, мистер Кремер?

— Сойдет для начала, — проскрипел Кремер. — Я хочу спросить у Гудвина…

— Одну минутку, — не стал церемониться Вулф и повернулся ко мне. — Арчи, меня вынудили это сказать, и я говорю. В моих глазах ты пользуешься безоговорочным доверием. Я всецело

удовлетворен теми действиями, которые ты предпринял в ходе расследования этого дела, как и всех прошлых, и, надеюсь, так будет и впредь. Разумеется, подобно мне самому, ты обманываешь людей, даже наших клиентов, когда того требуют обстоятельства. Однако ты никогда не солгал бы мне, а я — тебе, поскольку в данном случае речь идет о взаимном доверии и уважении. Отсутствие блеска достойно сожаления, но на самом деле это мелочь. В любом случае два блестящих детектива не ужились бы под одной крышей. Не скрою, твои безрассудные выходки — скажем, отказ использовать бесшумную пишущую машинку — порой бывают утомительны, но идиотское заявление, будто ты мог отступить от фактов в отчете мистеру Пайну, заставило меня кое-что переосмыслить. Оставь себе свою машинку, только, бога ради, смазывай ее почаще!

— Помилосердствуйте! — ахнул я. — Да я смазываю ее каждую…

Взорвавшись, Кремер прошипел словцо, которое не пропустит в печать ни один редактор.

— Ваши треклятые домашние разборки могут и подождать! — грубо оборвал он меня. — Ты и сейчас стоишь на том, что Нейлор заявил, будто знает, кто убил Мура?

— Нет, не стою, — возразил я Кремеру. — Для вас, инспектор, я вишу в воздухе. Это частное расследование крупной компании в отношении сотрудника, не способного держать рот на замке, и я отчитываюсь только перед мистером Вулфом и нашим общим клиентом. Где тут ваш интерес? Вы возглавляете убойный отдел, но и сами склонны утверждать, что гибель Мура была несчастным случаем, а посему не ваше дело, на чем я стою, а на чем подпрыгиваю. Могу понять ваше нежелание читать обвинения в свой адрес на страницах «Газетт», но, если вы ждете от меня сочувствия, не начинайте с вопроса, продолжаю ли я уверять, что не солгал. Надо думать, О'Хара позвонил вам и хорошенько отшлепал по седалищу — я использую эвфемизм из уважения к вашим сединам, — но не надо вымещать на мне обиду. — Я развел руками. — Испробуем другой подход. Предположим, вы способны говорить тихо и рассудительно, явились сюда задать пару вежливых вопросов и, может быть, даже назвали меня Арчи. И теперь обращаетесь ко мне в дружелюбном, ровном тоне. Слушаю вас.

— Я все рассказал Вулфу, а он — тебе. — Кремер уже не буйствовал, но напряжение в его голосе никуда не делось. — Мне нужно, чтобы ты прекра-

тил баламутить людей разговорами об убийстве, не имея ровным счетом никаких доказательств, и сбагривать газетам устаревшие сплетни.

— Ничего я не сбагривал. Я пришел к парням из «Газетт» за нужными мне сведениями и ушел, получив их. Что касается людей, которых я баламучу: уж не хотите ли вы, чтобы я бросил свою работу в «Нейлор-Керр»?

— Хочу. Вы не настолько нуждаетесь в деньгах.

— Откуда мне знать? Я всего лишь веду счета. Обратитесь к мистеру Вулфу. Он тут за главного, и я выполняю его распоряжения.

— А меня, — поспешил вставить Вулф, — в свою очередь, наняла компания «Нейлор-Керр» в лице своего президента мистера Пайна. Занимаясь этим делом, я пришел к мысли, что, прибегнув к моим услугам, он сам и другие руководители компании преследовали некую тайную цель. Истинные намерения этих людей мне неизвестны, но у меня нет никаких причин считать их преступными или неэтичными. Вполне возможно, они достойны высоких похвал. Почему бы вам не расспросить о них самого мистера Пайна? Вы не говорили с ним?

— С ним говорил заместитель комиссара. — Кремер вытащил сигару и поднес ко рту. — Сегодня

вечером. Как я понял, речь в основном шла о Гудвине, солгавшем насчет признаний Нейлора. Не думаю, что заместитель комиссара напрямую просил Пайна прекратить ваше расследование. Этой частью разговора со мной не поделились.

— Я не нашел бы себе оправдания, — виртуозно ввернул Вулф, — прекратив дело вопреки пожеланию клиента.

— Ну так разберитесь с этим. Звоните Пайну прямо сейчас. Мы оба поговорим с ним, но я буду первым.

Вулф кивнул мне:

— Позвони мистеру Пайну, Арчи. Но вы не будете говорить первым, мистер Кремер. Сначала я.

Найдя номер в справочнике, я набрал его. После недолгого ожидания в трубке раздался знакомый голос, и я был удивлен тем, что женщина, чьи доходы позволяют содержать двуногих питомцев, сама подходит к телефону. Но было уже за полночь, а слуги в ее доме, вероятно, просыпались гораздо раньше хозяйки. Я представился, и она моментально перехватила инициативу:

— Ну конечно, я сразу узнала голос! Как ваше лицо, Арчи?

Похоже, она не могла забыть о моих травмах и искренне мне сочувствовала.

— Благодарю, уже лучше, — сказал я ей. — Мне жаль, что приходится так поздно вас беспокоить, но…

— О, для меня еще вовсе не поздно! Никогда не ложусь раньше трех или четырех часов. Сезонных билетов еще нет в продаже, но на следующей неделе они появятся, и я сразу же пришлю абонемент.

— Премного обязан. Скажите, ваш муж дома? Мистер Вулф хотел бы поговорить с ним.

— Да, он здесь, но уже мог уснуть. Он отправляется спать гораздо раньше меня. Подождите на линии, я выясню. А это важно?

— Не настолько, чтобы будить, если мы с ним одинаково этого не любим.

— Хорошо, не вешайте трубку. Пойду посмотрю.

Ходила она довольно долго. Я висел на линии, раздумывая о том, что кровать мужа едва ли стояла за соседней дверью, учитывая весь романтизм их отношений. Наконец она вернулась.

— Нет, к сожалению, муж крепко спит. Я надеялась, что он читает на ночь. Это насчет того дела, поговорить о котором я приезжала?

— Да, в некотором смысле. Мы позвоним вашему мужу утром. Большое спасибо.

— А я не смогу помочь? Что-то случилось?

— Не стоит беспокойства, всякие мелочи. Подождите секунду. — Я прикрыл микрофон рукой и объявил: — Муж уже спит, и она предлагает свою помощь. Ей очень хотелось бы оказаться полезной.

— Нет, — твердо сказал Вулф.

— Минуточку… — начал было Кремер, но я не обратил внимания и заговорил в трубку:

— Мистер Вулф благодарен вам за участие, миссис Пайн, но завтра он сам свяжется с вашим мужем.

— Тогда просто скажите, что́ ему нужно, Арчи, и я поговорю с мужем прежде, чем мистер Вулф позвонит.

Добрых три минуты ушло у меня на то, чтобы вежливо выкрутиться.

Кремер с Вулфом затеяли детскую возню. Кремер придерживался мнения, что мне следовало добиться, чтобы жена разбудила Пайна. Вулф, не меньше моего возмущавшийся, когда его сон прерывали, яростно противился. Они так спорили, будто решали одну из важнейших проблем современности вроде того, отдавать ли французам Рурскую область. Ни один не отступал ни на дюйм, и в итоге спор завершился там, где и

начался, соперники объявили ничью.

— Очень хорошо, — подвел итог не успевший остыть Кремер. — Значит, в обмен на два потраченных впустую часа я не получил ничего? А ведь мог бы спать, а не выпрашивать у вас подачку.

— Вздор! — Вулф и сам еще не успокоился. — Ничего вы не выпрашивали. Вы обзывали мистера Гудвина лжецом и выдвигали абсурдные требования. И потом, вы не сильно отклонились от обычного маршрута к дому.

Да, оба дошли до такой степени безобразия. При столь высоком уровне общения я уже не удивился бы, вытащи Кремер карту города, чтобы доказать: дом Вулфа не находится на прямой, соединяющей полицейский участок с его собственным обиталищем, но эту часть он опустил и сосредоточился на другом обстоятельстве: просил он об услуге или же нет?

Он уверял, что просьба имела место, и, даже если она прозвучала как требование, мы могли бы сделать скидку на обычные его манеры; мы с ними давно знакомы и потому не имеем права понимать их превратно.

Этим кружным путем, отнявшим немало времени, он сумел вернуться к основному вопросу: готовы ли мы разорвать отношения с «Нейлор-

Керр»? Очевидно, заместитель комиссара О'Хара и впрямь развел костер под его стулом.

— Надеюсь, это не настолько срочно? — спросил Вулф тоном напускного участия, который бесил людей постарше меня и даже постарше инспектора Кремера. — Довольно продолжительное время мистер Керр Нейлор…

Затрезвонил телефон. Прежде чем поднять трубку, я окинул аппарат взглядом, исполненным неприязни: миссис Пайн наверняка решила скоротать пару часов до отбоя, подробнее расспросив меня о состоянии моего лица. Ничего подобного! Резкий и неприветливый мужской голос попросил к трубке инспектора Кремера, и мне пришлось покинуть кресло, чтобы тот мог принять звонок.

Разговор шел односторонний: Кремер лишь пару раз хмыкнул и вставил три-четыре вопроса в самом конце. Он объявил неизвестному собеседнику, что прибудет через пять минут, повесил трубку и обернулся к нам:

— Керр Нейлор найден мертвым на Тридцать девятой улице близ Одиннадцатой авеню. В четырех кварталах отсюда. Очевидно, сбит автомобилем. Голова в лепешку. — Кремер поднялся на ноги. — Имя погибшего определили по бума-

гам из карманов. — Повернувшись ко мне, он осклабился: — Не желаешь опознать покойного?

— Надо же, — пробормотал Вулф, — какое удивительное совпадение! Мистер Мур погиб в точности там же. Должно быть, эта улица опасна для пешеходов.

— Ну вот! — посетовал я. — Теперь мне уже не заставить его признать, что он совершил ошибку, выставив меня обманщиком. Конечно, буду рад пособить. Идемте, инспектор.

Глава 20

Насколько я мог судить, в «Нейлор-Керр» еще не успели вычеркнуть меня из списка служащих. Хорошо, что там не работали по субботам, потому что утром *этой* субботы я не собирался подниматься с постели до полудня. Даже так под одеялом я провел не более шести часов, поскольку попал домой, как раз когда солнце залило Тридцать пятую улицу своими косыми лучами.

«Совпадение» не то слово. Машина переехала Керра Нейлора, расплющив ему голову и раздробив кости, на Тридцать девятой улице, между Десятой и Одиннадцатой авеню, всего в тридцати футах от того места, где почти четыре месяца тому назад нашли Уолдо Уилмота Мура.

Я оценил заново, причем выше прежнего, те сложности, с которыми столкнулся Нейлор, когда его направили в морг опознать останки Уолдо Мура. Однако сомневаться не пришлось: это совершенно точно был Нейлор, стоило мысленно внести в его теперешний облик некоторые поправки, необходимые для успешной трансформации диска в сферу.

Вдобавок к прочим совпадениям тело, обнаруженное таксистом в 12:40, пролежало незамеченным никак не менее получаса, если только медэксперт не высосал свое заключение о времени смерти из пальца.

Того не легче (и этот пункт заставил сомневаться в случайности прочих совпадений): машину, которая сбила Нейлора, нашли припаркованной у сетевой прачечной на Девяносто пятой улице, к западу от Бродвея, в том самом месте, где обнаружили автомобиль, прикончивший Мура.

Здесь я обязан отдать должное инспектору Кремеру. Оказавшись на месте, он первым делом гаркнул патрульному, чтобы тот добежал до Девяносто пятой улицы и осмотрел машины, припаркованные в том квартале. Что демонстрирует: даже инспектор полиции умеет по достоинству оценить хорошие совпадения.

Я еще не успел откланяться и уйти спать, как владельца машины приволокли в полицейское управление аж из Бедфорд-Хиллса и подвергли допросу с пристрастием. По большому счету допрос ничего не дал, поскольку очень быстро выяснилось: еще в 23:18 автовладелец заявил об угоне с Сорок восьмой улицы, где оставил тачку, доехав до театра. К тому же, как и многие нынеш-

ние простофили, он не только забыл запереть машину, но и оставил ключ зажигания в замке.

Оставалось дождаться заключения двоих вооруженных фонариками лабораторных спецов, которые осмотрели шины автомобиля на Девяносто пятой улице и окончательно уверились: именно он переехал Нейлора. Еще одно очко в пользу совпадения.

Немалую часть времени я путался под ногами, но, где бы ни оказался, повсюду меня встречали с уважением, потому что инспектор Кремер держал меня под рукой, чтобы задавать вопросы, которые придумывал, когда выдавалась свободная минутка.

На протяжении всей ночи он ни словом не упомянул наше с Вулфом предосудительное поведение. Ведь мы баламутили людей рассказами об убийстве, хотя никакого убийства не было. И я, понимая, как он сейчас занят и как это огорчит его, затронул данную тему не больше восьми-девяти раз. Но и тогда он, желая иметь в пределах досягаемости, не выпроводил меня.

Первый наш разговор я пытался прервать на том основании, что для меня было бы немыслимо обмануть доверие клиента, но, стоило инспектору перейти на крик, выложил то, что он рано или

поздно узнал бы и без моей помощи. Рассказал ему все (или почти все) о людях, с которыми сталкивался в «Нейлор-Керр». Включая, естественно, мелкие детали вроде ощущения, которое с самого декабря мешало жить Бену Френкелю. Угрожая Гвинн Феррис поведать все копам, которые устроят ей настоящий допрос, я и помыслить не мог, что менее чем через десять часов приведу угрозы в исполнение.

Кремер таскал меня за собой, трижды за ночь поменяв дислокацию. Где-то с полчаса он отработал на мостовой Тридцать девятой улицы, но затем перенес штаб под крышу, в Восемнадцатый полицейский участок на Пятьдесят четвертой улице. Около трех часов ночи он снова переместился — в собственное логово, помещение убойного отдела на Двадцатой улице, но уже через час выдвинулся оттуда в кабинет заместителя комиссара полиции О'Хары на Сентр-стрит.

Хозяин кабинета уже ждал его, и вместе они развернули бурную деятельность. Я поневоле оказался втянут в воронку событий и даже удостоился чести быть опрошенным заместителем комиссара лично! По манере, с какой тот напустился на меня, можно было вообразить, что О'Хара видит во мне не просто отпетого враля.

Похоже, разведка донесла ему, что именно я подложил им свинью и когда в 23:30 вошел в кабинет, где сидели Вулф с Кремером, то вернулся вовсе не из кинотеатра, а с Девяносто пятой улицы, едва успев припарковать машину-убийцу.

Поскольку я уже поделился с Кремером всеми сведениями, которые могли хоть чем-то помочь, то решил, что не стану лишать заместителя комиссара сладостных иллюзий, и скормил ему щепотку разнообразного вранья, как то: я вообще не умею водить автомобиль и, строго по секрету, посещал не кино, а гостиничный номер, где был не один, а вдвоем с супругой одного известного политика, чье имя я скорее умру, чем выдам. В итоге О'Хара уловил нить моей мысли и устроил незабываемую сцену.

Конечно, сестру Керра Нейлора уведомили о несчастье, причем не по телефону. Лейтенанта Роуклиффа отправили навестить ее в доме на Шестьдесят седьмой улице. Оттуда Роуклифф вернулся (на тот момент мы еще оставались в Восемнадцатом участке) в сопровождении Джаспера Пайна, чей мирный сон все-таки был нарушен.

По дороге в участок Роуклифф отвез Пайна на опознание тела. И я, по собственному опыту зная,

какое это веселье, не мог не посочувствовать ему, имевшему несколько бледный вид. Он не походил на человека, сломленного скорбью, но и не выглядел воротилой большого бизнеса, у которого все под контролем.

Узнав, что Пайн с супругой не имели представления, где Керр Нейлор мог находиться вечером в пятницу или что забыл на Тридцать девятой улице, Кремер уделил мистеру Пайну совсем немного времени и вернул его в руки Роуклиффа для дальнейших расспросов. Я же сказал Пайну ровно девять слов. Когда они с Роуклиффом собрались уходить, он повернулся ко мне:

— Нейлор действительно говорил то, что вы написали в отчете? Будто бы он знает, кто убил Мура?

— Да, — подтвердил я. — Захоти я соврать, придумал бы что-нибудь получше.

Ночные похождения на этом не закончились. Оказавшись на Сентр-стрит, я встретил еще кое-каких знакомцев. Только не Хестер Ливси. Коп, которого за ней посылали, вернулся с известием, что, по словам матери, с которой Хестер жила в Бруклине, та вечером дома не появлялась. Прямо с работы Хестер отправилась на вокзал Гранд-Сентрал, где села на поезд, чтобы провести выходные

с друзьями в Уэстпорте, штат Коннектикут. Мать сообщила имена друзей, им уже звонили, но никто не взял трубку.

Это Кремера не остановило. Он и его парни знали, как добиться своего. Они связались с полицейским участком Уэстпорта. Тамошние коллеги нанесли визит друзьям Хестер и доложили, что она действительно в доме, приехала поездом, который прибыл в Уэстпорт в 1:09, и сейчас уже спит.

Поскольку дорога от вокзала Гранд-Сентрал в Нью-Йорке до Уэстпорта занимает около семидесяти минут, а не восемь часов, коп настоял на личной встрече с мисс Ливси, и ее разбудили. Она заявила, что ехала более поздним рейсом, а то, как она провела прошлый вечер в Нью-Йорке, никого не касается.

Услышав о смерти Керра Нейлора, она подтвердила вышесказанное и добавила, что с погибшим знакома только шапочно. В конце концов, он был главой огромного отдела, а она лишь секретарем. На вопрос, не вернется ли она наутро в Нью-Йорк, чтобы дать показания, Хестер ответила отказом, пояснив, что едва ли сможет рассказать что-то полезное.

С докладом выступил и сержант, ездивший

на Восточную Пятидесятую улицу, где в собственной квартире обретался Самнер Хофф. Тот тоже ничем не смог помочь, но, как ответственный гражданин, выказал всяческую готовность сотрудничать с полицией в расследовании злодеяния. Памятуя грубость Хоффа в общении со мной, я расценил это как примечательный и вдохновляющий сдвиг к лучшему.

Звонки и стук в двери меблированных комнат в Гринвич-Виллидже, где квартировала Роза Бендини, не принесли результатов. Здесь не оказалось матери, которая объяснила бы отсутствие дочери, и никто из жильцов не имел понятия, где сейчас Роза.

Уже сообразив, к чему может привести увлеченность Розы налаживанием новых контактов, я проникся убеждением, что, когда она наконец объявится, память о событиях позднего вечера пятницы будет необъяснимым образом стерта из ее сознания. Этой догадкой я не стал, однако, делиться с Кремером, не желая уронить в его глазах светлый образ американских женщин.

Полицейские возомнили, что найдут Розу Бендини с мужем в доме его родителей в Вашингтон-Хайтсе, но увы. Харолд Энтони, когда его вытащили из постели, по собственной воле одел-

ся и прибыл на Сентр-стрит. Говоря вкратце, он не видел Розу с вечера среды, когда она оставила нас сражаться на тротуаре у дома Вулфа. Сам он понятия не имел, кто такой Керр Нейлор и как выглядит, а вечер пятницы провел на баскетбольном матче, куда ходил в гордом одиночестве и откуда добирался до дому пешком (около шести миль), желая растратить избыток энергии.

Я не смог промолчать:

— Значит, вы всего за двое суток накопили столько лишней энергии? После того, что я с вами сотворил?

— Черта с два! — фыркнул он. — Я уже назавтра позабыл о нашей стычке. На кой им сдалась Роза? Неужто полицейские-недотепы шьют ей убийство? Чем докажут?

Он и впрямь беспокоился о жене, даже примчался на Сентр-стрит посреди ночи! Привязанность — отличная штука, но и ей палец в рот не клади. Я посоветовал мистеру Энтони не паниковать, копы просто процеживают народ через мелкое сито. А насчет избытка энергии я не поверил. Три моих фирменных удара по почкам хоть и не убьют человека, но и не выветрятся из памяти на следующий день.

Все это происходило уже в самом конце. Еще до

того мы долго болтали с Беном Френкелем — едва ли не первым делом после прибытия в кабинет О'Хары. Кремер уселся за большой стол, а я стоял за его плечом, поглядывая на разложенные перед инспектором копии моих отчетов руководству «Нейлор-Керр», за которыми успел заскочить к Вулфу.

Коп ввел Френкеля в кабинет и усадил на дальнем конце стола. Еще в четверг, когда Бен нанес мне визит, его волосы показались мне всклокоченными; теперь же на всей голове не отыскалось бы и двух параллельных волосков. Он отчаянно пытался смотреть в никуда — задача практически невыполнимая, если не приложить все силы и не зажмуриться.

— Привет, — поздоровался я.

Никакой реакции.

— Вы Бенджамин Френкель? — прорычал Кремер.

— Да, так меня зовут.

— У вас до сих пор есть ощущение, что вы убили Керра Нейлора?

Френкель вытаращился было, но быстро вернулся к разглядыванию никого и ничего, так и не ответив.

— Итак, ощущение?

Френкель упер в меня взгляд и провыл:

— Подлый доносчик! Я рассчитывал на ваше молчание!

— Напрасно, — парировал я. — Говорил же, что не смогу хранить в тайне признание в убийстве.

— Но я не признавался ни в каком убийстве!

— Тогда сделайте это сейчас, — подбодрил его Кремер. — Самое время. Давайте смелее, снимите груз с души, сразу полегчает.

Номер не прошел. В подобной формулировке приглашение сознаться в убийстве, казалось, стало для Бена Френкеля чем-то вроде желанного подарка ко дню рождения. Он прекратил попытки рассмотреть ничто, расправил костлявые плечи и откинулся на спинку стула, а его голос, пусть напряженный, не выдал испуга:

— Мне сказали, я здесь затем, чтобы ответить на какие-то вопросы. Задавайте их.

Улыбка Френкеля была приветлива и печальна.

Кремер задал свои вопросы, и Бен ответил. В последний раз он видел Керра Нейлора около трех часов дня, в офисе, и с тех пор ничего не знал о его местонахождении. После работы он направился в свою комнату на Девяносто четвертой улице, принял ванну и сменил одежду, в одино-

честве пообедал в ресторане за углом на Бродвее и отправился на подземке в центр, к молодой женщине, которая жила на Двадцать первой улице и с кем у него было назначено свидание. Бен предпочел бы не называть ее имени. Вместе они посетили клуб «Лунный свет» на Пятидесятой улице и развлекались там танцами, пока не пробило полночь. Проводив спутницу, он и сам направился домой, куда прибыл около часа ночи. Причин раскрывать имя подруги он не видел, но сделает это, если будет необходимо.

Как насчет ощущения, что он убил Уолдо Мура?

По разумению Бена, нервные люди вроде него самого нередко бывают подвержены подобным наваждениям. Чувствительность ума чревата капризами. Скажем, не так давно он зациклился на мысли, что тайно сочувствует нацистам, и потребовалось посетить сходку Германо-американского союза в Йорквилле, чтобы от нее избавиться.

Бен не сказал этого прямо, но намек был прозрачен: беседа со мной исполняла ту же роль, что и визит на профашистское сборище. Не могу сказать, что мое доброе расположение к Бену Френкелю не пошатнулось после такого при-

знания.

Не явился ли Бен в мой кабинет с единственной целью — выяснить, упоминал ли Нейлор его имя в связи со смертью Мура?

Нет, неправда. Он вообще об этом не думал, пока тема не всплыла в разговоре.

Знаком ли он с некой Гвинн Феррис?

Да, так зовут одну из стенографисток в отделе фондов.

Говорил ли он с ней в пятницу?

Вполне возможно. Если разговор и был, то не задержался в памяти.

Разве не она сообщила Бену, что Нейлор признал, будто ему известно имя убийцы Уолдо Мура?

Нет, такого он не припомнит. Но разумеется, о заявлении Нейлора ему известно. Всем известно. Весь отдел только об этом и толковал.

Для меня это стало новостью. Я выпучил глаза и, перехватив у Кремера инициативу, спросил:

— Когда?

— Ну, сегодня. Вернее, вчера. В пятницу.

— И кому же Нейлор сделал такое признание?

— Не могу сказать… То есть я знаю об этом только понаслышке. Насколько я понял, он признался вам, а вы передали его слова президенту

компании.

— И кто вам рассказал?

— Не помню. — Френкель успел оправиться. Голос уверенно гудел, глаза с прежним тщанием изучали мое лицо. — Моему разуму не присуще удерживать подобные фактические детали. Тогда как предметы интеллектуального свойства…

— Бред! — с горьким отвращением сказал Кремер. На какой-то ослепительный миг ему померещилось, что вот-вот прозвучит признание, а теперь этот вздор! Он нацелил в лицо Френкелю наполовину изжеванную сигару, потряс ею и твердо произнес: — Это Гвинн Феррис вам рассказала, не так ли?

— Говорю же, не она.

— А я говорю — она! Так вышло, что мне… Чего надо?

Последний вопрос прозвучал в адрес стража порядка, который осмелился подступить к столу. Тот поспешил ответить:

— Прибыл сержант Готлиб, сэр. С ним та женщина, Феррис.

Кремер прожег его взглядом:

— Подержите ее где-нибудь, пока я не… Впрочем… — Он глянул на Френкеля, на меня. — Отчего бы и нет?

— Конечно. Отчего бы? — согласился я.
— Тащите ее сюда, — распорядился Кремер.

Глава 21

Гвинн Феррис вошла в кабинет, словно бы не подозревая или не беспокоясь о сержанте полиции, который буквально дышал ей в затылок. Постояла на пороге, озираясь в большом помещении, потом приблизилась к столу.

— Привет, Бен, — тепло и мелодично пропела она. — Подумать только, тебя-то как сюда занесло? — Не дожидаясь ответа, ее взгляд метнулся к Кремеру, а затем и ко мне. — О! Значит, вы *все-таки* полицейский!

Надо признать, застичь мисс Феррис врасплох было непросто. Причем это в равной степени относилось как к присутствию духа, так и к внешнему облику. Какой-то коп выдернул Гвинн из постели в пятом часу утра, дождался, когда она оденется, и доставил в участок в патрульной машине, а она все так же свежа, чиста и прелестна, как в тот миг, когда, обратив ко мне ясный голубой взор, призналась, что не умеет писать без ошибок.

— Присядьте, мисс Феррис, — разрешил Кремер.

— Благодарю вас, — с сарказмом ответила она и уселась на стул в паре шагов от Френкеля. — Ты ужасно выглядишь, Бен. Удалось хоть немного поспать?

— Да, — с глубины в милю прогудел ответ.

Тогда Гвинн обратилась к нам с Кремером:

— Я почему спрашиваю, мы ведь расстались всего несколько часов назад. Ходили танцевать. Но Бен, наверное, уже все вам рассказал? Хорошо хоть завтра не надо на работу. Значит, вы инспектор полиции, мистер Честнотт, или как?

— Это неописуемо, просто неописуемо! — с чувством объявил Бен Френкель. — Я не говорил, с кем сегодня танцевал, потому что думал, полиция сразу бросится к тебе, чтобы подтвердить алиби. И они все равно это сделали, без всяких причин. Они хоть прилично себя вели? Не грубили тебе?

Харри Энтони переживал из-за Розы, Френкеля заботит благополучие Гвинн. Я сделал мысленную пометку бросить попытки понять женщин и вместо этого попытаться понять мужчин.

— Нет, полисмен был довольно галантен, — великодушно сообщила Гвинн.

Кремер покрутил головой, переводя взгляд с одного на другую, и бросился в атаку:

— Итак, вы провели вдвоем весь вечер. Это так,

Френкель?

— Да. Мисс Феррис сама вам сказала.

— Давайте отвлечемся от ее слов. Так или нет?

— Да.

— А потом, мисс Феррис, мистер Френкель проводил вас домой?

— Ну конечно проводил!

— И когда вы вернулись домой?

— Сколько же было, Бен? Примерно…

— Я вас спросил.

— Ну, в свою комнату я поднялась примерно без пятнадцати час. Разумеется, поднималась я одна. С Беном мы немного поболтали внизу.

Кремер меня удивил. Он редко говорит пошлости, оставляя это подручным, но сейчас прямодушно гаркнул:

— Однако, когда Уолдо Мур провожал вас домой, поднимались вы не одна, правда?

Бен Френкель пружиной взлетел со стула, сжав кулаки и подобрав локти. Прохлаждавшийся сзади коп придвинулся ближе. Я и сам немного напрягся, не зная, на что способен разгоряченный Френкель. А вот Гвинн, похоже, знала это точно, потому что в один миг оказалась на ногах и обеими руками схватила его за лацканы плаща.

— Ну же, Бен, лапочка! — Нотки мольбы, под-

пущенные в ее чудесный голос, расплавили бы кусок металла. — Ты ведь знаешь, что это неправда. Я ведь рассказывала. Он специально тебя дразнит, и все. — Взявшись покрепче, Гвинн надавила на Френкеля. — Посиди смирно и не смей даже *слушать* такие вещи!

Колени Френкеля дрогнули. Она поднажала еще, и Бен снова оказался на стуле.

Усевшись сама, она обратилась к Кремеру:

— Про меня и Уолдо Мура каких только слухов не распускали, но я смогла устоять. Теперь я стала сильнее, и вся эта гнусность больше меня не трогает. Я просто не обращаю на нее внимания.

Стало быть, проведенный Кремером запрещенный прием успеха не принес. Тогда он испробовал иной подход, спросив:

— Отчего вам так не терпелось узнать, что́ написал Гудвин в своем отчете касательно смерти Уолдо Мура?

— Гудвин? Какой еще Гудвин?

— Честнотт, — объяснил я. — Приятно познакомиться. Моя фамилия Гудвин.

— Вот как! Рада, что вы сказали. Так, значит, вы выдавали себя за…

— Я спрашиваю, — проскрежетал Кремер, — почему вам так хотелось узнать, что́ он выяснил

про гибель Мура.

— И вовсе мне не хотелось. Совершенно не хотелось этого знать.

— Тогда зачем вы пробрались в его кабинет и рылись в его бумагах?

— Ничего подобного! — Гвинн посмотрела на меня с упреком. — Это вы ему сказали? После того как я объяснила, что думала, будто вы еще ждете, и решила, что вы могли оставить какое-то рабочее задание…

— Ну конечно! — оборвал ее Кремер. — Все это я уже слышал. Вы упрямо стоите на своем, так?

— А что? Это ведь правда!

В своей стойкости перед лицом несправедливых обвинений Гвинн была великолепна. Настолько, что у меня руки чесались покрошить ее на тонкие ломтики и отправить на сковороду. Так бы и слопал.

Кремер тоже глядел на нее во все глаза.

— Послушайте, мисс Феррис, — уже спокойнее заговорил он, — все эти игры никому не мешали, пока речь шла о расследовании обстоятельств давней и, по всей видимости, случайной смерти. Гудвин спрашивал, что́ вы забыли в его бумагах, и никто сильно не переживал, когда вы не хотели говорить ему правду. Так вот, теперь шутки за-

кончились. Мы знаем, что Мура убили. Поверьте на слово, его убили. Это все меняет, не так ли? Вы не хотите нам помочь? Если сами не замешаны в убийстве — а я в это не верю, — что мешает вам рассказать правду? Спрошу еще раз: зачем вы копались в бумагах Гудвина?

— Что вообще происходит? — забеспокоился Френкель, очевидно уже забыв о нанесенном оскорблении. — Она заглянула в бумаги? Какие еще бумаги?

Ответа он не получил.

Гвинн воззвала к логическим способностям Кремера:

— Ну почему вы не верите, когда я говорю правду? Зачем мне вас обманывать? Ложь ничем мне не поможет, разве нет?

Кремер сорвался и перешел на крик:

— Кому вы об этом рассказали?!

— О чем — об этом?

— О том, что прочли в отчете! Будто Нейлор говорил, что может назвать имя убийцы Мура! Кому вы рассказали?

— Дайте подумать… — нахмурилась мисс Феррис. За морщинками на ее лбу кипела работа. — Одной из наших девушек. Как же ее зовут? Еще я упомянула про это кому-то из мужчин… Это

был… Нет, точно не мистер Хендерсон… — На ее личике появилось сконфуженное выражение. — Кажется, я не смогу вспомнить.

В этот момент в помещение размашистым шагом вошел заместитель комиссара полиции О’Хара. В конце концов, это ведь был его кабинет.

Поднявшись, Кремер угрюмо проговорил:

— Боюсь, мисс Феррис, продолжить разговор нам придется в другой комнате. С вами же, мистер Френкель, мы пока закончили. Однако в скором времени вы можете снова понадобиться. Сообщайте нам о своих перемещениях.

О’Хара ждать не стал:

— Вы и есть Арчи Гудвин? Нам нужно поговорить.

Впрочем, про это я уже рассказал.

Глава 22

И снова повторю: в субботу я проспал почти до полудня. Мое лицо достаточно поджило, чтобы мальчишки на улице перестали тыкать в меня пальцами, но бритье заняло больше обычного времени, а под душем пришлось двигаться осторожно и плавно. В общем, когда я спустился вниз, Фриц уже собирался подавать ланч.

Мне совсем не улыбалось начинать день с почек по-горски, тушенных в наваристом бульоне и красном вине со множеством приправ. К тому же Вулф все равно не позволил бы обсуждать дела во время трапезы. И потом, мне хотелось полистать утренние газеты, чего я не смог бы сделать, сидя с ним в столовой, так что пришлось устроиться на кухне.

Фриц, который хорошо меня понимает, держал овсянку горячей, а сливки — прохладными. Он успел подготовить яйца и тонко нарезать ветчину, смешать тесто для блинчиков, нагреть вторую сковороду и сварить кофе. Я хотел было расцеловать его, но Фриц отогнал меня, взмахнув длинным острым ножом; поэтому я уселся за

стол, разложил «Таймс» и развернул кампанию по борьбе с голодом.

После ланча или, скорее, завтрака, смотря по тому, в какой из комнат вы предпочли бы перекусить, я направился в кабинет, где ко мне вскоре присоединился Вулф. По выражению его лица я определил, что отношения наши потеплели — до следующего охлаждения. Моя пишущая машинка осталась при мне. Однако, если Вулф воображал, что я пойду на ответные уступки и откажусь заполучить новый автомобиль, он плохо меня знал. В любом случае я предпочел не заговаривать о покупке сразу после трапезы.

Удобно устроившись за столом в изготовленном на заказ кресле, Вулф поинтересовался:

— Что же в итоге решили насчет мистера Нейлора? Несчастный случай?

— Нет, сэр. Полицейские думают, кто-то хотел сделать ему больно. Похоже, котелок у Кремера все-таки варит. На Тридцать девятой улице и в ее окрестностях он не нашел ничего, что объяснило бы, как там очутился Нейлор. Далее, он решительно отказывается верить, что Нейлор послушно прилег на мостовую и ждал, пока водитель машины аккуратно переедет его — в точности так, как это произошло с Муром. Кремер

заключил, что Нейлора убили где-то в другом месте. Скорее всего, проломили ему голову одним или несколькими ударами. Затем отвезли труп на Тридцать девятую улицу, где разложили на проезжей части и переехали с тем расчетом, чтобы шины, раздавив голову, уничтожили всякие следы фатального удара — или ударов. Полицейские эксперты под микроскопом изучают отделку салона машины, пытаясь убедиться, что именно в ней перевозили труп. Кремер не говорит этого вслух, но страшно сожалеет, что не сделал того же в отношении автомобиля, якобы сбившего Мура.

— Кого-нибудь арестовали?

— Когда я уходил в шесть часов утра, еще никого. Заместитель комиссара полиции О'Хара намеревался арестовать меня, но Кремер ему не позволил. Я здорово помог следствию.

— Мистер Кремер по-прежнему считает, что ты лгал в своем отчете мистеру Пайну?

— Уже нет, но О'Хара в этом убежден. Должен признать, я солгал ему лично. Рассказал, что вы лишь фасад агентства, а на самом деле всем здесь заправляет престарелая тощая астматичка, которую мы держим запертой в подвале. Именно она раскрывает все преступления.

Вулф со вздохом откинулся на спинку кресла:

— Думаю, будет нелишним выслушать всю историю.

Я подчинился. Предположив, что он действительно хочет выслушать все без купюр, я не только выложил факты, но и поделился кое-какими соображениями насчет интерпретации событий и личностного анализа.

Было очевидно, объяснил я, что Кремер верит моим словам, как букве Священного Писания: он сосредоточил свое внимание на тех сотрудниках компании «Нейлор-Керр», которых я ему перечислил. Впрочем, он также заглядывал и в полицейскую папку с материалами по делу о смерти Уолдо Мура, где перечислялись те же имена.

Гвинн Феррис оказалась крепким орешком. Я рассудил, что широковещательный пересказ новостей, извлеченных из моего шкафа, мог быть хитроумным прикрытием для ее собственных, еще не ясных намерений и планов или же простой болтовней завзятой сплетницы. Я отказался выбирать один из двух указанных вариантов, пока не изучу характер мисс Феррис досконально, признав, что это отнимет лет пять как минимум.

Так или иначе, результат оставался прежним: если принять за данность, что Нейлора шлепну-

ли из-за признания, будто ему известно, кто убил Мура, убийцей мог оказаться кто угодно.

В шесть часов утра, когда я отправился домой спать, никто даже не начинал отсеивать подозреваемых, хотя Кремер привел в действие всю свою армию для отработки полицейской рутины: проверки алиби; отслеживания маршрута фигурантов, включая самого Нейлора; поиска возможных свидетелей на Тридцать девятой, Девяносто пятой, Сорок восьмой улицах и в других критических точках. Копы не нашли никого, кто видел бы Керра Нейлора с тех пор, как тот покинул здание на Уильям-стрит в пятницу вечером, или рассказал бы о его планах.

Это обстоятельство казалось интересным, поскольку делало нас с Гвинн Феррис последними, кто видел мистера Нейлора живым. Примерно в половине шестого он напугал нас, когда заскочил в мой кабинет, чтобы выставить меня лжецом. Все остальные уже закончили работу и покинули офисы «Нейлор-Керр». Причем никто из лифтеров не смог вспомнить, чтобы мистер Нейлор спускался вниз. Заместитель комиссара полиции О'Хара сильно заблуждался, пребывая в полной уверенности, что мы с Нейлором вместе вышли из здания. Тут уж я только плечами мог

пожать: переубеждать ирландца — пустая трата времени.

Когда мои запасы фактов и интерпретаций окончательно истощились, я заметил:

— Следует подумать еще кое о чем. Как вам известно, нас нанимали для того, чтобы прояснить причину смерти Мура. Помните свое письмо Пайну? Так вот, расследование привело к непреложному выводу. В глазах копов, по крайней мере. Надо определиться с клиентом. Если мы и дальше станем напрягать ваши мускулы и мои мозги, будут ли вознаграждены наши усилия?

— Естественно, — кивнул Вулф, — это приходило мне в голову. Утром я звонил мистеру Пайну. Он, по-видимому, пребывает в некоторой растерянности. Говорит, на понедельник назначено заседание совета директоров и он сообщит нам о результатах. Кстати сказать, его супруга заезжала повидаться со мной.

— Невероятно! Сесили? Сна ни в одном глазу и на ногах еще до полудня! Что же ей было нужно?

— Не представляю. Возможно, это известно ей, но не мне. Подозреваю, она охвачена истерикой, но как-то умудряется это скрывать. Предлогом для визита миссис Пайн послужило желание узнать, чтó ее брат наговорил тебе за последние

три дня. Она хотела услышать точные слова и была готова заплатить за них. Какого дьявола у этой женщины еще водятся деньги, когда она так спешит от них избавиться, для меня загадка. Еще она просила передать, что билеты на бейсбол тебе вручат в четверг или в пятницу. Спрашивала, хорошо ли ты заботишься о своем лице. — Вулф уставил на меня свой толстый палец. — Арчи, эта женщина одержима распутством. На твоем месте я бы тысячу раз подумал, прежде чем принять из ее рук бейсбольные…

В дверь позвонили.

— Она вернулась! — переполошился Вулф. — Только не впускай ее!

Не стоило беспокоиться. Я вышел в прихожую к парадной двери, открыл ее и узрел одно из немногих лиц, созерцать которые всегда приятно. К нам явился Сол Пензер.

— Какого черта? — осведомился я, когда Сол вошел и водрузил свою кепку на вешалку. — Неужели ты споткнулся на фальшивомонетчиках Бэскома и явился за советом?

Сол неизменно деловит. Мне никогда не приходилось видеть его в игривом настроении, но теперь он был, скорее, мрачен и даже не улыбнулся в ответ.

— Мистер Вулф? — спросил он.

— В кабинете. Какая муха тебя укусила?

Он молча двинулся вперед, и я пошел за ним. Сол никогда не усаживается в красное кожаное кресло — не из ложной скромности, дескать, он не заслуживает такой чести, а оттого лишь, что ему не нравится сидеть лицом к окну. Обладая парой самых зорких глаз из всех, что я знаю, не исключая даже Вулфа, он не любит лишать себя преимуществ полного обзора. В итоге Сол устроился на излюбленном насесте, в желтом кресле с прямой спинкой поблизости от моего, и угрюмо заговорил с Вулфом:

— Пожалуй, это самый крупный промах из всех, что я допускал, работая на вас. Может, самый крупный в моей практике.

— Ты имеешь право утверждать это, — вежливо заметил Вулф, — даже если безупречно исполнил мое поручение. По телефону ты сказал, что потерял след. Он сообразил, что за ним наблюдали? Что произошло?

— Все не настолько плохо, — вздрогнул Сол. — Когда я иду за кем-нибудь, люди не часто это замечают. Уверен, объект не подозревал о слежке. Конечно, мог и подозревать. Теперь-то уже не спросишь. В любом случае он шагал на запад по

Пятьдесят третьей улице, по дальней от городского центра стороне, и между Первой и Второй авеню…

— Прошу прощения, — учтиво вставил я, — мне уйти наверх и вздремнуть или вы соизволите ввести меня в курс событий?

— Он шел за мистером Нейлором, — пояснил Вулф.

Уже не впервые босс предпринимал некоторые шаги — сам или с помощью одного-двух внештатных агентов, — не отягчая мой разум знанием об этом. В качестве оправдания он обычно приводил сомнительный довод: я лучше работаю, когда считаю, что все зависит только от меня. На самом же деле Вулф обожал миг триумфа, когда занавес взлетает вверх, открывая взору изумленной публики его в паре с живым тюленем, балансирующим у него на носу. Я давным-давно отказался от мысли выражать по этому поводу недовольство и только переспросил:

— Когда?

— Вчера. Прошлым вечером. Продолжай, Сол.

Сол возобновил свой рассказ:

— Я двигался шагах в тридцати позади, по другой стороне улицы. Два часа объект бродил по городу туда-сюда, делая короткие остановки и

ничем не выдавая, что цель путешествия уже близка. Ничего не предвещало такого исхода. Нельзя сказать, что он поглядывал назад, высматривая свободное такси. Эта идея будто внезапно его осенила. Такси миновало меня, а когда поравнялось с ним, он замахал руками. Водитель ударил по тормозам. Объект подбежал к дверце, юркнул внутрь, и такси покатило дальше. Для меня это стало полнейшей неожиданностью. Я бежал за такси до перекрестка со Второй авеню, но на светофоре горел зеленый, и машина не задержалась. Ни одного такси поблизости. Я бежал со всех ног, но либо объект попросил шофера поспешить, либо тот просто любит кататься с ветерком. — Сол скорбно помотал головой. — Признаю, все говорит о том, что он меня заметил, но не могу в это поверить. Мне кажется, он принял решение по наитию. Я не привык особо переживать, когда меня стряхивают с хвоста, всем нам порой приходится терять след, но за три часа до убийства! Вот что меня выворачивает. Даже если признать это невезением, если удача попросту отвернулась от меня, все равно пора уходить на покой. В то время я не подозревал, конечно, что еще до полуночи объект будет убит, и поэтому не сильно расстроился. У меня имелось несколько

зацепок. Я наведался в его шахматный клуб и в пару других местечек, но все без толку. Я решил продолжить с утра, отправился домой и улегся спать. А утром, едва увидев заголовки в утренней газете, позвонил вам, и когда вы сказали…

— Выбрось из головы все, что я говорил, — решительно встрял Вулф. Не иначе, готовит очередной сюрприз. Поразмыслив, он спросил у Сола: — Который был час?

— Я прекратил бежать, окончательно упустив такси из виду, в двадцать часов тридцать четыре минуты. Значит, в машину он сел в полдевятого плюс-минус минута.

— Арчи, звони мистеру Кремеру.

Я честно пытался выполнить приказ, но Кремера нигде не отыскал. Скорее всего, он отсыпался дома после тяжелой ночи, хотя ни у кого в полиции не хватило бестактности прямо сообщить об этом. Мне предложили связаться с капитаном или выбрать кого-то из лейтенантов, но я отверг их всех и согласился на разговор с сержантом Пэрли Стеббинсом. Вулф взял трубку:

— Мистер Стеббинс? Как поживаете? Я хочу оставить сообщение для мистера Кремера. Вчера, в пятницу, в половине девятого вечера, мистер Керр Нейлор остановил такси на Пятьдесят тре-

тьей улице, между Первой и Второй авеню. Он сел в машину и поехал вперед, мимо Второй авеню и дальше. Да, в одиночестве… Если позволите, я хотел бы договорить. — Вулф опустил взгляд на клочок бумаги, протянутый ему Солом. — Желтое такси, довольно потрепанное, с номером WX один-девять-семь-четыре-четыре-ноль. Правильно. Откуда, черт вас подери, мне знать, как звали шофера?! Вам и этого мало?.. Уж будьте любезны. На эти сведения можно положиться, за достоверность ручаюсь, но добавить мне нечего. И в будущем тоже нечего. Вздор! Если шофер станет это отрицать, привезите его ко мне.

По крайней мере, я больше не считался последним, кто видел Нейлора живым, но мне от этого не сильно полегчало: эстафетная палочка перешла к Солу. Было бы неплохо, чтобы полицейские нашли таксиста и тем самым избавили нас от нее.

— Что же происходило до того, как ты потерял его? — спросил у Сола Вулф. — Ты начал слежку на Уильям-стрит?

— Да, сэр, — кивнул Сол. — Объект вышел из здания в семнадцать тридцать восемь, дошел до Сити-Холл-парка, купил вечернюю газету, уселся на скамью в парке и читал до четверти седьмого.

Затем он направился к Бруклинскому мосту, на Третьей авеню сел в поезд эстакадной железной дороги и сошел на Пятьдесят третьей улице. Казалось, он спешит куда-то: шаги его сделались быстрее. На перекрестке Первой авеню с Пятьдесят второй улицей объект встретил молодую женщину, которая, надо полагать, ожидала его. Вместе с этой особой они двинулись на запад по Пятьдесят второй улице, о чем-то беседуя. На Второй авеню они свернули направо, но на Пятьдесят третьей улице повторили тот же маневр и снова дошагали до Первой авеню. Там они повернули налево, а потом еще раз налево, уже на Пятьдесят четвертой улице, и опять достигли Второй авеню. Все это время говорили не умолкая. Не меньше часа они только и делали, что бродили взад-вперед по улицам, разговаривая. Не могу сказать, спорили они или читали стихи. Они ни разу не повысили голос настолько, чтобы я мог уловить хоть одно словечко.

— То есть ты ничего не слышал?

— Верно, сэр. Подберись я поближе, меня бы обязательно заметили.

— Эти двое вели себя как друзья? Как любовники? Как враги? Они не обнимались, не держались за руки?

— Нет, сэр. Судя по манерам, они не испытывали друг к дружке особой приязни, но больше мне нечего сказать. Они встретились в восемнадцать тридцать восемь и расстались в девятнадцать сорок одну на углу Пятьдесят седьмой улицы и Второй авеню. Девушка направилась к центру по Второй авеню, а Нейлор двинулся на восток по Пятьдесят седьмой улице, остановился у овощной палатки на углу Первой авеню и купил большую гроздь бананов, дошел до набережной, уселся на скамью и съел девять бананов, один за другим.

Вулфа передернуло.

— Смертельная доза.

— Да, сэр. Он не спеша поел, а затем продолжил путь. Так же не спеша, прогулочным шагом. На Пятьдесят пятой улице он вновь решил пересечь город: вернулся на Вторую авеню, затем проследовал по Пятьдесят четвертой улице до Первой авеню и опять взял курс на запад, двигаясь по Пятьдесят третьей улице. К тому времени я уже не сомневался, что объект так и будет перемещаться зигзагами, пока не упрется в Бэттери-парк. И наверное, я немного расслабился. Так или иначе, на Пятьдесят третьей улице он внезапно остановил такси, и я потерял его. — Сол покачал головой. — Он направлялся на встречу со своим убийцей.

Чертово невезение!

Никогда прежде я не слышал, чтобы Сол чертыхался.

Вулф испустил тяжкий вздох:

— Это не твоя вина. Работой я удовлетворен. Теперь о девушке.

— Да, сэр. Ей двадцать три или двадцать четыре года, рост пять футов пять дюймов, вес сто восемнадцать фунтов, светло-коричневое шерстяное пальто, под ним рыжевато-коричневая шерстяная юбка или, возможно, платье, темно-коричневая шляпка с белым матерчатым цветком и коричневые туфли-лодочки. Каштановые волосы и карие глаза, хотя тут я не уверен. Хорошая фигура и осанка, ходит непринужденно, но бедрами не виляет. Волосы послушные, тонкие. Лицо скорее овальное, чем круглое, с плавной линией скул. Черты лица правильные, не придраться, кожа белая, внешность привлекательная. Я почти все время видел ее со спины, так что о лице не смогу добавить ничего существенного. Те части ее лодыжек, что были мне видны, изящно перетекали в узкие щиколотки.

Вулф повернулся ко мне:

— Что скажешь, Арчи?

В любом другом месте, в любой другой компа-

нии я сумел бы потянуть время и пораскинуть мозгами. Увы, с Ниро Вулфом и Солом Пензером этот номер не прошел бы.

— Так и думал, — сказал я. — Ее зовут Хестер Ливси.

— Прекрасно. Это которая уехала в Коннектикут на выходные? С Нейлором знакома лишь шапочно и ничем не может помочь полиции Уэстпорта?

— Да, сэр.

— Пригласи к телефону мистера Кремера… или мистера Стеббинса.

Глава 23

Развернуть вполоборота кресло на колесиках и снять телефонную трубку — что может быть проще? Впрочем, иногда и самые простые задачи оказываются непосильными. Мне такой маневр не удался. Вместо этого я облизал верхнюю губу, потом нижнюю, затем зажал кончик языка между зубами и попробовал определить, с какой силой нужно сомкнуть челюсти, чтобы стало больно.

— Ну? — возмутился Вулф. — Что тебе мешает?

Кончик языка оказался на воле.

— Мне вдруг вспомнилось, — проговорил я, — знаменитое изречение Фердинанда Боуэна[7], прозвучавшее в Синг-Синге, когда его попросили приблизиться к электрическому стулу. Он пробормотал: «Мне невыносима сама идея». Не то чтобы я оказался в аналогичной ситуации, но у меня вовсе не возникает желания…

— Что же тут такого невыносимого?

— Мне нравится, как в волосах мисс Ливси сияет солнце.

---

[7] Примечания: 7

Фердинанд Боуэн — герой романа Рекса Стаута «Лига перепуганных мужчин», убийца, изобличенный Ниро Вулфом. — *Примеч. ред.*

— Пф! Звони мистеру Стеббинсу.

— К тому же я, хотя и назвал вам имя, исходил из словесного портрета. Думаю, стоило бы для верности сначала показать девушку Солу, а уж потом бросать ее на растерзание копам.

— Нас не нанимали ловить убийцу мистера Нейлора. Я не стану оплачивать вашу с Солом поездку в Коннектикут.

— Вам и не придется. Он сможет взглянуть на нее в понедельник, в офисе «Нейлор-Керр».

— Было бы ошибкой скрывать полученные сведения от…

— Вы только послушайте себя! Помолчите минутку и просто прислушайтесь! — Мой голос окреп без всякого понуждения с моей стороны. — Одна из главных причин, побуждающих вас добывать сведения, состоит в том, чтобы не выдавать их копам, и вы отлично это знаете! Упрямство отнюдь вас не красит. Если даже вы сами позвоните Стеббинсу, чего не сделаете, ведь напрягаться вам вредно, я буду все отрицать. Мое опознание недостоверно. Под описание Сола отлично подходит герцогиня Бримстоунская, которая прибыла в эту страну как раз вовремя, чтобы…

— Арчи, — свирепо уставился на меня Вулф, —

эта девица приворожила тебя? Своими сладкими речами она пробудила в тебе безумную страсть?

— Да, сэр.

Это моментально привело его в чувство. Вулф откинулся на спинку кресла, покивал сам себе, сложил губы колечком и издал шелестящий звук, означающий у него присвист.

— Сойдет и понедельник, — объявил он, отметая все прочие мнения как дурацкие. — Я был поспешен в своих суждениях.

Вулф посмотрел на настенные часы: без двух минут четыре, самое время для вечерней сессии в кругу орхидей. Выбравшись из кресла, он застыл в положении стоя:

— Сол, ты сможешь вернуться утром в понедельник и отправиться в центр вместе с Арчи. А прямо сейчас… пойдем со мной в оранжерею. Хочу кое-что тебе посоветовать.

Они оба вышли: Сол направился к лестнице, Вулф — к лифту. Это напомнило мне, что я здорово запустил картотеку, куда вношу данные о всходах и цветении, а потому открыл ящик стола и погрузился в разбор памяток от Теодора.

Глава 24

Положение с нехваткой сна тоже следовало выправить, и я наверстал упущенное в ту же субботнюю ночь. Но не настолько, как вообразил Вулф. Вскоре после того, как они с Солом удалились в оранжерею, мозг сообщил мне, что слишком взвинчен, чтобы заниматься картотекой цветения — растений, по крайней мере, — так что я вышел, взял машину и поехал на Двадцатую улицу поглядеть на тамошние «всходы».

Сержант Пэрли Стеббинс посчитал, что те несколько часов, пока я исполнял важную роль «последнего, кто видел убитого живым», не позволяют мне держать руку на пульсе следствия. Однако в участке меня терпели достаточно долго, чтобы я успел понять: оно не сильно продвинулось.

Конечно, кое-кто в полиции с радостью ухватился за шанс расколоть меня. Им было страшно интересно, откуда Вулф прознал, что Нейлор сел в такси на Пятьдесят третьей улице. Не кривя душой, я снова и снова повторял им, что я тут совершенно ни при чем. Водителя такси еще

не изловили, хотя номер машины, разумеется, привел полицию точно по адресу. Подвозивший Нейлора шофер уехал в Коннектикут на рыбалку, и за ним уже отправили людей. Оставалось уповать, что полицейские не застанут таксиста за прогулками вдоль берега речки в компании Хестер Ливси.

Как раз из-за нее Вулф решил, что я лег спать раньше, чем на самом деле. В субботние вечера я зачастую вожу дам на хоккей и баскетбол, даже на боксерские матчи в «Мэдисон-сквер-гарден», но в ту субботу все было иначе. После ужина я немного поработал в кабинете, а затем объявил, что хочу спать. Прихватив пончики, ежевичный джем и кувшин молока, я поднялся к себе, уселся в кресло и, ни в чем себе не отказывая, погрузился в раздумья.

Данное Солом описание одежды, в частности темно-коричневой шляпки с приколотым к ней белым матерчатым цветком, не оставляло места для сомнений. Мне было ясно как день, что Нейлор бродил по городу именно с Хестер Ливси. Не хочу сказать, что она меня приворожила, но когда девушка гладит мужчину по голове, тот обязан ради нее хотя бы пальцем шевельнуть. К тому же не часто бывает, чтобы у тебя с первого взгляда на

девушку, с первой минуты знакомства возникло убеждение, будто только ты один на всей планете понимаешь, до чего же она хороша. И над этим тоже стоило как следует поразмыслить.

Я посчитал, что мисс Ливси следует предоставить шанс очистить свою репутацию, если пятна на ней поддаются выведению, но догадывался, чем это обернется, если мы выдадим ее Кремеру и его громилам. Даже если, прогуливаясь с Нейлором, она обсуждала частные вопросы, никак не связанные с тем, что ему готовила судьба, все попытки сохранить содержание их бесед в тайне не приведут ни к чему, кроме непрерывных, круглосуточных препирательств со сменяющими друг друга грубиянами, которые не имеют привычки снимать шляпу перед дамой.

Вот я и удалился к себе прикинуть, не стоит ли смотаться на машине в Уэстпорт и перемолвиться словечком с мисс Ливси. В итоге от этой идеи я отказался, разделся и лег спать. Если бы в результате моих усилий что-то пошло не так, таскать из огня каштаны вынужден был бы Вулф, а не я.

На следующее, воскресное, утро, когда я на кухне заканчивал завтрак, наслаждаясь последними глоточками из второй чашки кофе и читая газету, в дверь позвонили. Фриц пошел откры-

вать. В прихожей послышался женский голос. Я отбросил газету и вышел взглянуть, кто к нам пожаловал.

— Арчи, пришла одна леди, — сообщил Фриц.

— Ага, всякий раз на это уповаю. Приветик!

В прихожей стояла Роза Бендини, она же миссис Энтони, до дрожи в коленях чем-то напуганная, если я хоть что-то смыслю в чужих эмоциях.

Подойдя ко мне, она практически потребовала:

— Бога ради, обними меня!

Будь мы одни, я не воспринял бы этот приказ за фамильярность, но Фриц еще не успел свернуть в кухню, а он, на свой швейцарско-французский манер, умеет быть весьма едким насмешником. Поэтому я пытался отстранить и приструнить Розу, а та продолжала издавать жалобные звуки — возможно, даже слова — и не теряла решимости повиснуть на моей шее.

Ситуация сложилась неловкая. Фриц принял на себя роль стороннего наблюдателя, Роза не понижала голоса, мы оба стояли у подножия лестницы, а Вулф завтракал в собственной комнате этажом выше. В общем, я подхватил ее на руки, занес в кабинет, разместил в красном кожаном кресле и заметил самым официальным тоном:

— Ты будто сбежала из-под стражи, и погоня

уже близка. Твой муж остался на крыльце?

— Мой муж? — Она скользнула вперед, на самый край кресла. — А он здесь?

— Не знаю, потому и спрашиваю. Не вставай. Тем вечером, когда ты от меня сбежала, я сбил его с ног и вправил ему мозги. — Мне показалось, разговоры о прошлом вернут ее в чувство и хоть немного успокоят. — Вы виделись с тех пор?

На вопрос она не ответила. Похоже, муж был наименьшей из ее проблем. Но она заскользила назад и вскоре уже сидела в кресле, а не на корточках. Едва слышно она пожаловалась:

— Меня преследует полиция!

— Я застрелю первых шестерых, а прочих закидаю камнями. Они сильно отстали?

Роза Бендини вскочила с кресла и придвинулась вплотную прежде, чем я успел опомниться, чтобы вторично потребовать объятий. Подчиниться было проще, чем затевать спор. Я обхватил ее и держал, а она, стремясь сделать наш контакт полноценным, сцепила пальцы на моем загривке и обернулась вокруг меня всем телом.

Мне и прежде случалось так обниматься, и с течением времени мои партнерши принимались мелко дрожать, но на сей раз вышло наоборот. Дрожь мало-помалу оставила Розу, и вскоре она

уже стояла спокойно, теплая и неподвижная, уткнув лицо в мою шею, которую я ради нее старался не напрягать.

Наконец она приподняла лицо, чтобы шепнуть мне на ухо:

— Я так испугалась, что чуть не бросилась с моста. Сколько себя помню, я всегда боялась полицейских… Наверное, из-за того, что они арестовали моего брата, когда я была совсем маленькой. — От меня она и на дюйм не отодвинулась. — Когда я пришла домой, консьержка и Изабель… девушка, что живет напротив… Когда они сказали, что полиция приходила уже трижды и может вернуться с минуты на минуту… Нет-нет, обними меня крепче, пусть мне будет трудно дышать… Я даже не стала заходить в комнату, сразу удрала оттуда. Я бежала к подземке, сама не знаю куда, но когда села в вагон, направлявшийся из центра, то вспомнила о Ниро Вулфе, а потому сошла на Тридцать третьей улице и поспешила сюда, чтобы встретиться с ним. И здесь оказался ты! Как это могло случиться? Теперь ты просто обязан поцеловать меня.

Мои объятия были достаточно крепкими, чтобы не дать ей сменить позу.

— До полудня я никого не целую, если мы не

завтракали вместе. Значит, ты только сейчас вернулась домой?

— Да. Тогда давай позавтракаем. Ох, а я знаю, как ты здесь оказался! Та статья в газете! Тебя зовут Арчи Гудвин, и ты — блестящий помощник Ниро Вулфа!

— Верно. Ты с такой неохотой направлялась в этот дом — и посмотри на себя теперь. Где ты провела прошлую и позапрошлую ночь и весь день между ними?

Вместо ответа она куснула меня за шею. Я ойкнул:

— Как раз сюда твой муж успел меня ударить, пока я не одержал верх. Где ты была?

Она поцеловала только что укушенное место.

— Перестань, девочка, — рассудительно произнес я. — Копы все равно вытрясут из тебя всю правду, так что можешь пока поупражняться.

Это было ошибкой. Она снова затряслась мелкой дрожью. Я сжал Розу, едва не выдавив из нее весь воздух, и авторитетно заявил:

— Я прохожу сквозь заслоны копов, как ветер — вдоль Уолл-стрит, и, вполне возможно, окажусь рядом, когда они зададут тебе тот же вопрос. В любом случае ответ на него мне нужно знать заранее. Где ты была?

Она снова напугалась, и мне пришлось утешать ее, прежде чем выудить наконец всю историю. В изложении Розы она звучала так: в пятницу около девяти она отправилась в свою меблированную комнату в Гринвич-Виллидже раньше задуманного, потому что мужчина, который пригласил ее на обед, сильно ошибся, составляя программу совместного вечера.

Она давно уже спала, когда начали звонить и стучать в дверь. Поначалу она не открывала, потому что еще не успела толком проснуться, потом — из опасений увидеть на площадке мужчину, угощавшего ее обедом. А после, подобравшись к двери, расслышала, как незваные гости расспрашивают девушку из комнаты напротив. Тогда она забралась назад в постель и до утра уже не спала — дрожала, боялась копов.

Между шестью и семью утра она встала, оделась, собрала сумку, выскользнула наружу, добралась на подземке до Вашингтон-Хайтса и нанесла визит родителям мужа. Те попытались убедить Розу сообщить в полицию о своем местонахождении, чтобы копы пришли, задали свои вопросы, и делу конец, но настаивать не стали.

До поздней ночи субботы или до раннего утра в воскресенье ей казалось, что она нашла надеж-

ное убежище, пока мужу Розы не пришло на ум, в свою очередь, настоять на кое-чем к делу не относящемся, с каковой мыслью он и явился к ней в спальню. Ситуация накалилась до того, что перебудила всех в доме. Ее выгнали бы прямо в метель, будь на дворе зима. Роза оделась, собрала сумку и ушла.

Бесцельно меняя линии подземки, Роза набралась достаточно мужества, чтобы произвести разведку по собственному адресу. Услышав, что за ней и впрямь приходили копы, причем уже трижды, она растеряла все накопленное мужество и вот теперь оказалась здесь.

Рассказ отнял немало времени. Когда она добралась до развязки, мы уже не стояли, приклеившись друг к дружке, но Роза по-прежнему за меня цеплялась.

Я был раздражен.

— Черт возьми! — воскликнул я. — У тебя нет даже видимости алиби на те самые часы, которые их интересуют: с десяти до полуночи в пятницу. Все это время ты провалялась в постели одна-одинешенька, хотя вполне могла заручиться надежным свидетелем. Целомудрие никогда себя не оправдывало. Муж упоминал о своей поездке в штаб-квартиру полиции?

— Да, он все мне рассказал.

— И признал, что я поколотил его?

— Да. Жаль, что я не осталась посмотреть.

— У тебя и без того есть о чем жалеть. Ты угодила в серьезные неприятности, девочка, но я попытаюсь помочь. Что предпочитаешь на завтрак? Сок, овсянка, яйца, ветчина…

— Обожаю все, кроме рыбы. Но нельзя ли мне сначала принять ванну? Моя сумка осталась в прихожей.

Я прикинул, что к моменту окончания трапезы уже пробьет одиннадцать и Вулф завершит свое общение с орхидеями и спустится в кабинет. Поэтому, отведя Розу в гостевую Южную комнату, я сначала убедился, что полотенца и все прочее на месте, а уже потом даровал ей поцелуй, на который решился только ради того, чтобы скорее с этим покончить. Дрожь пришла, как ей и положено. Я вернулся в кабинет, позвонил Вулфу по внутренней линии и рассказал о прибытии гостьи, а затем направился в кухню и обсудил с Фрицем ее завтрак.

Вопреки всем достижениям на ниве установления контакта с Розой и несмотря на ее ямочки и то чистосердечие, с которым она шла мне навстречу, я был далек от мысли, что вся она — сплошь

искренность и непорочность.

Нас пока не отстранили от расследования убийства Мура, а смерть Нейлора, конечно, имела к нему прямое отношение. Таким образом, я не видел причин, отчего бы Вулфу для разнообразия не потрудиться и не провести два часа между орхидеями и ланчем за одним из своих всесторонних исследований с Розой в роли непроходимой чащи. Эту идею, немного перефразировав, я скормил ей за завтраком.

Началось все даже неплохо: пробило одиннадцать, Вулф угнездился за своим рабочим столом, Роза — в красном кожаном кресле. На ней была фривольная трикотажная штучка вишневого цвета.

— Кошмарное сочетание! — пропыхтел Вулф. — Ваш наряд и обивка этого кресла.

— О, простите!

И без всяких препирательств она пересела в желтое кресло, которое так нравится Солу.

Это помогло наладить взаимопонимание. Казалось, ничто не мешало им провести время за интересным, непринужденным разговором, но беседа длилась недолго. Вулф не продвинулся дальше сбора второстепенных деталей: к примеру, в чем состоят обязанности помощницы

главного делопроизводителя, когда прихожую огласила трель дверного звонка.

В прежние времена, желая соблюсти конфиденциальность, если в кабинете находился беглец от правосудия, я был вынужден отодвигать занавеску на входной двери пальцем и смотреть в образовавшуюся щель, но совсем недавно для этой цели мы вмонтировали особое стекло с односторонней видимостью. Правда, заглядывая в него, я всякий раз должен был убеждать себя, что стоящие за ним люди меня не видят. Теперь, бросив взгляд, я вернулся в кабинет и сообщил Вулфу:

— Пришел мистер Кросс. Хотите с ним встретиться?

— Нет. Скажи, что я занят.

— Возможно, он принес орхидею. — Я был недоволен и подпустил в свой голос многозначительности.

— Проклятье! — Вулф поджал губы. — Очень хорошо. Если не возражаете, мисс Бендини… Поднимитесь, пожалуйста, в свою… в ту комнату, ладно? Это не отнимет много времени.

Она тут же выпорхнула. Выйдя в прихожую, я дождался, пока она не одолеет два лестничных марша, и услышал, как хлопнула дверь Южной

комнаты. Звонок тем временем снова ожил.

Я потянул на себя парадную дверь, одновременно протестуя:

— Бог мой, что за спешка! Дайте человеку хотя бы ноги расплести.

Инспектор Кремер, на пятки которому наступал сержант Пэрли Стеббинс, не удостоил меня даже кивком. И это несмотря на всю помощь, которую я оказал ему в ночь на субботу! Оставив меня в тылу, оба дружно промаршировали через прихожую в кабинет.

— Доброе утро, — неприветливо произнес Вулф.

— Милостивый боже! — взвыл Кремер. — Значит, вы опять взялись за старое!

— Правда? За что конкретно?

— Это может занять и минуту, и часы! — продолжал надрываться Кремер. — Решайте сами, что́ предпочитаете! Зачем Керр Нейлор приходил сюда вечером в пятницу, во сколько он ушел и куда направился?

— Это даже и минуты не займет, инспектор. Мистер Нейлор не приходил сюда вечером в пятницу. Мне не нравятся ваши манеры. Они вообще редко меня устраивают. Хорошего вам дня, сэр.

— Вы хотите сказать… — Кремер будто языком

подавился. — То есть в пятницу вечером, без двадцати девять, Нейлора здесь не было? В тот самый вечер, когда он был убит?

— Нет, сэр. Я дважды ответил на один и тот же вопрос, и этого достаточно. Вам следовало бы…

— Господи, да вы сошли с ума! — взметнулся Кремер. — Он просто сбрендил, Стеббинс!

— Да, сэр.

— Веди сюда того парня.

Пэрли вышел, чеканя шаг. Кремер шагнул к красному кожаному креслу и уселся. Я поглядывал на Вулфа, чтобы не пропустить сигнал выдворить вон Пэрли и «того парня», кем бы он ни оказался, но знака не последовало.

Очевидно, Вулф решил, что сумеет доконать Кремера, если напустит на себя скучающий вид, что и проделал. В наступившем молчании единственным звуком было тяжелое дыхание Кремера, прогонявшего через легкие столько воздуха, что с избытком хватило бы для нас троих.

Но вот в прихожей послышались шаги. Вошел хмурый мужчина в расцвете сил, с зачатком лысины и широченными плечами, за ним следовал Пэрли. Пододвинув вошедшему стул, сержант остался стоять.

— Перед вами, — громко отчеканил Кремер, —

Карл Дарст. В пятницу вечером он управлял желтым такси с номером WX один-девять-семь-четыре-четыре-ноль. Дарст, кого вы подобрали на Пятьдесят третьей улице, между Первой и Второй авеню?

— Мужика с карточки, которую вы мне показывали. — В хрипловатом голосе Дарста напрочь отсутствовала любезность. — Он окрикнул меня с тротуара, и я сильно жалею, что остановился. Мое единственное воскресенье…

— И это тот самый человек, чей труп вы видели в морге?

— Ну да, наверное. Сложно сказать… Конечно, это он.

— Его звали Керр Нейлор. Того человека, чью фотографию я вам показывал. Куда вы его отвезли?

— Он хотел попасть на Западную Тридцать пятую улицу, к дому девятьсот четырнадцать. Туда я его и отвез.

— К дому, в котором мы сейчас находимся?

— Да.

— Что произошло, когда вы сюда приехали?

— Он расплатился, но сказал, что не уверен, застанет ли кого-нибудь дома, и попросил меня подождать, пока ему не откроют. Ну, я и ждал,

пока он не поднялся на крыльцо и не позвонил. Потом дверь открылась, он заговорил с кем-то, а я поехал себе дальше. Не стал дожидаться, когда он зайдет внутрь, потому что об этом меня не просили.

— Но дверь открылась и он с кем-то заговорил?

— Да, это уж точно.

— Очень хорошо. Выйдите сейчас к машине и подождите там. Возможно, мы снова вас позовем. Вулф, не желаете задать ему какие-то вопросы?

Вулф, сохранявший на лице скучающую мину, безразлично помотал головой. Дарст встал и вышел, но сержант Стеббинс не тронулся с места. Кремер дождался, пока до нас не долетел стук парадной двери, закрывшейся за Дарстом, а затем заговорил с холодной уверенностью картежника, у которого на руках все тузы:

— Повторяю: вы сошли с ума. Это настоящее безумие. Я хотел бы послушать, как вам удастся отмахнуться от показаний Дарста. Попробуйте возразить. Дескать, то обстоятельство, что Нейлор прибыл сюда, позвонил в дверь и заговорил с кем-то, еще не доказывает, что его впускали внутрь. Тогда я вежливо попрошу объяснить, откуда вам известно, что в половине девятого он поймал такси на Пятьдесят третьей улице.

Минутку! Я еще не закончил. Мои рассуждения вполне логичны, не правда ли? Но если так, скажите мне, на кой черт вы позвонили в полицию, рассказали, что Нейлор взял такси и даже продиктовали номер машины?! Знали ведь, что найти шофера для нас пустяк? Еще раз скажу: вы сумасшедший. Обычно, когда вы начинаете заговаривать мне зубы, я хотя бы догадываюсь, к чему вы клоните, но теперь вам придется дать четкий ответ. А я с удовольствием послушаю.

— Пф! — выдохнул Вулф.

— Отличное начало. Слушаем дальше.

— Арчи, — небрежно бросил Вулф, — вечером в пятницу ты ходил в кино?

— Да, сэр.

— В котором часу ты вышел из дому?

— Как раз в районе половины девятого.

— Значит, ты не мог открыть дверь мистеру Нейлору.

Вулф нажал кнопку на своем столе, и вскоре дверь в прихожую открылась и вошел Фриц. Вулф повернулся к вошедшему:

— Фриц, ты не припомнишь тот вечер в пятницу, когда Арчи ушел после обеда? В кино.

— Помню, сэр.

— А затем, где-то без четверти одиннадцать,

сюда явился мистер Кремер?

— Да, сэр.

— Стало быть, последовательность событий того вечера мы установили. После того как Арчи ушел, в дверь звонили?

— Да, сэр.

— Ты открывал дверь?

— Да, сэр.

— Кто приходил?

— Мужчина, который не назвал себя.

— Чего он хотел?

— Он спрашивал мистера Гудвина.

— Продолжай.

— Я сказал ему, что мистер Гудвин вышел. Мужчина спросил, дома ли мистер Вулф, и я ответил утвердительно. Немного подумав, он поинтересовался, когда может вернуться мистер Гудвин. Я предположил, что после одиннадцати. На предложение сообщить свое имя он не согласился. Развернулся и уже начал спускаться по ступенькам крыльца, когда я закрывал дверь.

Кремер издал некий звук, который Вулф проигнорировал.

— Когда состоялся этот разговор?

— Я вернулся на кухню в восемь сорок пять. По обыкновению, я сразу черкнул памятку об этом

посетителе… Господи ты боже!

— В чем дело?

— Я совсем забыл рассказать о нем Арчи! Когда он вернулся, здесь уже находился инспектор Кремер, а потом Арчи отсутствовал всю ночь и в субботу проснулся поздно… Непростительная оплошность, сэр…

— Ничего страшного. Это не имело особого значения. Но о визите незнакомца ты мне не говорил?

— Нет, сэр. Вы читали сразу три книги, и поскольку он не назвал своего имени…

— Опиши этого человека.

— Невысокий, пониже меня. В пальто и шляпе. Лицо маленькое, и весь вид какой-то зажатый, озабоченный, словно он никогда не наедается досыта.

— Прекрасно, Фриц, это все, благодарю. — Фриц вышел и прикрыл за собой дверь, а Вулф повернулся к Кремеру. — Итак, сэр?

Кремер помотал головой.

— Нет, — с нажимом произнес он. — Даже если вы заранее натаскали Фрица, что́ отвечать, я все равно убежден в вашем сумасшествии. Как еще вы могли узнать, где Нейлор сел в такси, и зачем вы позвонили в…

Вулф не дал ему закончить:

— Даже не вздумайте снова кричать на меня. Полагаю, вы никогда не научитесь определять, лгу я или говорю правду. В субботу днем в этот кабинет пришел человек, который сказал мне, будто видел, как мистер Нейлор садится в такси. Я опросил его и, убедившись в достоверности изложенных фактов, немедленно позвонил вам и передал эти факты мистеру Стеббинсу. И что, позвольте спросить, такого недозволенного я натворил?

— Кто приходил сюда?

— Нет, сэр. Вам это знать не обязательно.

— Простите, инспектор, — встрял Пэрли Стеббинс.

— Что такое? — вытаращился на него Кремер.

— Просто если мы берем на веру все остальное, это не должно нас волновать. Не сам Гудвин, так кто-то из ребят, выполняющих поручения Вулфа: Гор, Кэтер, Даркин, Пензер или Кимс. Вполне логично допустить, что кто-то из них следил за Нейлором. Значит, можно поднажать — и он либо назовет имя, либо заартачится. Тогда нам останется только собрать их всех и…

Зазвонил телефон. Я крутанул кресло и взял трубку. Голос Сола Пензера попросил к телефону

Вулфа.

— Ну конечно, — пропел я тоном, уместным в разговоре с щедрыми клиентами, — он сейчас подойдет, мистер Платт. Кстати говоря, раз уж я взял трубку первым… Та большая адвокатская контора с офисом в самом центре, которая всех уверяет, будто добивается правосудия… Видите ли, я не хочу называть имен, но они намерены вручить вам повестку в самом скором будущем. Я бы рекомендовал избегать таких встреч денек-другой. Существует немало мест, где вы могли бы пожить, не возвращаясь домой. Вы со мной согласны?

— Нет ничего проще, — ответил Сол, — если я верно понял. Там что, Кремер?

— Совершенно верно. Кажется, они намерены проявить настойчивость. Передаю слово мистеру Вулфу.

Вулф поднял свою трубку и поздоровался с мистером Платтом. Поскольку он сделал мне знак не слушать, подразумевая, что его дела с Солом по-прежнему меня не касаются, из их разговора я узнал ровно столько же, сколько и Кремер с Пэрли, то есть ничего. Вулф по большей части пыхтел и хмыкал. Пэрли чихнул. Все втроем мы чинно сидели, глядя на Вулфа и терпеливо дожи-

даясь конца разговора, пока не случилось нечто отвлекшее нас.

Дверь в прихожую отворилась, и на пороге нарисовалась Роза Бендини.

Неловкое положение. Вулф все еще хмыкал в трубку, а два служителя закона и я разглядывали девушку на пороге. На Розе оставалась та безымянная штучка цвета вишни, которая явно не кроилась как верхнее платье. Я подумывал сказать что-то вроде: «Мэйбл, дорогая, мы обсуждаем дела с этими джентльменами, поднимись к себе и дождись меня там» или нечто в духе: «Мы несколько заняты, мисс Кармайкл, но очень скоро примем вас». Однако первое казалось непорядочным, а второе нелогичным, а выдумать что-то более подходящее я не успел.

Закончив разговор, Вулф брякнул трубку на телефон и возмущенно уставился на Розу:

— Что за новости? Явиться сюда в таком виде? Марш наверх и сиди там, пока я не освобожусь!

Этот вариант, подумалось мне, ничуть не лучше тех, что я отверг. Но разрядить ситуацию не помог бы ни один самый ловкий ход. Роза не просто ошиблась дверью. Она двинулась вперед, миновав Кремера с Пэрли, прямиком ко мне. Испугавшись, что ей взбредет на ум устроиться у

меня на коленях, я встретил ее стоя.

— Ты пообещал, что будешь рядом, когда они придут, — сказала Роза. Не совсем правда, но формулировка довольно точная, в особенности для женщины, до смерти боящейся копов. — У крыльца стоит полицейская машина. Я спустилась в прихожую, немного послушала и убедилась, что это они и есть. Поэтому я решила, так будет лучше всего, пока ты здесь и мистер Вулф тоже. — Она обернулась и объявила Кремеру и Пэрли, не спуская глаз с их озадаченных физиономий: — Меня зовут Роза Бендини. Или миссис Харолд Энтони. Выбирайте, что вам больше понравится. Я живу на Бэнк-стрит, четыреста восемнадцать, второй этаж. Когда коп явился за мной в ночь на субботу, он долго стучал в дверь, а я все это время пряталась под одеялом. Теперь спрашивайте, что хотели узнать!

Мне понравилось, что она не повисла на моем локте и не попыталась юркнуть в мои объятия. Ей просто хотелось излить им душу в моем присутствии.

— А вот это, — объявил Кремер со злорадством, какого я не ожидал от инспектора полиции, — просто скандал. Как долго вы собирались ее прятать, Вулф? Не хватило времени, чтобы подго-

товить свидетеля?

— Мистер Кремер, вы слабоумный, — поставил диагноз Вулф.

Тут я вмешался, решив, что настала пора всех окончательно запутать.

— Ну надо же, все испортил! — сокрушенно признал я. — Как последний дурак попросил ее ворваться, когда чихну. А чихнул Пэрли. — Я испепелил сержанта взглядом. — Откуда мне было знать, что ты простужен?

— Ладно. — Кремер поднялся на ноги, все так же злорадствуя. — Полагаю, багаж у вас с собой, мисс Бендини? Какая-нибудь одежда?

— Да, но я…

— Даю вам три минуты на сборы, если только вы не предпочитаете разгуливать в этом одеянии. Пойдите переоденьтесь.

— Нет! — отрубил Вулф. Его указательный палец уже тыкал в столешницу, что означало готовность схватить двух тигров и столкнуть их лбами. — Останьтесь, мисс Бендини. — Пристальный взгляд Вулфа уперся в лицо Кремера. — У вас есть при себе ордер? Или вы намерены обвинить ее в чем-то?

— Чепуха! Дело об убийстве. Важный свидетель.

— Свидетель чего?

— Я скажу ей, но не вам.

— Вздор! Мисс Бендини, я советую не покидать этой комнаты, если только к вам не применят силу. Пусть тащат волоком.

Я опять вмешался, по нескольким причинам. Во-первых, ослепленный гневом Вулф ломал все мои планы. Во-вторых, Роза обратилась в соляной столп, вряд ли способный тронуться с места, тем более в сопровождении полиции. Признаться, меня не забавляла перспектива увидеть, как Пэрли вытаскивает ее из дому в подобном костюме. В-третьих, пусть я и не давал Розе твердых обещаний, поддержать ее определенно стоило.

— Послушайте, — укорил я Кремера, — к чему эти воинственные танцы? Если вы вынесете ее отсюда, а потом окажется, что ее свидетельства не более важны, чем мои собственные, мистер Вулф распалится до того, что у вас возникнут ожоги. Если не хотите расспросить ее тут, я сделаю встречное предложение. Мисс Бендини переоденется, и мы с Пэрли доставим ее в центр на машине мистера Вулфа, после чего вы допросите ее в моем присутствии. Обещаю не открывать рта попусту, но не оставлю ее ни на минуту. Когда придет время, она уедет со мной, если только вы

не решите, что готовы предъявить обвинение. Какого черта! В пятницу я шатался с вами всю ночь напролет, помните?

— Быть может, — язвительно заметил Вулф, — Арчи, ты сначала спросишь моего разрешения?

— Сегодня воскресенье, — внушал я Кремеру. — Предложение действительно, если вы произнесете ответ достаточно громко, чтобы слышали все. Я предпочел бы, чтобы вы выволокли ее отсюда и предоставили мистеру Вулфу принять законные меры, но мисс Бендини мне как сестра. Итак, вы согласны?

— Да, — буркнул Кремер.

Отправляясь за машиной, я размышлял о том, что одна из ведущих ролей в нынешней драме опять вернулась к нам. Кто последний видел Нейлора живым? Какое-то время эту роль играл я. Потом Сол Пензер, который передал ее таксисту. Теперь она опять отошла к нам. «Счастливый» билетик вытащил Фриц. Кто следующий?

Глава 25

Пропущенный воскресный обед я наверстал за ужином.

Обстоятельства позволяли Кремеру считать, будто он выловил крупную рыбку да еще и выставил Вулфа на посмешище. Ничего удивительного. Однако, проведя полчаса в своем кабинете со мной и Розой, инспектор начал подозревать, что его крючок просто зацепился за корягу, а потому оставил нас на попечение лейтенанта Роуклиффа, а сам слинял на Сентр-стрит.

Роуклифф не очень-то обрадовался такому заданию, поскольку имел обо мне то же нелестное мнение, что и я о нем. Еще около часа он забрасывал Розу вопросами в манере курса заочного обучения, одновременно пытаясь не позволить мне произнести ни звука, не говоря уже о членораздельных словах, и прервался только с возвращением копа, ездившего в Вашингтон-Хайтс опросить родню ее мужа.

Мало того что свекор со свекровью подтвердили рассказ Розы, ее благоверный сам примчался в участок, чтобы устроить бучу. Он никому не

позволит дурно обращаться со своей женой и намерен лично удостовериться в ее благополучии. Зная, что именно толкнуло его супругу сбежать на рассвете из квартиры в Вашингтон-Хайтсе, я разглядывал мистера Энтони с глубоким почтением.

На бланках «Нейлор-Керр» мне попадался на глаза девиз фирмы: «Всё на свете по всему свету». Я решил, что лозунгом мужчин из отдела фондов мог бы стать призыв: «Защити свою женщину». Или, если развернуть эту формулу: «Защити свою женщину, чьей бы она ни была».

Это заставило Роуклиффа свести беседу с Розой ко времени, проведенному ею в кровати в ночь на пятницу, точнее, к периоду с десяти до полуночи. В таких узких рамках ему негде было развернуться. Он отправил человека на Бэнк-стрит пообщаться с консьержкой и другими жильцами, но все они только руками развели: в пятницу никто не видел, как мисс Бендини вернулась домой.

В итоге около семи часов вечера Роуклифф объявил перерыв sine die[8]. И я доставил Розу вместе с багажом по месту проживания, сначала

---

[8] Примечания: 8
На неопределенный срок *(лат.).*

созвонившись с Вулфом и услышав, что у него нет причин предполагать, будто Роза приберегла для него какие-то тайны. Мужа, который сопровождал нас в поездке, я высадил затем у ближайшей станции подземки. К тому моменту он уже уверился, что наши с Розой отношения носят исключительно деловой характер, и даже предлагал угостить меня выпивкой.

Вечер воскресенья я провел в кабинете за пишущей машинкой. Вулф тоже там был, но из всех пяти моих чувств его присутствие зарегистрировало только зрение. Когда раздался очередной звонок Сола Пензера, желавшего сделать Вулфу новый секретный доклад, я договорился встретиться с Солом в центре, чтобы избавить его от необходимости являться на дом к Вулфу.

Разыскивая Сола, стражи порядка несколько раз звонили ему домой, и он собирался заночевать у приятеля. Вполне вероятно, полиция до того рьяно искала встречи с Солом, что могла установить за нашим домом слежку, а я все еще собирался оказать Хестер Ливси услугу и дать ей шанс объясниться в более дружественной атмосфере.

Я с самого начала ожидал, что опознание ее Солом выльется в простую формальность. Так и

случилось. Мы встретились с ним в понедельник утром и вместе явились в вестибюль здания на Уильям-стрит, где выбрали стратегически верный пункт для наблюдения за потоками людей, спешащих от дверей к лифтам.

Ноги стучали, маршировали, пританцовывали, шаркали и щелкали каблучками, унося владельцев к платежному чеку за очередную трудовую неделю. В толпе я даже заметил несколько знакомых лиц.

Без двух минут девять я уже начал опасаться, что мы пропустили мисс Ливси и придется подняться наверх, где устроить опознание не так уж просто, но тут Сол пихнул меня локтем, бормоча:

— Справа, в тридцати футах. Как раз оборачивается. Те же пальто и шляпка. За высоким мужчиной в очках, заходит в лифт…

— Ясно, — сказал я, когда она исчезла за дверцами лифта, уже начавшими смыкаться. — Как думаешь, сколько пальто у нее в шкафу? Она честная, работящая девушка.

— Не моего ума дело, — проворчал Сол.

— Ее честность, но не имя. Оно тебе известно. Если случайно наберешь номер Вулфа, а он спросит, можешь сказать: «Да». И добавь, что я приведу ее побеседовать с ним, но пока не знаю,

в котором часу. Мне еще предстоит выяснить, работаю я здесь или уже нет. Заседание совета директоров… Ты не слушаешь!

— Я наблюдаю. Ты, случайно, не знаешь того парня? — скосил глаза Сол. — В сером плаще и шляпе. Высокий рост, широкие плечи, мясистое лицо. Теперь уже спиной к нам… Вот он заходит в лифт…

— Да, я его знаю. А что?

— Я его видел.

— Кто бы сомневался! — Продвинутая система учета, спрятанная в недрах черепа наблюдательного Сола, не уступала любой из существующих картотек. — Скорее всего, ты видел его семнадцатого августа тысяча девятьсот тридцать восьмого года, когда он перешел Мэдисон-авеню на красный сигнал светофора…

— Нет. Я видел его в пятницу, причем дважды. Когда Нейлор встретился с той женщиной на перекрестке Первой авеню и Пятьдесят седьмой улицы, этот тип стоял в проеме двери на дальней стороне улицы и наблюдал за ними. Спустя час, когда они разошлись в разные стороны на углу Второй авеню и Пятьдесят седьмой улицы, он маячил в сорока футах, опять-таки в дверном проеме, и когда женщина направилась к центру

по Второй авеню, увязался за ней. Большего я не увидел: нужно было догонять Нейлора.

— Это точно он?

— Лично я уверен.

— Тогда я тоже. На случай если плющитель голов на сей раз возьмется за меня, этого парня зовут Самнер Хофф. Он работает на «Нейлор-Керр» и сидит в отделе фондов, в собственном кабинете. Запомни это.

— Уже. Здесь мы закончили?

Я дал утвердительный ответ, и Сол ушел.

Поднимаясь в лифте на тридцать четвертый этаж, я не знал, чего ожидать. В холле меня вполне могла встречать делегация официальных лиц компании с советом уносить ноги и никогда не возвращаться. Но там вообще никого не оказалось. Правда, обогнув заставленный столами «стадион» и двигаясь по проходу, я поймал на себе множество самых разных взглядов, но не заметил ничего такого, чего не наблюдал бы на прошлой неделе.

Оставив плащ и шляпу в своей каморке, я сразу вышел, пересек «стадион» поперек, открыл дверь кабинета Хестер Ливси, вошел и прикрыл дверь за собой.

— Чего вы хотите? — требовательно спросила

она.

Мисс Ливси выпрямилась над столом, который протирала. Она показалась мне взволнованной, несчастной и раздраженной. Будь здесь Фриц, он сказал бы, что ее внешность не выдает человека с отменным аппетитом. Я так и не утратил впечатления, будто она попала в беду и только мне одному под силу ее понять и спасти, но теперь и последний дурак догадался бы, что мисс Ливси в опасности. Эту очевидную истину следовало донести до нее.

— Мое имя Арчи Гудвин, — сообщил я, — и я работаю на Ниро Вулфа.

— Знаю. Чего вы хотите?

По-видимому, не стоило и пытаться скрывать что бы то ни было в отделе фондов. С тем же успехом вы могли прятать шило в мешок.

— Боюсь, — сказал я, — что не смогу дать на этот прямой вопрос столь же прямой и ясный ответ. Я расскажу вам, чего хочу, но не стану объяснять, зачем мне это потребовалось. Хочу назначить свидание… Встретиться с вами в пять часов, сразу после работы, и вместе отправиться к Ниро Вулфу. Он желает поговорить…

— О чем?

— Где ваши манеры? — упрекнул я. — Не могу

сказать, о чем конкретно пойдет разговор. Он будет связан с убийством Керра Нейлора. Об этом вы и сами могли догадаться, сколько бы ни закрывали глаза. Давайте испробуем другой подход. Сначала я просто спрошу: вы согласны?

— Нет, разумеется. С какой стати?

— Теперь мне придется объяснить, почему вы должны согласиться. Я бы с радостью обошелся и без этого, но в мире нет совершенства. Мистеру Вулфу стал известен некий факт, имеющий касательство к вам и Керру Нейлору. Он намеревается расспросить вас о нем. Природа этого факта такова…

— Что еще за факт?

Я только головой помотал:

— Его природа такова, что в случае отказа прийти и поговорить Ниро Вулф будет вынужден уведомить полицию, и тогда расспросов вам все равно не избежать. Не пойдете — приведут силой. Причем атмосфера беседы будет совершенно иной.

— Боже мой, — без всякого выражения произнесла она, словно испытала удар, лишивший ее возможности что-то чувствовать.

Это мне не понравилось.

— Ваше счастье, что я не работаю в полиции, —

заявил я. — Если дойдет до ареста, потрудитесь придумать реплику поооригинальнее. И сделайте что-нибудь с лицом, у вас челюсть отвисает.

Тут она подскочила ко мне, с такой силой уперла ладони мне в грудь, что едва не опрокинула, подняла лицо и отчасти скомандовала, отчасти взмолилась:

— Что… за… факт?!

Такая тактика чуть не сработала, но я успел прикусить язык и решительно замотал головой:

— Дудки! Мистер Вулф все объяснит.

— Не скажете?

— Нет.

— Значит, ничего нет. Я не верю. Нет у вас никаких фактов.

— А вот и есть! — Меня даже возмутил такой явный промах. — Вас же насквозь видно. Сами проговорились, что факт не один. Их два или больше. И вам позарез надо узнать, какой именно стал известен Вулфу.

Мисс Ливси определенно прокололась, но признать свою оплошность не спешила. Более того, была готова схватить быка за рога. Она отошла к вешалке в углу, сняла пальто и сунула руку в его рукав.

— Отправляюсь немедленно, — объявила она.

— Не получится. — Я подошел забрать у нее пальто. — Единственное свидание, которое никак не может пропустить мистер Вулф, — это утренняя встреча с орхидеями, с девяти до одиннадцати. — Я опустил взгляд на запястье. — Можем отправиться через час с четвертью. Без пятнадцати одиннадцать встретимся в вестибюле внизу.

Но мисс Ливси так легко не сдавалась.

— Я не стану просто сидеть здесь, — возразила она, — а работать тоже не смогу. Лучше уйти прямо сейчас и дождаться мистера Вулфа. Погодите минутку, я только предупрежу мистера Розенбаума.

Оставшееся в моих руках пальто я повесил на крючок и объяснил, что у меня в любом случае есть одно важное дельце, которое требует внимания прежде, чем я мог бы покинуть офис. Мисс Ливси пришлось уступить, но только потому, что у нее не было другого выхода. Мне же осталось лишь сбежать: я не был уверен, что выдержу, если она выйдет вдруг из ступора и возьмется за меня по-настоящему. Она согласилась встретиться в вестибюле в десять сорок пять, и я вернулся в свой кабинет, поднял телефонную трубку, позвонил Вулфу и попросил ждать нас к одиннадцати.

Кроме того, я рассказал ему, что Сол узнал Самнера Хоффа. Затем я обратился к телефонистке на коммутаторе «Нейлор-Керр» и назвал ей добавочный номер кабинета Пайна.

Чтобы добиться разговора с Пайном, мне пришлось повоевать. Президент участвовал в крайне важном совещании и запретил отвлекать его по пустякам, но в итоге мне удалось убедить секретаршу, что этим утром никакое совещание не может быть важнее нашей с Пайном встречи. Меня попросили повисеть на линии.

Висел я долго. Пять минут спустя я задался вопросом, с кем сейчас целуется секретарша, а по истечении еще трех начал подозревать, что обо мне напрочь забыли. И уже занес палец над аппаратом, когда в трубке снова раздался женский голос:

— Мистер Гудвин?

— Еще здесь и исполнен надежды.

— Поднимитесь, пожалуйста, в зал совещаний на тридцать шестом этаже. Вас пропустят.

Тон, каким это было сказано, подразумевал, что мне выпала немыслимая удача, и я от души ее поблагодарил.

На тридцать шестом этаже мне объяснили, где находится зал для совещаний. Когда я дошел

до него, стоявший у двери начальник службы безопасности сперва убедился, что я тот, кем назвался, и лишь потом распахнул дверь. Входя, я напустил на себя представительный вид.

Это оказалось очень кстати. Зал был огромен, с высоким потолком и ярким освещением. Простым смертным вроде меня, работающим пять дней в неделю, такие внушают благоговение. Пол едва ли не целиком был покрыт гигантским ковром. Стол из выбеленного ореха размером равнялся моей спальне, хотя и отличался от нее контуром. Вокруг него стояли вместительные кресла, обитые кофейного цвета кожей, — не менее двадцати, но лишь четыре или пять из них пустовали. По два кресла в концах стола, остальные — вдоль.

В кресле на дальнем конце сидел Джаспер Пайн. Напротив расположился мужчина, от которого осталось столь немногое, что кресло не казалось занятым и наполовину. Едва бросив взгляд на этого иссушенного возрастом человека, я сразу признал в нем старого Джорджа Нейлора, одного из основателей фирмы и отца миссис Пайн (для меня — Сесили) и Керра Нейлора, ныне покойного. Портрет старичка украшал стену в офисе президента компании.

Не вставая, Пайн произнес:

— Джентльмены, позвольте представить вам мистера Арчи Гудвина. Гудвин, вы присутствуете на совместном заседании совета директоров и избранных членов руководства. Эта встреча особая. Она была созвана для обсуждения вопросов, связанных с трагической кончиной мистера Керра Нейлора. Мы обсуждали их в течение долгого времени и во всех подробностях. В частности, прозвучало предложение поручить Ниро Вулфу, вашему работодателю, продолжить расследование и распространить его на обстоятельства гибели мистера Нейлора. Кое-кто из присутствующих высказал мнение, что перед принятием окончательного решения нам следует…

Он оборвал себя, потому что старина Джордж Нейлор проскрипел крепкое словцо. Подобные выражения в ходу среди лесорубов, шоферов-дальнобойщиков и усталых детективов, но я никак не ожидал услышать нечто подобное на совете директоров.

— Все уже решено! Конечно, Вулф может продолжать! — добавил к сказанному отец-основатель. Своим тенорком сын явно пошел не в родителя. В стариковском баритоне присутствовали и глубина, и сила, но преклонный возраст

также был различим.

Директора зашептались. Сдержанно и почтительно, хотя и не без заметного раздражения, Пайн заметил ему:

— Мне казалось, мистер Нейлор, мы сообща решили, что должны сначала выслушать Гудвина. Расскажите нам, Гудвин, чем вы занимались с тех пор, как впервые явились сюда в прошлую среду.

Несмотря на пять пустующих кресел, никто даже не заикнулся насчет того, чтобы я устраивался поудобнее. Поэтому, заметив поблизости одно незанятое место, я так и поступил.

— Вам нужны только основные блюда, — спросил я, — или подать с гарниром?

Пайн распорядился начинать. Они остановят меня, если рассказ выйдет чересчур подробным. Я повиновался. Пересказал достаточно, чтобы совет остался доволен, но даже близко не подступил к уровню своих изнурительных отчетов перед Вулфом, а несколько событий и вовсе опустил. Скажем, свою первую встречу с Гвинн Феррис, когда та прикинулась неграмотной.

По ходу отчета они перебивали меня когда вздумается, чтобы задать вопрос или подпустить шпильку, а едва я дошел до сцены у двери кабинета Самнера Хоффа, где Керр Нейлор сообщил

мне, что знает убийцу Уолдо Мура, навалились всем скопом. Очевидно, здесь уже сложились две противоборствующие точки зрения, а может, и больше.

Один весельчак бросил мне в лицо:

— Я знал Керра Нейлора двадцать лет, Гудвин, и он ни разу не произнес лживого слова. А вас я впервые вижу!

Этот прохвост с самого начала мотал мне нервы, и я уже начинал свирепеть. Явно старше меня, он так же явно уступал в возрасте основателям компании, одевался лучше всех присутствующих, обладал широким мясистым ртом и обожал прерывать людей на полуслове. Подходящий ответ уже вертелся на языке, но старик Джордж Нейлор меня опередил:

— Глупости! Керр с пеленок был неисправимым вруном!

Это ничуть не остудило пыл пижона.

— Ну разумеется, — сказал он, — Керр Нейлор мертв. Но вы-то живы!

Тон сказанного намекал, что это обстоятельство кажется ему прискорбным.

— Знаете, я веду учет, — произнес я, — всех, кто посмел обозвать меня лжецом. Вас как зовут?

Его широкий рот сложился в снисходительную

усмешку.

— Вы слишком стары, чтобы задать вам трепку, — признал я, поднимаясь на ноги. — Но мне известен прием, который научит говорить бессловесную тварь, и я был бы не прочь испробовать…

— Его фамилия Фергюсон, — вставил сухонький малый с усиками. У него была сухая внешность и сухой голос. Он весь хрустел, словно сухарики «Мельба»[9]. — Садитесь, Гудвин. Эммет Фергюсон — адвокат, владелец контрольного пакета акций одного из банков. Он десять лет боролся за то, чтобы сделать Керра Нейлора президентом этой компании. В последний раз его одолели девятью голосами против пяти и…

— А это нормально? — вознегодовал кто-то. — При постороннем…

— Сделай вы Керра президентом, — объявил старина Джордж Нейлор, — я лично явился бы сюда, чтобы пинками выставить его вон! Керр — мой сын, но он не смог бы руководить этим бизнесом!

— Хотя очень хотел попробовать, — пробормо-

---

[9] Примечания: 9

Сухарики «Мельба» — тонкие ломтики поджаренного хлеба, основа для фруктовых тостов. Названы в честь австралийской оперной певицы Нелли Мельбы (1861–1931), введшей их в свою диету во время болезни.

тал усатый «сухарик».

Я утонул в своем кресле и постарался поддержать иллюзию, что меня в нем нет, надеясь, что они не прекратят семейную склоку, которая казалась интересной. Они продолжали в том же духе, и достаточно долго, чтобы я успел понять: с акциями компании Керр Нейлор расстался специально, метя на ведущую роль, а именно на президентское кресло. Очевидно, последнее слово формально отводилось совету директоров, но две трети его членов выступили за Пайна, хотя и в этом случае Керр Нейлор собрал пять голосов в свою поддержку. Мне было любопытно, кого поддерживала Сесили и какие силы мог бросить в битву старик Джордж Нейлор. Пока мне удалось составить лишь самое общее представление: восседавший во главе стола Пайн вскоре прекратил споры и велел мне продолжить рассказ.

Когда с вопросом, кто из нас лжец, Керр Нейлор или я, было покончено или он утратил актуальность, мне разрешили говорить без особых заминок. Я достаточно подробно остановился на событиях недели и довел свою историю до конца, однако все равно опускал детали, без которых они вполне могли обойтись, — скажем, недавние подвижки с Хестер Ливси.

Когда я умолк, меня забросали вопросами, причем пижон явно превысил свою квоту. Я отвечал, пока не вмешался Пайн:

— Мы уже два часа ведем разговор, джентльмены. Настало время принять хоть какое-то решение. Первый вопрос: что делать с Ниро Вулфом? Скажите, Гудвин, если мы поручим Вулфу продолжить расследование, распространив его на смерть мистера Нейлора, чем он сможет помочь?

Половина собравшихся громко высказались вразнобой. Пайн постучал председательским молотком и призвал их к порядку:

— Дайте Гудвину ответить.

Я оглядел обращенные ко мне лица, на полсекунды задержав взгляд на Эммете Фергюсоне.

— Мистер Вулф мог бы поймать убийцу, — объявил я, — в том случае, если вы этого хотите. Он…

— Почему не полиция? — нагло встрял Фергюсон. — Это их работа.

— Я не стану, — пообещал я столу, — спорить с Болтуном Фергюсоном. Можно продолжать?

Сухонький малый захихикал, запрокинув голову. Кто-то сказал:

— Молчите, Фергюсон, а не то мы проторчим

тут весь день.

— Возможны варианты, — уточнил я. — Если вам кажется, что какие-то обстоятельства этого дела чересчур щекотливы, немедленно отзовите мистера Вулфа. Если вы не против поимки убийцы, но не сильно переживаете о том, понесет ли он наказание, предоставьте копам выполнять их работу. В конце концов, мистер Вулф может не добиться результата, а его услуги обходятся недешево. Если же вы считаете, что обязаны — перед собой или кем-то еще — принять все возможные меры, и подозреваете, что рутинное полицейское следствие может зайти в тупик, не поскупитесь и наймите мистера Вулфа. Что до…

— Вас не просили расхваливать свой товар! — ощерился Фергюсон. — Вас попросили…

Я заговорил громче:

— Что до способностей мистера Вулфа, то я не возьмусь о них судить. Когда мистер Вулф берется за очередное дело, никто не скажет наверняка, чем это закончится, пока он не поставит точку. Я мог бы доложить вам о его достижениях, но рассказ отнимет неделю. В любом случае многие из вас наверняка уже что-то слышали.

— Вношу предложение, — сказал сухонький малый, — уполномочить президента компании

поручить мистеру Вулфу…

Хлопнул молоток.

— Минуточку! — Пайн обратился напрямую ко мне: — Гудвин, вас не затруднит выйти в приемную и подождать там?

Я глянул на наручные часы:

— Вообще-то, я опаздываю на встречу.

— Как и все мы! — проворчал кто-то.

Пайн заверил, что это не займет много времени, и я вышел.

Судя по нетерпению клиентов, ерзавших в креслах приемной, они уже давно ожидали приема и число их росло. Одного из посетителей я узнал. Это был заместитель окружного прокурора, что дало мне повод задуматься: а которую банду из зала для совещаний поддерживает он?

Я в самом деле ожидал, что меня промаринуют за дверью полчаса как минимум, и уже раздумывал, не сбегать ли вниз предупредить Хестер Ливси, как начальник службы безопасности явился с вестью: меня просят войти. Очевидно, важные боссы согласились с Пайном, что пришло время завязать с болтовней и что-то решить. Если только они не собирались задать мне новые вопросы.

Но нет, голосование состоялось. Когда я подо-

шел к столу, Пайн заговорил со мной:

— Гудвин, мы желаем, чтобы мистер Вулф распространил свое расследование на смерть мистера Керра Нейлора. Вам понадобится официальное письмо?

— Нет, всех этих свидетелей вполне достаточно. Значит, мы имеем дело с банальным убийством и вы вполне можете вычеркнуть меня из списка работников, если за мной сохранится право свободного доступа в отдел фондов. Полагаю, мы можем надеяться на ваше сотрудничество?

— Конечно.

— Хорошо. Мистер Фергюсон, окажите любезность, сегодня в шесть часов вечера мистер Вулф будет ждать вас в своем кабинете.

Пижон выпучился на меня, отвесив челюсть. Он пытался что-то сказать, но не вышло. Сухонький малый опять запрокинул голову, чтобы вдоволь посмеяться.

— Это еще зачем? — спросил Пайн.

— Бросьте, — милостиво отсоветовал я. — Мистер Вулф все равно сумеет добиться своего. Как прошло голосование?

— Голосование?

— По вопросу найма мистера Вулфа.

— Это неподобающий вопрос, Гудвин. Как вам

известно. Мне говорили…

— Простите, мистер Пайн, но «неподобающий» не то слово. — Мой взгляд прошелся по сидящим за столом. — В расследовании убийства, джентльмены, ничто не может считаться «неподобающим». Это следует запомнить всем, кто хоть как-то замешан. Я уже говорил, что не могу предсказать поступки мистера Вулфа, но точно знаю, о чем он меня спросит. И одним из первых вопросов будет: кто голосовал против его вмешательства? Если бы мне позволили остаться здесь…

— Результат голосования, — известил сухонький малый, — одиннадцать против четырех. Против высказались Фергюсон, Уайатт, Фолк и Томас. Председатель, понятное дело, воздержался, но, судя по репликам, выступает за привлечение Вулфа. Моя фамилия Армстронг.

— Огромное спасибо. А мне пора бежать на ту встречу.

Глава 26

Вдоль дальней стены приемной была устроена пара телефонных кабинок, и, проходя мимо, я нырнул в одну из них и набрал номер. Обычно, когда меня нет на месте, трубку снимает Фриц, но сейчас я услышал самого Вулфа.

— Где, черт возьми, ты шляешься?! — возмутился он. — Уже восемь минут двенадцатого!

Меня это ничуть не обидело: я-то знал, что Вулф не капризничает. Перемещение по Нью-Йорку он воспринимал как одно из опаснейших человеческих предприятий и просто беспокоился обо мне.

— Только что, — важно объявил я, — завершилось заседание совета директоров. Вам поручено расследовать обстоятельства смерти Нейлора. Решение принято одиннадцатью голосами против четырех. Буду премного благодарен и восприму как личную услугу, если в итоге за решетку угодит негодяй по имени Эммет Фергюсон. Когда увидите его, сами со мной согласитесь. Через четверть часа мы с мисс Ливси будем у вас.

Даже опаздывая, я ничуть не сомневался, что

Хестер терпеливо ждет внизу. Ей позарез был нужен тот факт. И я не ошибся: встревоженная, смущенная и прекрасная, она стояла у почтовых ящиков возле той стены вестибюля, за которой шумела Уильям-стрит. Но когда я уже подходил, она повернула голову, чтобы сказать что-то стоявшему рядом мужчине, и я на мгновение сбился с шага, узнав его. То был Самнер Хофф, в плаще и шляпе.

Я остановился перед ними и заговорил с Хестер:

— Простите, что опоздал, но меня задержали наверху. Такси лучше ловить вон там…

— С мистером Хоффом вы знакомы, — сказала она. — Он поедет с нами.

Ничего другого я и не ждал, учитывая пальто и шляпу. Поэтому просто посмотрел на него свысока.

— Поехали. Если мистер Вулф не захочет вас видеть, я с этим разберусь. На прошлой неделе вы показали, как это делается.

— Разберусь и сам, — фыркнул он.

— Только не делайте мне больно, — кротко попросил я.

Когда мы нашли такси, что в эти часы было несложно, он помог Хестер сесть и последовал за

ней, разместившись по центру сиденья и оставив мне край. Сделал все, чтобы оказаться между нами. Так держать, братец, подумалось мне, и не забудь старый добрый девиз отдела: «Защити свою женщину».

Приятно было видеть, что Хофф, инженер-строитель, белая кость, не ставил себя выше окружающих и придерживался общего кодекса чести. Признаться, при виде назревающего двойного подбородка Хоффа я заподозрил, что Хестер испытывает нехватку рыцарей на белых конях. Возможно, впрочем, что у этого субъекта имелись какие-то положительные стороны, пока не бросившиеся мне в глаза.

Едва прибыв на место, Хофф начал «разбираться»: из такси, на крыльцо, через порог и по прихожей в кабинет. Надеюсь, он не принял близко к сердцу, когда я перехватил инициативу, чтобы представить гостей хозяину.

— Возможно, вы помните, — обратился я к Вулфу, — как в прошлый четверг некий Самнер Хофф выставил меня из своего кабинета, куда я вошел с дружелюбной улыбкой, и обозвал чертовым шпионом. Вот он собственной персоной. Может, вы подумали, что Самнер пришел извиниться? Так нет. По его словам, он увязался за нами сле-

дом, чтобы «разобраться».

— Вот как. — Вулф потянулся подлить себе пиво. — Садитесь, мисс Ливси. Садитесь, мистер Хофф. Не желаете ли пива?

Они согласились присесть, но от пива отказались. Вулф, свято верящий в пользу пивной пены для верхней губы, поднял бокал, а потому я снова заговорил, опускаясь в собственное кресло:

— Могу добавить, что, если вам захочется побеседовать с мисс Ливси с глазу на глаз, я не премину произвести инженерную операцию и выставлю Хоффа вон.

— Благодарю, не нужно. — Вулф поставил бокал, вытер рот платком и откинулся на спинку кресла. — Быть может, позднее. — Уперев взгляд в Хоффа, он обратился к нему: — Разбирайтесь.

— Непременно! — огрызнулся Хофф. — Если мне скажут, с чем нужно разобраться.

— Угу. Должно быть, в вашем распоряжении несметные ресурсы, раз уж вы готовы разобраться с любыми мыслимыми ситуациями. Фирма, в которой вы работаете, наняла меня разобраться в обстоятельствах смерти мистера Нейлора. Я говорю об этом, чтобы вы понимали, чем я занимаюсь. — Вулф перевел взгляд на Хестер. — Мисс Ливси, кажется, в Уэстпорте вы заявили

полисмену, будто были мало знакомы с мистером Нейлором и все ваше общение сводилось к минимуму ввиду невысокой должности, которую вы занимали в подчиненном ему отделе. Так ли это?

— Не отвечайте! — рявкнул Хофф.

— Я все-таки отвечу, — воспротивилась Хестер, которая сидела в красном кожаном кресле, повернутом к окну. — На этот вопрос я отвечу. Это не точные мои слова, но в целом все правильно, поэтому я отвечаю: да. Мистер Гудвин сказал мне, что вам стал известен некий факт, касающийся меня и мистера Нейлора, и пообещал, что вы расскажете о нем, если я приду. Что…

— Никакого такого факта быть не может! — снова рявкнул Хофф. — И мы желаем знать, о чем вообще речь!

Вулф воздел указующий перст.

— Та дверь, — объявил он, — ведет в комнату, которую мы называем гостиной. И стена, и дверь звуконепроницаемы. Полагаю, мистер Хофф, вам следует пройти туда.

— Ну уж нет! Я останусь здесь.

Защити свою женщину.

— Вздор! Даже будь вы в отличной форме, мистер Гудвин все равно сумеет выдворить вас в

любое место, которое я укажу. Арчи, если мистер Хофф снова вмешается в разговор, удали его отсюда. Мне все равно куда.

— Да, сэр.

— Можешь не особенно церемониться.

— Да, сэр.

— Посидите тихо, Самнер, — распорядилась Хестер. — Я хочу только одного: понять, зачем мистер Гудвин попросил меня сюда явиться, — обратилась она к Вулфу. — Меня интересует, о каком факте, касающемся меня и мистера Нейлора, он говорил. Что за факт?

— Мисс Ливси, когда вы в последний раз видели мистера Нейлора?

— Не отве… — начал было Хофф.

Я метнулся к нему прежде, чем прозвучал первый слог. Нет, он не прикусил язык, просто умолк, и я с сожалением констатировал, что не смогу потешить себя, заткнув ему рот кляпом. Он не противник. Случай толкнуть его или выставить взашей еще мог представиться, но настоящего удара кулаком он не заслуживал. И я снова уселся.

В любом случае Хестер не подчинилась.

— Не знаю даже, — произнесла она. — Наверное, я встречала его в пятницу где-то в офисе,

но не обратила внимания и вряд ли вспомню точнее.

— Нет, не в офисе, — покачал головой Вулф. — В восемнадцать часов тридцать восемь минут в пятницу вы встретились с ним на углу Первой авеню и Пятьдесят второй улицы, более часа вместе кружили по городу и расстались на углу Второй авеню и Пятьдесят седьмой улицы в девятнадцать сорок одну. О чем вы говорили с ним?

Хестер сидела, широко раскрыв глаза.

— Это неправда! — слишком громко, слишком решительно отчеканила она.

— Да? И где именно я ошибся?

— Во всем. Не было этого.

— То есть вы не видели мистера Нейлора в пятницу после окончания рабочего дня?

— Нет, не видела.

И на том спасибо. Очевидно, она ни с кем не собиралась делиться содержанием своих с Нейлором бесед и до последнего будет открещиваться от них. Я еще не успел доложить Вулфу о неуклюжих утренних метаниях Хестер и не видел никакой надобности делать это теперь, поскольку у него на руках были все козыри: оставалось только выложить их на стол.

— Нет смысла отпираться, мисс Ливси, — заме-

тил Вулф. — Бросьте это. У меня есть свидетель.

— Не может этого быть! — упорствовала она. — Никто, никакой свидетель не мог видеть меня с мистером Нейлором там, где вы сказали, потому что меня там и близко не было. Вечером в пятницу, ровно в пять, я ушла со службы, прибыла на вокзал Гранд-Сентрал и подошла к киоску на нижнем уровне, где купила мороженое. Я собиралась сесть на поезд до Уэстпорта, но в тот день мистер Хофф сообщил мне, что хочет кое-что обсудить, и мы условились о встрече. Мы встретились у киоска с мороженым в шесть часов. Какое-то время говорили там, а затем поднялись в зал ожидания, где пообщались еще немного. Он убедил меня посетить театр и уехать в Уэстпорт позднее. К тому времени мы уже не успевали посидеть в ресторане до спектакля, поэтому поели в большом кафе неподалеку от вокзала, на Сорок второй улице. Затем нам не повезло раздобыть билеты на спектакль, который мы выбрали, так что мы решили сходить в кино на «Лучшие годы нашей жизни». Затем я уехала в Уэстпорт поездом, отходившим в одиннадцать пятьдесят шесть. На следующий день, в субботу, мистер Хофф — он знал, где меня найти, — приехал в Уэстпорт и сказал, что мой долг — сотрудничать

с властями. Поэтому я вернулась в Нью-Йорк, побывала в офисе окружного прокурора, рассказала все то, что только что изложила вам, и ответила на все вопросы. И если вы уверяете, что можете представить свидетеля… Что ж, мне хотелось бы знать, кто это, и посмотреть в глаза этому человеку.

Внутри меня кипел гнев: еще посмотришь, моя милая лгунья, обязательно посмотришь! Но то внутри — на лице моем это никак не отразилось. Внешне я оставался бесстрастным.

В отличие от Вулфа. На его лице ясно читались озабоченность и раскаяние.

— По-видимому, — проговорил он, — это вы представили мне факты, а не я вам. У меня действительно имеется свидетель, мисс Ливси, но, судя по всему, этот человек ошибается. Разумеется, вы подтверждаете все сказанное, мистер Хофф?

— Само собой, — уверенно кивнул Хофф.

— Это решает дело. Должен принести вам свои извинения, мисс Ливси, а со мной это случается не часто. Что касается моего свидетеля… Не окажете ли любезность? Будьте добры, пришлите мне свою фотографию — хорошую и по возможности недавнюю.

— Но зачем?.. — замялась Хестер.

— Тут не о чем говорить, — ответил за нее Хофф. — Не представляю, зачем она вам, но Хестер ее обязательно пришлет.

— Хорошо. Буду вам признателен. Сегодня же, если не затруднит, курьерской почтой. У моего свидетеля может возникнуть мысль посетить полицейский участок. Нет никакого смысла еще больше запутывать и без того запутанное дело. — Вулф выбрался из кресла. — Удачного дня, мисс Ливси. И вам, мистер Хофф. Спасибо, что заглянули ко мне.

Я вышел с ними в прихожую. У двери Хестер подала мне руку со словами:

— Простите, если утром была невежлива с вами, мистер Гудвин. Кажется, я несколько расстроилась.

— Ничего страшного, — отозвался я, глядя ей прямо в глаза. — Вы нервничали. Всякий, кто оказывается замешан в дело об убийстве, неизбежно начинает нервничать. Иногда даже сам убийца.

Я вернулся в кабинет, опустился в кресло, сидел и смотрел, как Вулф открывает новую бутылку, наливает, дожидается, пока слой пены не остановится в дюйме от края бокала, и пьет. Отставив пустой бокал, он сперва провел языком по верх-

ней губе и лишь затем пустил в ход платок. Пока в кабинете сидели посетители, фокус с языком он пропускал.

— На первый взгляд все чисто, — пробормотал он, — но эти двое все равно безмозглые идиоты.

— Очаровательно, — согласился я. — Другого слова просто не подберу. Я в восторге от этой женщины! Вы заметили, что она даже назвала фильм, который они смотрели? Правда, умолчала о том, каким сиропом поливали мороженое. Упущение с ее стороны. Единственное, чего вы не знали, — сомневаюсь, впрочем, чтобы это имело значение, — я только упомянул, что вам известен некий факт, о котором вы желали бы ее расспросить. И ей так захотелось поскорее выяснить, о каком факте идет речь, что она чуть не выпрыгнула из штанишек. А ведь когда-то одна мысль о ее штанишках заставляла мое сердце биться быстрее. Так или иначе, наш факт далеко не единственный, это я вам гарантирую. Что станем делать? Скормим ее диким зверям?

— Нет, — угрюмо произнес Вулф. — Сомневаюсь, что мистер Кремер сможет расколоть эту парочку. И даже если бы смог. Она сидела вон там и несла откровенную ложь мне в лицо. Я не намерен это терпеть. Что там Сол? Он не мог

ошибиться?

— Нет. Ни единого шанса. Он указал на нее сразу, как только заметил. А вы сами знаете, какая у него зрительная память. Будь у мисс Ливси сестра-близнец, он все равно ткнул бы пальцем в нашу лгунью. Кроме того, как я уже докладывал, он узнал в толпе Самнера Хоффа. — Я весело фыркнул. — «Защити свою женщину».

— Что?

— Ничего. Такой девиз. Представление с заламыванием рук, которое мы только что наблюдали, заставляет меня отдать свой голос в пользу отдела фондов. Опять. Покидая совещание директоров, я голосовал за тридцать шестой этаж. Убийство в кругу высшего руководства. Но не теперь. Единственное, что меня тяготит, — это необходимость как-то увязать одно с другим. Мне противна сама мысль о том, что Эммет Фергюсон здесь ни при чем.

— Расскажи мне о совете директоров.

Так я и сделал, надеясь, что он меня слышит. Это было не очевидно, поскольку глаза Вулфа оставались открыты. Когда Вулф слушает мои отчеты, не прикрывая глаз, это обычно означает, что часть его гениального мозга занята чем-то другим и мне никак не узнать, насколько велика эта

часть. В данном случае, по-моему, отключилась добрая половина. Я мог судить об этом, поскольку совершенно точно знал, чем она занята.

Вулф мысленно сдирал полоски кожи с зада Хестер Ливси и посыпал солью ободранные участки. Она обвела его вокруг пальца. Он рассчитывал вырвать у нее как минимум намек на то, где тропинка уходит в заросли или выбегает из них, а получил беззастенчивую ложь вкупе с Самнером Хоффом, готовым ее подтвердить.

Когда мой доклад подошел к концу, Вулф не стал задавать вопросы или комментировать услышанное. Вместо этого он выразил желание поговорить с мистером Кремером и, услышав в трубке знакомый голос, посоветовал инспектору при проверке алиби и сверке передвижений фигурантов вечером в пятницу обратить особое внимание на местонахождение Самнера Хоффа в течение двух часов, с шести до восьми.

Кремер, естественно, захотел узнать, зачем это нужно, поскольку полицию интересовал другой интервал, с десяти до полуночи. Отказ Вулфа что-то объяснять был встречен предсказуемым ворчанием.

Вулф повесил трубку, глубоко вдохнул, откинулся на спинку кресла, но какие-то секунды

спустя выпрямился вновь, когда раздался звонок Сола Пензера.

Сол выступил с коротким докладом, которого я не слышал. Вулф слушал, не делая замечаний, только хмыкал. Наконец он велел Солу подойти в офис к шести часам и добавил:

— Эта треклятая женщина просто дурочка. Мистер Кремер уже говорил с тобой? Конечно же нет. Теперь можешь позволить ему себя поймать. Пусть найдет тебя. Расскажи ему про мистера Нейлора, но не упоминай о мисс Ливси или мистере Хоффе. О них ни слова. Вдвоем они придумали историю, опровергнуть которую способно лишь твое слово. Двое против одного, так что мистер Кремер будет допрашивать тебя часами или, возможно, сутками, потеряет немало времени и ничего не добьется. Лучше отправляйся к нему прямо сейчас, быстрее покончи с дачей показаний и не опаздывай к шести. — Повесив трубку, Вулф неласково уставился на меня. — По крайней мере, Арчи, нас наняли, и мы знаем точно, в чем состоит наша работа. После ланча отправляйся назад и используй по назначению глаза, уши и язык — как подскажет случай и в силу своих способностей. — Он перевел взгляд на настенные часы. — Раздобудь мне Даркина, Гора, Кэтера и

Кимса. Пусть все четверо явятся сюда к шести часам. Если они заняты и будут нуждаться в стимулах, стимулируй их. Я заставлю эту женщину пожалеть о своем вранье.

Глава 27

Миновала неделя. Семь дней, семь ночей. Они подвели нас к очередному понедельнику, последнему мартовскому дню, и ничем другим не порадовали.

Такого долгого штиля по ходу расследования убийства у нас еще не выдавалось. Если бы утром того, второго по счету, понедельника, когда я покончил с завтраком и надел плащ и шляпу, чтобы отправиться в центр и начать очередную рабочую неделю в офисе «Нейлор-Керр», рядом случился Вулф и велел представить краткий список наших достижений за последнюю неделю, это задержало бы меня не более чем на десять секунд.

Мне всего-навсего потребовалось бы забежать в кабинет за листком чистой бумаги и протянуть ему пустой листок или, пожелай он получить отчет в трех экземплярах, — три чистых листка. Это с лихвой покрыло бы все достижения. Не только мои, но и самого Вулфа, а также Сола Пензера, Билла Гора, Орри Кэтера, Фреда Даркина, Джонни Кимса и инспектора Кремера со всей его армией

в придачу.

Копы расстарались, проделав все, чего от них можно было ждать, и не только. Их спецы, вооруженные микроскопами и химикатами, наглядно продемонстрировали, что труп Нейлора перевозили в багажнике той самой машины, которая в итоге его переехала. Таким образом, было доказано, что его прикончили или оглушили где-то в другом месте, а затем доставили на Тридцать девятую улицу для участия в последнем акте трагедии.

Согласно версии следствия, убийца посчитал опасным для себя оставить труп на месте преступления, а потому решил его перевезти. Так почему бы не на Тридцать девятую улицу, которая, как и в прошлый раз, оказалась безлюдна? Чтобы выкинуть тело Нейлора из машины, он мог выбрать момент, когда никого не было поблизости. А если кто-то и появился бы прежде, чем убийца переехал тело, ему стоило лишь плюнуть на этот последний штрих и нажать педаль газа.

Естественно, тот факт, что убийца приложил немалые усилия к сокрытию места преступления и способа убийства Нейлора, разжег в копах здоровое любопытство. Делом занялись сразу несколько бригад. Надеясь установить, где побы-

вала машина, спецы изучили под микроскопом каждую пылинку, каждую частичку грязи с покрышек, а потом даже выскребли днище. Пэрли сообщил мне, что кто-то из них вбил себе в голову, будто автомобиль побывал в Пассеике, штат Нью-Джерси, но не нашел единомышленников. И больше ровным счетом ничего.

Полицейским удалось пообщаться с двумя сотнями работников отдела фондов, причем с каждым — от одного до пяти раз. Роза Бендини с мужем, Гвинн Феррис, Самнер Хофф, Хестер Ливси и Бен Френкель входили в число самых популярных собеседников, но были далеко не единственными.

Предполагалось, что Нейлора и Уолдо Мура убил один и тот же человек, но не исключались и другие варианты. А поскольку как минимум половина работников тридцать четвертого этажа со всей вероятностью могла испытывать позывы к убийству в отношении кого-то из этих двоих, перед полицией раскинулось непаханое поле. Как выразился Пэрли, прямо настоящие курсы повышения квалификации. Любой постовой, желающий поучиться отслеживанию чьих-то передвижений и проверке алиби, мог примерить на себя костюм детектива, не испытывая недо-

статка в самых разнообразных подозреваемых.

Полицейская операция не ограничилась тридцать четвертым этажом. Двумя этажами выше, в обители больших боссов, работа тоже кипела, но велась, конечно, другими методами. Всякие там вице-президенты — люди ранимые и обидчивые, это вам не какие-то машинистки или начальники секций. Впрочем, полиция и там действовала тщательно, особенно когда дни и ночи незаметно растянулись в неделю, не дав следствию ни единой, даже самой тонкой ниточки.

Элитарные силы полиции столкнулись с обычным хитросплетением зависти и соперничества, желанием подсидеть коллегу или свалить ловко поставленной подножкой. Однако вся эта возня не вела ни к чему существенному, несмотря на все проверки алиби и отслеживание передвижений.

Наибольшее подозрение на первый взгляд вызывали попытки Керра Нейлора занять президентское кресло, выкинув из него Джаспера Пайна. Но и здесь поживиться было нечем. Во-первых, Нейлор долгие годы рвался к этой завидной должности и неизменно терпел крах, а во-вторых, в ночь убийства Пайн крепко спал в своей постели, о чем мне, Вулфу и Кремеру

доложила Сесили.

Не удовлетворенные богатыми залежами сырья в офисах «Нейлор-Керр», копы разрабатывали и другие месторождения. Круг поисков расширили, включив в него каждого, с кем, по слухам, водили знакомство Мур или Нейлор, но подняли на поверхность то же количество пустой породы, что и на Уильям-стрит.

С подсказки Вулфа, поставившего под сомнение рассказ Самнера Хоффа о его перемещениях с шести до восьми часов вечера, копы несколько раз опросили и самого инженера, и Хестер, но, даже испробовав другие подходы, получили прежний результат: никакого.

К вечеру субботы, спустя восемь дней со смерти Нейлора, они отчаялись до такой степени, что лейтенант Роуклифф лично пригласил меня поучаствовать в третьем по счету разборе личных вещей и бумаг убитого. Увы, вслед за полицией я не узрел в них ничего интересного, за исключением рукописного документа на сорока шести страницах, в котором Нейлор излагал программу реформирования «Нейлор-Керр» в случае прихода к власти. Составленный им черный список руководителей фирмы, от которых Нейлор планировал избавиться в первую очередь, мог бы

нам пригодиться, не будь этот перечень таким дьявольски длинным.

Вулф тем временем все больше мрачнел. Правда, он должен был платить пяти внештатным агентам: Пензеру, Гору, Даркину, Кимсу и Кэтеру, но это ничего ему не стоило, поскольку все расходы покрывал клиент. И чем, как вы думаете, занимались четверо последних?

Логика подсказывает вам, что на них было возложено исполнение некоего филигранного, затейливого плана, порожденного знаменитым хитроумием Вулфа? Ха-ха! Они вели слежку за Хестер и Самнером, то есть выполняли задание, которое получили бы, надумай «Нейлор-Керр» выбрать детективное агентство наугад в телефонном справочнике. Вот куда завел Вулфа его хваленый гений.

Что касается Сола Пензера, я не был посвящен в выданные ему инструкции, но знал, что он получил фотографию, присланную Хестер Ливси по просьбе Вулфа, и подозревал, что Сол бродит по городу, предлагая прохожим угадать, кто на ней изображен.

Отчеты о передвижениях Хестер и Самнера, представленные Гором, Даркином, Кимсом и Кэтером, даже не стоили упоминания. Четверо

наших работничков неплохо проводили время, потому что полиция тоже висела на хвосте у парочки, а в компании бегать по следу всегда веселее.

Я вовсе не издеваюсь. Не могу себе этого позволить: затянувшийся штиль не дал мне шанса отличиться больше всех остальных. Время от времени я исполнял микроскопически мелкие поручения, но в основном убивал время в отделе фондов на Уильям-стрит, пытаясь кого-нибудь подначить.

Дома я только завтракал, потому что работать приходилось сверхурочно. Вечером в понедельник я сводил Розу пообедать и потанцевать. Во вторник проделал то же с Гвинн Феррис. В среду пытался вытащить Хестер.

Сначала она согласилась пойти, но пару часов спустя нарушила обещание, объяснив, что пыталась отменить другую встречу, но не сумела. Я подозревал, что Самнер Хофф опять принялся разбираться с делами и, если я отважусь предпринять новую попытку назавтра или днем позже, надо мной лишь посмеются.

Не желая выработать комплекс неполноценности, я пошел на попятный и обратился к многообещающему новому источнику сплетен в

лице толстухи по имени Элиз Граймс. Она оказалась бесполезна во всех отношениях. И в четверг я снова развлекал Розу, а в пятницу — Гвинн. Все попытки выудить из них что-то новенькое пропали втуне, и лишь несгибаемая самодисциплина позволила мне убедить себя в том, что это нормально, совершенно естественно — включать расходы на девиц в счет, представляемый клиенту.

В течение недели мы с Вулфом трижды пускались в жаркие споры насчет Хестер Ливси и Самнера Хоффа. Первый спор я проиграл, отстаивая мнение, что нам следует отдать обоих на растерзание полиции. Вулф уперся намертво. Во-первых, сказал он, Кремер будет зол и подозрителен из-за того, что мы так долго скрывали от него факты. Во-вторых, не примется за эту парочку всерьез, не зная наверняка, что мы не затеяли нечистую игру и что Сол не врет. Наконец, даже если Кремер примет слова Сола за святую истину, Хестер с Хоффом едва ли откажутся от своих, а одно слово не выстоит против двух. Как ни жаль, пришлось с ним согласиться.

Два других спора закончились вничью. Я настаивал на повторном допросе Хестер и Хоффа, самолично вызывался по отдельности доставить

их в офис, хотят они того или нет, лишь бы Вулф пропустил их через свои жернова. Он же уверял, что эта затея безнадежна. Ему не от чего отталкиваться, сказал он. В нашем распоряжении имеется лишь незначительный факт, о котором эти двое сговорились лгать, не смущаясь тем, что это для нас очевидно. Патовая ситуация, из которой нет выхода. Я возражал Вулфу, доказывая, что их ложь — единственная зацепка, которую мы сумели добыть, и он обязан хотя бы потянуть за эту ниточку. Он же твердил одно: нет, и все. В то время мне казалось, что Вулф упрямится просто из чувства противоречия, но он, возможно, уже вынашивал замысел эксперимента, на который отважился вечером в воскресенье, и не желал все испортить.

По крайней мере, лень тут ни при чем. Он действительно работал. Мне не пришлось долго убеждать Вулфа в том, что директора и начальники отделов тоже требуют внимания. Он даже воспользовался моим советом, и утром во вторник я имел удовольствие отыграться на Эммете Фергюсоне. В самом начале нашей телефонной беседы тот пытался отфыркиваться, но несколько тщательно подобранных оскорблений быстро поставили его на место, и ровно в два часа дня

Фергюсон вломился в кабинет Вулфа со сбитым набок десятидолларовым галстуком от Амоса Сулки[10], рассыпая угрозы и готовясь к решительному сражению. Вулф потратил на него два часа, и когда Фергюсон вырвался на волю, две вещи стали окончательно ясны. Первое: зловредный тип сделает все возможное, чтобы ни Вулф, ни я никогда, нигде, ни при каких обстоятельствах не получили новых клиентов. Второе: если мы с Вулфом выбьемся из сил и захотим положить конец обрыднувшему расследованию, хоть кого-то упрятав за решетку, долго спорить о кандидатуре на роль козла отпущения нам не придется.

Я бы сказал, что все занятые расследованием смерти Нейлора за целую неделю так ничего и не добились. Все, кроме меня. Мало того что мне выпала превосходная возможность изучать женскую природу за счет клиента (отрадная для любого детектива, не достигшего восьмидесяти), я еще получил сезонные абонементы на игры «Джайентс» и «Янкиз». И вовсе не почтой или курьером. Сесили принесла их сама.

---

[10] Примечания: 10

Амос Сулка (1862–1946) — основатель одной из старейших сетей магазинов мужской одежды экстра-класса, совладелец одноименного дизайнерского бренда. Клиентами его фирмы, первоначально специализировавшейся на сорочках и галстуках, были Уинстон Черчилль, Скотт Фицджеральд и Кларк Гейбл.

Вернувшись домой в четверг вскоре после полуночи, я обнаружил, что Вулф еще не спит и читает, сидя за столом в кабинете. Как ни странно, всего одну книгу.

Завидев меня, он проворчал:

— Где ты был?

— Я говорил вам, что собираюсь провести вечер с Розой. Когда-то — такое впечатление, что месяцы назад, — мне казалось, она считает убийцей Мура своего мужа. Теперь я склоняюсь к мысли, что она провернула это дельце сама. Энергии и жизнелюбия ей не занимать.

Вулф аж содрогнулся:

— Оранжерейная картотека недопустимо запущена, а эти записи нужны Теодору.

— Вне всяких сомнений, — согласился я. — Но что я могу поделать, если нам подвернулся такой сложный случай? Приходится работать сутки напролет. — Я сладко зевнул. — Вы сами устроили меня на работу в «Нейлор-Керр». Сами распорядились использовать по назначению мои органы, как подскажет случай и в силу моих способностей. — Я снова зевнул. — Пожалуй, двину на боковую.

— Нет. Сюда едет миссис Пайн. Она сообщила по телефону, что хочет вручить тебе билеты на

бейсбол. Я ответил, что ты вернешься с минуты на минуту.

— Господи! Разве вам не… вы не оставите нас наедине?

— Нет. Я хочу с ней встретиться. И потом, она явно хочет того же. Какого еще черта ей взбрело бы на ум дарить тебе билеты на бейсбол?!

С этим утверждением я был готов поспорить и даже присел, чтобы яснее изложить свои доводы, но, прежде чем с языка сорвалось хоть слово, мне снова пришлось встать на звонок. Я вышел в прихожую, глянул в одностороннее стекло и пригласил гостью войти.

Протянув руку, она обменялась со мной крепким дружеским пожатием, одарила теплой цветущей улыбкой, окинула испытующим взглядом и кивнула — себе, не мне — с беззаботными словами:

— Я сразу поняла, какой вы красавчик, даже когда это лицо было опухшим и избитым. Толстяк еще не спит? Я хотела бы с ним встретиться.

Не дожидаясь позволения, Сесили двинулась дальше, и я последовал за нею через прихожую в кабинет. Она не подала Вулфу руки, ограничилась вежливым кивком и пожеланием доброго вечера, а затем опустилась на стул с высокой

спинкой, который облюбовала в прошлый раз и который я галантно ей пододвинул.

— Полагаю, мадам, — брюзгливо сказал Вулф, — вам хотелось повидать не только Гудвина, но и меня тоже.

— Не особенно, — объявила она. — Впрочем, всегда приятно напомнить мужчине, особенно такому чванливому, как вы, что я все-таки была права. Выполни вы мою просьбу, и мой брат остался бы жив.

— Ба! Неужели?

— Конечно остался бы. — Миссис Пайн поглядела на меня. — Вы прекрасно знаете, Арчи, что несете свою долю ответственности. Это вы распространили слух, будто брат сообщил вам, что знает убийцу Уолдо Мура. Если бы вы держались подальше от всего этого, как я того желала, ничего бы не случилось. Впрочем, не могу вас винить. В конце концов, вы работаете на этого мистера Вулфа и вынуждены исполнять все его прихоти. — (Я был удостоен улыбки.) — Кстати, вот ваши билеты.

Она открыла сумочку — среднего размера расшитую вещицу с окантовкой золотом, — покопалась внутри и вытащила конверт. Я подошел принять подарок и поблагодарил ее, стараясь

быть милым и покладистым домашним питомцем. Она спросила, не помогу ли я ей снять пелерину. И я принял меха — шиншилла, между прочим, — чтобы разложить на диване. Очевидно, миссис Пайн носила траур: ее черное с серым платье прикрыло немалую часть розовой кожи, открытой взорам в прошлый раз.

— Я сомневаюсь, — пробормотал Вулф, — в состоятельности ваших выводов. Ваш брат избрал опрометчивую тактику развязных суждений задолго до того, как с ним познакомился мистер Гудвин. И потом, еще неделю назад вы уверяли нас, что мистер Мур погиб в результате несчастного случая. Теперь же вы толкуете о преднамеренном убийстве и о том, что убийца расправился с вашим братом, опасаясь разоблачения. Нельзя сидеть на двух стульях сразу, мадам.

Вулф опять надоедал миссис Пайн своей логикой. Она и слушать не стала.

— Это мой брат был развязен? Господи боже! — И добавила: — Похороны состоялись вчера.

Осталось неясным, то ли Сесили без задней мысли упомянула об этом прискорбном факте, то ли пыталась намекнуть, что в наших силах отменить или аннулировать сам акт погребения. Наверное, все-таки первое ближе к истине, по-

скольку она не стала развивать мысль дальше, послав мне серьезный, неулыбчивый взгляд.

— Сами видите, Арчи: ничего этого не случилось бы, прими вы мое предложение. А я ведь советовала вам уйти от Вулфа и открыть свое дело. Сколько это будет стоить?

— Одиннадцать тысяч четыреста шестьдесят пять долларов, — сообщил я.

— Так много?

— Что поделать, инфляция.

— Дороговато, но поживем — увидим. — Она снова повернулась к Вулфу. — И что вы предпримете теперь?

— Мне поручили, — сказал он, — поймать убийцу вашего брата.

— Это я знаю, но что вы намерены предпринять?

— Поймать его. Или ее. — Вулф погрозил ей пальцем. — Итак, мадам, не желаете ли помочь нам?

— Нет! — решительно отрезала Сесили. — Я вовсе не мстительна. — Она бросила взгляд за плечо. — Вы не прикроете ту дверь, Арчи? Или принесите мою пелерину. — Я выбрал первый вариант и пошел закрыть дверь, а Сесили тем временем продолжала говорить: — Полицейские

приходили расспрашивать об отношениях между мной и братом, что было и неуместно, и нелепо. Один из них, вульгарный лысый человечек, открыто возмутился тем, что я не доведена до отчаяния скорбью! В действительности я обожала брата, но мои чувства — мое личное дело. Мое отношение к нему и к его смерти никого не касается. Его заветная мечта, его страстное желание возглавить руководство компании, которую основал наш отец, было донельзя бессмысленным, потому что он не годился в президенты. Ему следовало избрать карьеру полицейского или пожарного — ребенком он мечтал об этих профессиях. Вам не сделать моего брата полицейским или пожарным, даже если вы найдете убийцу. Более того, я не думаю, что он был убит. Не умышленно, во всяком случае. Я полагаю, это был несчастный случай. А какого мнения вы, Арчи?

— Такого же, какого держитесь вы. — Я наградил Сесили особенно широкой улыбкой. — В действительности, а не на словах. Если вы подводите разговор к пожертвованию крупной суммы в обмен на доказательства, что его смерть была случайной, можете об этом забыть. Никто не пойдет на подобную сделку, даже мы. Вы за этим сюда явились?

— Нет, — улыбнулась она в ответ. — Сегодня мне доставили абонементы, и я захотела передать их вам, а заодно взглянуть на ваше лицо. — Она подалась вперед, чтобы лучше меня разглядеть. — У вас, должно быть, чрезвычайно здоровая кровь, так быстро заживает. Вам сколько лет?

— Тридцать три.

— Чудесно! Мужчины, которым едва за двадцать, так примитивны… У вас имеется смета на те одиннадцать тысяч четыреста шестьдесят пять долларов?

Вулф издал бессловесный, но такой эмоциональный стон, встал, пожелал нашей гостье приятного вечера и покинул комнату. После небольшой паузы мы услышали, как открылась и снова захлопнулась дверца его лифта.

— Нет никакой сметы, — произнес я оскорбленным тоном. — Если ваша вера в меня настолько шатка, что вам требуются сметы… И раз уж речь зашла о крови, она обязана быть хорошей, ведь я наполовину цыган. — Подойдя к Сесили, я опустил руку на ее плечо. — Вот почему я могу чувствовать кое-какие вещи, которых даже мистер Вулф не способен постичь, хотя и сам не совсем понимаю, как мне это удается. Теперь

насчет этих двух смертей, Уолдо Мура и вашего брата…

Она рассмеялась — по-настоящему громким, гортанным смехом.

— Меня вы явно не чувствуете! — объявила она и посмеялась еще немного. — Вашего отца зовут Джеймс Арнер Гудвин. Вы родились в городке Кантон, штат Огайо, в тысяча девятьсот четырнадцатом. Девичья фамилия вашей матери — Лесли. У вас два брата и две сестры. И близко никаких цыган. Видите ли, Арчи, я крайне осторожна. А еще я предусмотрительна и заслуживаю доверия. — Она резко поднялась — должен признать, не без изящества. — Я просто хочу убедиться, что в смету включено все необходимое. Давайте присядем на диван и все обсудим.

Мы были одни. Фриц удалился в свою спальню в цокольном этаже. Я провел на ногах восемнадцать часов, Сесили — едва ли больше двенадцати. Подобную ситуацию нельзя разрешить полумерами.

— Вот это, — изрек я, — уже опасно. Мистер Вулф и без того подозревает меня. Ради моего блага вам придется покинуть этот дом. Если я задержусь наедине с вами дольше, чем нужно, он решит, что в этом деле я веду двойную игру,

и отзовет мою лицензию. Тогда я уже не смогу открыть собственный бизнес, даже если вы того пожелаете. Когда это расследование будет закрыто, мы сможем говорить… и говорить… и говорить… Но сейчас, боюсь, мне придется попросить вас уйти, миссис Пайн. — Мне показалось, что пришла пора поставить точку, и я добавил: — Сесили.

Глава 28

На следующий день, в пятницу, я пришел домой из «Нейлор-Керр» около половины шестого и сразу поднялся к себе принять ванну и переодеться. Гвинн Феррис удалось вытянуть из меня согласие опробовать кушанья и танцы в Серебряном зале отеля «Черчилль», а для этого требовалось облачиться в вечерний костюм.

Пришлось поспешить: сойдя вниз из оранжереи ровно в шесть, Вулф захочет увидеть меня в кабинете, чтобы выслушать дневной отчет. Бог свидетель, отчет не сулил ничего подкрепляющего силы. Однако к тому времени Вулф обрадовался бы даже чахлой соломинке и непременно захотел бы услышать все в подробностях.

Никаких подробностей он не получил, ибо в пять минут седьмого я обнаружил в кабинете не только Вулфа, но и разошедшегося не на шутку Кремера. Один только голос инспектора уже подсказывал: тот вознамерился проделать трюк, к которому частенько прибегал и раньше, никогда не достигая успеха. Он пришел приподнять крышку с мозгов Вулфа и посмотреть, что́ там

варится. Это означало, что следствие окончательно забрело в тупик. Дело провалено. Кремер бессилен.

— Значит, вы установили слежку за Нейлором! — отрывисто бросал он. — Знали же, черт подери, что с ним что-то должно случиться! Я скажу вам все, что думаю! Я думаю, Сол Пензер — лучший филер во всем Нью-Йорке. Ни минуты не верю, что он мог упустить Нейлора. С Пензером такого просто не бывает! Даже если так, вы бы нипочем не отпустили Нейлора без хвоста, когда он заявился сюда. Это же ясно как день. Вы ведь интересовались им, так? Конечно же так! Думаю, Пензер ходил за Нейлором весь тот вечер вплоть до убийства — и того, что последовало дальше, когда машина переехала труп на Тридцать девятой улице!

— Пф! — вяло парировал Вулф.

— Посудите сами. — Кремер отогнул указательный палец[11]. — Первое: вас наняли, чтобы вывести на чистую воду Нейлора, не желавшего признать случайной смерть Мура. — За указа-

[11] Примечания: 11

В англоязычных странах счет до пяти ведется разжатием пальцев, первоначально собранных в кулак, начиная с указательного (1), и продолжается до мизинца (4). Разжатый большой палец указывает на число 5. — *Примеч. ред.*

тельным пальцем последовал средний. — Второе: Гудвин нажал на Нейлора и сделал его очень опасным для кого-то. — Безымянный палец. — Третье: вы подрядили следить за ним лучшего агента. — Мизинец. — Четвертое: два дня вы не подпускали меня к Пензеру. — Большой палец. — Пятое: вы пытались натравить нас на беднягу Хоффа, но из этого ничего не вышло. — Пять пальцев снова сложились в кулак. — И шестое: вы держите в «Нейлор-Керр» Гудвина, чтобы не путался под ногами. Он гоняется там за юбками, и ничего больше! Поглядите на него — вырядился как на праздник!

— Я и не подозревал, что вы меня заметили, — вежливо вставил я. — Благодарю.

Но взбешенный Кремер уже ничего не слышал.

— Вы только поглядите! — завопил он.

— Гляжу, — сухо ответил Вулф. — Больше вам нечего добавить?

Кремер уселся было, но внезапно метнулся вперед и треснул кулаком по рабочему столу Вулфа.

— Я так этого не оставлю, Вулф, — подчеркнуто медленно заговорил он. — Множество раз мне подворачивался удобный предлог нагрянуть к вам с обыском… или хотя бы попытаться. Но на

самом деле — и вам это известно — я никогда в жизни не подозревал вас в укрывательстве убийцы, потому что думал: вы не способны на такое. — Он оторвал кулак от крышки стола и шарахнул им вновь. — Теперь думаю. Думаю, не только способны, но именно этим и заняты. Я думаю, вам известно, кто убил Мура и Нейлора. И еще я думаю, что вы вознамерились не позволить мне схватить убийцу. Я ясно выражаюсь?

— Вы сами-то понимаете, что́ несете, мистер Кремер?

— Отлично понимаю, черт побери!

— Арчи, — стрельнул глазами в мою сторону Вулф, — выстави этого человека вон из моего дома. С применением силы, если потребуется.

Мне это вовсе не улыбалось. Кремер все-таки инспектор полиции. Очень может быть, что он вооружен, а я, как назло, в лучшем своем костюме.

Поэтому я остался в кресле.

— Джентльмены, — насмешливо протянул я, — мне казалось, вы оба умеете держать удар. Теперь я вижу, что ошибался. Вас обоих постигла неудача, только и всего. А вы ведете себя как малые дети, вымещая злость друг на друге. Инспектор Кремер, вам чертовски хорошо известно, как хитер и коварен мистер Вулф. Он десять раз

подумает, прежде чем разгуливать, вернее, рассиживать с убийцей в кармане, надеясь уберечь того от наказания. Так стоит ли безумствовать и крушить мебель? А вы, мистер Вулф? Вам же ясно, что инспектор просто треплет языком. Будь вы в форме, пустили бы в ход иронию и тонкую издевку, не вынуждая меня выставить себя идиотом. Вы просто огорчены и раздосадованы тем, что наконец столкнулись с делом, которое вам не по зубам. — Я поднялся и направился к двери в прихожую, а на пороге обернулся: — Вам придется извинить меня, джентльмены. Спешу на встречу с подозреваемой. Как-никак я детектив и расследую убийство.

Мне так и не довелось узнать, чем закончился тот разговор. Вулф об этом помалкивал, а когда спустя продолжительное время я пристал к нему с вопросами, ответом мне было лишь невнятное ворчание.

Суббота и воскресенье прошли в том же невеселом ключе. Утром в субботу Вулф по телефону вызвал меня к себе в комнату во время завтрака, а когда я явился, вспомнил вдруг о своем запрете обсуждать дела по ходу приема пищи и заставил сидеть и наблюдать за тем, как он меланхолично расправляется с четырьмя тостами и яйцами под

соусом бер-нуар из прокаленного сливочного масла.

Закончив трапезу, он снабдил меня инструкциями, которые прозвучали как гром среди ясного неба. Вулф взялся-таки за дело. Мне предстояло провести выходные, поочередно гоняясь за Беном Френкелем, Харолдом Энтони, Розой Бендини и Гвинн Феррис, чтобы доставить их, одного за другим, в его кабинет. Он собирался весь уик-энд напролет вытряхивать из них нужные сведения.

Так и вышло. Подобным образом мы провели субботу и воскресенье, заодно придумав себе еще пару занятий, вроде моей вылазки в обществе лейтенанта Роуклиффа для осмотра личных бумаг и вещей Нейлора.

Но и Вулф не просто убивал время, вызывая к себе свидетелей. В субботу он провел три часа в обществе Харолда Энтони и еще четыре — с Гвинн Феррис. Воскресным днем пять часов потратил на Розу Бендини и шесть — на Бена Френкеля. Вулф рыл землю в поте лица своего. Поздним вечером в воскресенье, после ухода Френкеля, он долго сидел в кресле вообще не шевелясь, а затем проговорил низким утробным голосом, которым как будто заразился от собеседника:

— По-видимому, придется встретиться и с

остальными. Рядовыми начальниками и высшим руководством. Сможешь привести их сюда в понедельник, часам к одиннадцати?

Я как раз щелкал на машинке, пытаясь в своих безнадежно запущенных записях угнаться за жизнедеятельностью растений. Не поворачивая головы, я твердо объявил:

— Не смогу. Люди заняты важным делом — поставляют инженерное оборудование. Они и без того уверены, что мы не оправдали ожиданий. Даже Армстронг… Ну, помните, тот сухонький тип? Даже он начинает подозревать, что корпорация зря тратит на нас фонды.

Вулф не возразил. Да что там, он даже не хрюкнул. Я продолжал щелкать, закончил с мильтониями и принялся за фаленопсисы. Минуты текли, пока не набежал целый час, а затем пошел второй. Было уже за полночь, пора ложиться, а я все стучал по клавишам. Вулф откинулся на спинку кресла, занавесил глаза веками и неустанно работал губами: вытягивал, втягивал и опять по новой. Мне было интересно, что́ из этого получится.

Наконец Вулф поерзал в кресле, сделал глубочайший выдох и открыл узкие щелочки глаз:

— Арчи?

— Да, сэр.

— Ты был прав.

— Да, сэр.

— Я действительно, как ты выразился, столкнулся с делом, которое мне не по зубам. Убийца либо слишком хитер, либо чересчур удачлив. Мистер Мур мертв уже почти четыре месяца, а мистер Нейлор — девять дней. И чем мы можем похвастаться?

— Счетом на расходы.

— Да. Это беспрецедентно. В нашем распоряжении всего один факт, который может оказаться полезным. Променад мисс Ливси с мистером Нейлором. Но мы толком не знаем, важен он для следствия или нет, а выяснить это не в состоянии. Мы не можем заняться отделением подлинных улик от ложных, потому что не располагаем вообще никакими. В буквальном смысле. Но их нет и у мистера Кремера. Случалось ли с нами прежде что-то подобное?

— Нет, сэр.

— Вот именно. Не случалось. Я нахожу это интересным и стимулирующим. Что мы обычно делаем, когда не имеем улик? Известно тебе?

— Нет, сэр.

— Мы их фабрикуем. Начнем с одной, хотя,

возможно, потребуется и больше. Попробуем в порядке эксперимента. Зачехли эту треклятую машинку, разверни кресло и послушай меня.

— Да, сэр.

Составление плана отняло у Вулфа едва ли не час. Я делал заметки. В итоге он с нажимом переспросил:

— Итак?

В ответ я нерешительно кивнул:

— Если ничего лучшего вам в голову не приходит, придется попытаться. Что ж, я рискну. Меньшее, чего мы можем добиться, — это очередное убийство.

Глава 29

Наглядным показателем наших «успехов» стала перемена в отношении ко мне сотрудников отдела фондов «Нейлор-Керр», где я появился утром в понедельник. Бывали деньки, когда, шествуя по проходу, я ловил на себе сотни любопытных взглядов. Они остались в прошлом. Теперь мое появление привлекало не больше интереса, чем беготня разносивших почту курьеров.

Первым пунктом коварного плана шел визит — не слишком краткий — к Хестер Ливси. Желая удостовериться, что справлюсь с задачей прежде, чем Розенбаум призовет секретаршу для утренней диктовки, я через весь зал поспешил к ее кабинету, как только бросил плащ и шляпу в каморке, которую у меня еще не успели отобрать. Дверь стояла открытой нараспашку, но я прикрыл ее сразу, как вошел.

Мисс Ливси уже протерла стол и теперь разбирала на нем бумажные залежи. Бросила на меня косой взгляд и повернулась с гневным вопросом:

— Чего вы хотите?

Широко улыбаясь, я устроился на стуле:

— У вас выработалась вредная привычка интересоваться моими желаниями. Это все нервы.

— Чего вы хотите?

Она казалась постаревшей и несколько утомленной, но я даже не попытался убедить себя, будто мисс Ливси стала для меня всего лишь набором живых клеток, на девяносто процентов состоящих из воды. Меня по-прежнему не отвращала мысль, что эта женщина нуждается в моей помощи. А самое неприятное заключалось в том, что я уже приступил к исполнению плана, способного сделать эту помощь гораздо нужнее.

— Присядьте и расслабьтесь, — посоветовал я ей.

— Нет. — Она так и стояла со стопкой бумаг в руке. — Я пожалуюсь мистеру Розенбауму, что вы беспокоите меня, мешая работать.

— Ваше право, — согласился я. — Не стану отрицать, я беспокою множество людей, как и вы сами. В подобных обстоятельствах иначе и не бывает. Сомневаюсь, чтобы Розенбаум решился вышвырнуть меня вон. Поднимется страшный шум. Я буду отчаянно кричать, цепляться за дверные косяки. Может быть, даже вырвусь и начну метаться между столами. Впрочем, можете попытаться. Или не обращайте на меня внимания и

занимайтесь своим делом. Я не наброшусь сразу, как вы отвернетесь.

Она раскладывала свои бумаги, стиснув зубы, так что от напряжения мышц все ее лицо исказилось.

— Кстати, о вашей работе, — продолжил я. — Помните, вы как-то сказали мне, что вам тут нравится и что вы хотите сохранить место? Не думаю, что вам тут по-прежнему уютно, со всем этим беспокойством. Но если не хочется терять работу, поверьте, я вас понимаю. Сам вынужден зарабатывать себе на жизнь. Ну и не теряйте работу — увольтесь сами. У мистера Вулфа обширные связи, он знаком со старшим компаньоном одной из лучших и крупнейших адвокатских контор Нью-Йорка. Можете устроиться туда секретарем к кому-нибудь из боссов. Семьдесят долларов в неделю для начала, рабочий день с девяти тридцати до пяти, суббота — выходной, и вот уже восемнадцать лет они не забывают выплачивать своим служащим бонусы к Рождеству. Ваш кабинет будет втрое больше здешнего, два окна, два ковра, пишущая машинка по вашему выбору, хороший вид на гавань и статую Свободы. Что скажете?

Она возилась с бумагами, ни разу на меня даже

не покосившись. Я принял это за добрый знак и принялся живописать яркими красками светлое будущее мисс Ливси в юридическом бизнесе. Для достижения желаемого эффекта мне требовалось провести с ней по меньшей мере четверть часа, еще лучше — минут двадцать. Поэтому я подошел к вопросу со всей обстоятельностью и рассмотрел его со всех возможных сторон.

Разглагольствуя дальше, я решил, что самым заманчивым аспектом моих фантазий станет для нее возможность поработать судебной стенографисткой. Это сулило немалые выгоды и заключало в себе массу увлекательного. Развивая мысль, я превзошел самого себя.

Прошло уже двадцать три минуты, но я собирался продолжать в том же духе, пока не настанет перерыв на ланч. И тут за моей спиной послышался скрип дверных петель. Вывернув голову, я увидел Самнера Хоффа. Он прикрыл дверь, обошел стол, чтобы оказаться со мной лицом к лицу, и угрожающе прорычал своим низким голосом:

— Убирайтесь!

Это играло мне на руку. Что уж там, ничего лучше и вообразить нельзя. Я поднял глаза на Хоффа и сказал, подражая его оскорбительному тону:

— Сам убирайся, чертов настырный сукин

сын!

Подобной реакции и следовало ждать от кавалера, который свалил Уолдо Мура зуботычиной на виду у всего «стадиона». Фактически Хофф дал мне понять, что я, возможно, был несправедлив к нему тогда, в кабинете Вулфа: на полном эмоциональном подъеме он все-таки годился в соперники. Впрочем, в тактическом плане казалось неразумным влепить ему прямо сейчас.

В любом случае представления Хоффа о рукопашной были до того несуразны, что у меня рука бы на него не поднялась. Когда я привстал со стула, он так размахнулся правой, будто единственный на всем белом свете имел кулаки и со всеми прочими мог не считаться. Уходя от столкновения, я отдернул голову в сторону и, пока Хофф восстанавливал равновесие, отступил к двери. Распахнув ее, я во всеуслышание объявил:

— Слишком поздно, Хофф! Вам ее уже не остановить, вы опоздали!

И припустил со всех ног. Промчался сквозь центральную часть «стадиона», на бегу поглядывая через плечо. Хофф бросился было в погоню, но остановился у четвертого по счету стола. Я же продолжал улепетывать, чем, естественно, приковал к себе всеобщее внимание. Достигнув противо-

положной стороны, я юркнул в свой кабинетик, схватил пальто и шляпу, выскочил наружу, вышел в холл, спустился на лифте, махнул таксисту на Уильям-стрит и назвал адрес Вулфа.

Своего работодателя я нашел в помещении для пересадки растений, где он вместе с Теодором изучал свежую партию грунта. Там было тепло и влажно, так что я устроился на высоком табурете, вытащил носовой платок и вытер лоб.

— Ну? — осведомился он.

— Дело сделано, сэр. Я провел с мисс Ливси более двадцати минут. Хофф вломился, чтобы выставить меня, но я обругал его и заставил погнаться за мной. Должно быть, кто-то ему донес. Везде шпионы.

— Превосходно. Переходи к следующему этапу.

— Слушаюсь, сэр. Я задержусь здесь немного вроде как для того, чтобы обсудить с вами волнующий поворот событий, а потом вернусь. Но кое-что в нашем плане меня по-прежнему беспокоит. Каждый божий день я печатал свои отчеты по вечерам и относил их наверх около половины пятого. Если я изменю этому обычаю и представлю отчет еще до полудня, кто-нибудь может заподозрить подвох.

— Ты упоминал об этом вчера.

— И повторяю сегодня.

— Сведения, которые должны содержаться в отчете, оправдывают спешку.

— В случае с Нейлором тоже оправдывали, но я следовал рутине.

Вулф пожал плечами:

— Очень хорошо. Это не так важно. Представь отчет вечером, как обычно.

Я вышел, спустился в кабинет, набрал номер офиса «Нейлор-Керр», попросил к трубке начальника секции резервного персонала в отделе фондов и сказал ему, что хочу поговорить с Гвинн Феррис. Она завалена работой, был ответ. Я тоже, пришлось сказать мне. Еще через пару минут я услышал ее голос.

— Слушай, драгоценная моя, — взмолился я. — Мне пришлось уехать на встречу с мистером Вулфом, на Тридцать пятую улицу. Но где-то через час я освобожусь и, поскольку хочу спросить тебя кое о чем, с удовольствием угощу ланчем. Сможешь встретиться со мной на углу Уильям-стрит и Уолл-стрит в половине первого?

— Ах ты, негодник!.. — обиженно протянула она. — Позволил этому Хоффу прогнать себя с этажа, когда я не могла этого видеть! Знал же, что я занята в кабинете мистера Хендерсона. А о чем

хочешь спросить?

— Вопрос жизни и смерти. Следующее па в той румбе. В двенадцать тридцать?

Она сказала: так и быть.

Я сидел, вытянув ноги и затолкав руки глубоко в карманы брюк, и угрюмо разглядывал ручку кодового замка на сейфе, когда из оранжереи спустился Вулф. Я подождал, пока он не устроится в кресле и не выровняет центр тяжести, и только тогда перевел на него хмурый взгляд, сопроводив его вопросом:

— Парни приходили? — (Утвердительный наклон головы.) — Все четверо? — (Еще один наклон.) — Вы ознакомили их с задачей? — Он снова кивнул, и я покачал головой. — Хорошо. Если нам повезет и план действительно сработает… Думаю, мы оба понимаем, что это один шанс из сотни… Уповаю на Всевышнего, что они не потеряют ее из виду, а мне не придется опять заниматься опознанием мертвых тел.

— Вздор! — Вулф нажал кнопку, требуя пива. — Как я уже говорил, ничего столь драматичного случиться не должно. Но может последовать некое слово, некий жест, некий взвешенный контрманевр, и ты, надеюсь, их не пропустишь.

— Ну да. — Мои брови так и остались сдвину-

ты. — Надейтесь. Я пригласил Гвинн на обед и забронировал кабинку в ресторане «У Фрисби», где порция икры шэда стоит три бакса. Какие-нибудь новые идеи?

Вулф ответил отрицательно, и тут вошел Фриц, принесший ему пиво.

Глава 30

— Да, голубка моя, — сказал я. — Ты можешь заказать еще бокал, если Эмили Пост[12] ничего не имеет против мартини за ланчем и если у тебя не закружится голова. Сегодня ты должна быть трезвой как стеклышко.

Я провел с Гвинн достаточно времени, чтобы знать: после третьего-четвертого бокала ее милые глазки имели склонность вылезать из орбит, затягиваясь туманной поволокой. И что еще хуже, она начинала сквернословить. Я предпочитал, чтобы Гвинн оставалась непорочна как ангел, о чем так прямо ей и сказал.

Сидя в угловой кабинке ресторана «У Фрисби», мы уплетали икру шэда с салатом из авокадо.

— Ничего у меня не закружится, — надулась Гвинн. — Девушкам моего круга это не к лицу. Моя голова всегда остается ясной, но зачем это тебе? Опять изводить меня расспросами про ту жуткую ночь, ту дрянную пятницу, которую мне

---

[12] Примечания: 12

Эмили Пост (1872–1960) — американская писательница, признанный авторитет по части правил хорошего тона. Ее книга «Этикет в обществе, бизнесе, политике и дома» (1922) стала бестселлером, выдержавшим множество переизданий.

никогда не забыть? Прямо из постели — в полицейский участок! Говорю тебе: я и не думала, что когда-нибудь доживу до такого!

— Я тоже не думал, — горячо поддакнул я. — Нет, не про ту ужасную ночь. Во всяком случае, твои воспоминания я тревожить не стану.

Здесь я отвлекся, попросив официанта принести еще мартини и, чтобы не создавать неловкости, порцию бурбона для меня.

— Мне было сложно решиться, — объяснил я, — и вот почему. Речь пойдет о предметах, которые должны остаться в тайне. Все это строго конфиденциально. С другой стороны, мне отчаянно нужен твой совет. Я примерно представляю себе твое мнение о Хестер Ливси, но… Тебе не кажется, что она не так проста? Чуточку лукавит?

Гвинн фыркнула. Я уже говорил ей, что с фырканьем лучше завязывать.

— Эта девица — и лукавит? Вот бы не сказала! А что, она водит тебя за нос?

— То-то и оно, — сокрушенным тоном признал я. — Не могу понять, зачем ей это. Может, она и вправду меня дурачит? Ничего не понимаю.

— Дурачит, не сомневайся. Что она натворила?

Я помедлил, уставил серьезный взгляд в эти милые голубые глазки:

— Только между нами, Гвинн, очень тебя прошу.

— Заметано.

— Я советовался с мистером Вулфом, и он разрешил спросить у тебя.

— Не томи, бога ради! Рассказывай уже!

— Что ж… полагаю… сегодня утром Хестер Ливси призналась мне, будто знает, кто убил Уолдо Мура. И знает уже довольно давно.

Ломтик авокадо на вилке у Гвинн замер на полпути ко рту.

— Она *знает*? Так и сказала?

— Ну да.

— Быть того не может!

— Это ее собственные слова.

— Господи Исусе!

Вилка с авокадо медленно опустилась, цокнула о тарелку и упокоилась там.

— Меня не удивляет, что ты поражена, дорогая, — сочувственно произнес я. — Я и сам поразился. Она как раз начала говорить, когда встрял Хофф и погнался за мной. Я ездил обсудить это с мистером Вулфом. Мы оба в растерянности, потому что плохо понимаем, что она за человек. Он решил, что мне стоит проконсультироваться с кем-нибудь, кто хорошо разбирается в людях,

кому можно верить и кто все знает про Ливси. Конечно, я сразу подумал о тебе. Ну, способна она нагло врать в лицо человеку или как?

Официант принес напитки. Гвинн посмотрела на мартини так, будто столкнулась с неожиданным препятствием, но затем подняла бокал и осушила в два глотка.

— Способна или нет? — настаивал я.

— Ни в коем случае. — Гвинн воспользовалась салфеткой. — Боже, какое возмутительное бесстыдство! А она не сказала, кто убийца?

— Нет. Может, и сказала бы, да вмешался Хофф. Тебе не кажется…

— А что она сказала… Нейлора тоже он убил?

— Что-то в этом смысле.

— Она не говорила, откуда ей это известно?

— Нет, но еще скажет, наверное. Вот об этом я и хотел спросить. По-твоему, как с ней обходиться? Если только она в своем уме, у нее должны быть…

— Я опаздываю, — объявила Гвинн и отодвинула блюдо, перевернув при этом солонку. — У меня всего час, и мне нужно забрать…

— Ничего тебе не нужно, — твердо возразил я. — А вот мне нужна твоя помощь. Нужен совет, который только ты способна дать. — Я поглядел

на часы. — У тебя еще десять минут свободного времени. Расскажи про Хестер Ливси. Она способна сболтнуть такое, просто чтобы поквитаться с кем-то? Что она за человек?

— Самодовольная сучка, которая всюду сует свой нос.

Все десять минут я продолжал свои расспросы, но так и не выведал других полезных сведений ни о Хестер Ливси, ни о ком-либо или о чем-либо другом. Гвинн просто не могла сосредоточиться. Ей не терпелось вернуться на работу.

Глава 31

Наш план вряд ли бы много выиграл, вернись я с обеда под ручку с Гвинн, поэтому мы расстались с ней в вестибюле у главного входа. Когда лифт защелкал, унося ее ввысь, я прошел мимо прилавка с сигарами, сделал знак рукой стоявшему поблизости широкоплечему парню и, не задерживаясь, прошествовал на улицу и далее за угол. Здоровяк догнал меня, и мы поздоровались.

— Как продвигаются дела, Орри?

— Скука смертная, — проворчал он. — Вышла на ланч в закусочную — и сразу назад. Не хочешь махнуться поручениями?

— Может, на будущей неделе. Начиная с пяти скучать тебе не придется. Глаза еще не слиплись?

— За ней я могу следить и с закрытыми глазами. Что-то новое?

— Пока ничего, но сегодня — тот самый день. Не сегодня, так завтра. Если споткнешься и вывихнешь пальчик…

— Знаю, знаю. Ты говоришь с Кэтером. Орри Кэтером.

— Так держать, мой бравый воин!

Я вернулся в вестибюль, прошел к телефонной будке, позвонил Вулфу и сообщил, что дело сдвинулось с мертвой точки. Новых идей у него не возникло. Честно говоря, он только хмыкнул в ответ. Я поднялся на лифте на тридцать четвертый этаж, прошел в свой кабинет, заметив, что персонал отдела фондов вновь счел меня достойным внимания, уселся за стол и заправил в пишущую машинку три листа бумаги с копиркой между ними.

Шапка документа осталась, разумеется, прежней. Отпечатав ее на автомате, я обдумал, как сформулировать дальнейшее. Это могло иметь значение в зависимости от того, откуда последует ожидаемая реакция на отчет — с тридцать четвертого или с тридцать шестого этажа. Я решил придерживаться сухого официального слога без всяких украшательств, просто чтобы не выбиваться из стиля моих прежних отчетов, но и чрезмерно «засушивать» текст тоже не хотелось. В итоге, ударив по клавишам, я выдал следующее:

Расследование приняло многообещающий оборот. Сегодня в 9:40 утра я

навестил Хестер Ливси на ее рабочем месте. Как сообщалось ранее, она отказала мистеру Вулфу в новой встрече, когда он выразил желание провести с ней длительную беседу, как и с остальными. О результатах этих бесед я уже докладывал. Сегодня мисс Ливси вела себя чрезвычайно нервно. Поначалу наотрез отказывалась говорить и со мной, но, когда я проявил настойчивость, сообщила вдруг, что не решается снова беседовать с Вулфом по одной причине: ей известно, кто убил Уолдо Мура. По-видимому, она ошибочно сочла, что наш разговор носит конфиденциальный характер, хотя подобных гарантий никто не давал. Выражения, в каких она сделала свое признание, позволяют предположить, что тот же неизвестный убил и Нейлора. Думаю, я мог бы добиться от нее большего, намного большего, если бы мистер Самнер Хофф не вторгся в кабинет мисс Ливси с намерением выдворить меня за порог. Нет причин предполагать, что он узнал о содержании нашего разговора, так как мы говорили вполголоса, а дверь

оставалась закрытой.

Я немедленно отправился в офис мистера Вулфа, чтобы сообщить ему об этом инциденте. Он считает, что еще какое-то время я могу действовать по своему усмотрению, но скрывать от клиента полученную информацию было бы грубой ошибкой. О дальнейшем развитии событий, если таковое последует, сообщу незамедлительно.

Так выглядел окончательный вариант отчета. В первом наброске мне не приглянулись кое-какие мелкие детали, так что я отредактировал текст и отпечатал его заново. Я по-прежнему расставлял в шкафу ловушку со второй копией своего отчета, протирая обложки папок и раскладывая табачные крошки. Нет, я не сильно надеялся поймать кого-то за руку, просто соблюдал традицию. Покончив с этим и разложив оригинал и первую копию по карманам, я широко открыл дверь кабинета, поставил стул так, чтобы был виден вход в комнату Хестер на дальней стороне «стадиона», и уселся.

Ее кабинет был закрыт.

В течение минуты несколько десятков жен-

щин, населявших тот сегмент «арены», что был виден из моего наблюдательного пункта, заметили дверь нараспашку и за ней меня. Это зрелище притягивало взгляды — от мимолетных, быстро отводимых в сторону, до марафонских расстрелов в упор. Интересное ощущение. Вернее, оно стало бы интересным, если бы расположение духа позволило мне взвесить все выгоды. В текущих обстоятельствах из этого ничего не вышло.

Вообще-то, я не ожидал всерьез, что в центральном проходе вдруг появится угнанный седан, который совершит резкий поворот, устремится к кабинету Хестер и задавит бедняжку насмерть. Меня бы сильно удивило, случись хоть что-то из ряда вон выходящее, тем не менее зевать не стоило. И все то время, что я просидел там, взгляд мой не отрывался от двери Хестер, за исключением нескольких интервалов, длившихся не более трех секунд каждый. Если дверь открывалась, я не мог этого не заметить.

А она открывалась. Семь раз. В 14:35 мисс Ливси покинула свой кабинет, посетила Розенбаума и вернулась к себе в 14:48. В 15:02 она появилась вновь, прошла в конец зала, где находилась женская уборная, чтобы вернуться в 15:19. В 15:41 Самнер Хофф решительным шагом приблизился

к двери по дальнему проходу, открыл ее и скрылся внутри, вновь затворив ее за собой. В 15:55 он вышел и направился прямо ко мне, никуда не сворачивая, но об этом чуть позже. В 16:12 из кабинета вышла сама Хестер, и об этом тоже немного позднее. Итого семь раз.

Первое подтверждение тому, что я сделал верную ставку, выбрав Гвинн хранительницей чужих тайн, явилось около трех часов дня, когда вид на уходящие вдаль рабочие столы внезапно оказался заслонен довольно крупным объектом, который появился в дверном проеме. Этим объектом была Роза Бендини. Ее черные глаза лучились возбуждением, но, войдя и приблизившись, она сказала лишь:

— Сегодня понедельник, Арчи.

— Тридцать первое марта, — кивнул я. — Шесть дней до Пасхи.

— Ты помнишь прошлый понедельник?

— Никогда его не забуду. Но четверг я помню еще лучше.

— Я тоже. Чем ты занимаешься, сидя тут?

— Вспоминаю понедельник с четвергом. Извини. Не загораживай мне обзор.

Я вытянул шею, приглядываясь. Хестер вышла из своего кабинета. Убедившись, что она направ-

ляется в уборную, я переключил внимание на гостью:

— Отчего так сияют эти глазки? Из-за меня?

— Может, закроем дверь?

— Нет, мэм. Только не в рабочее время.

Роза придвинулась на шаг.

— Хестер водит тебя за нос, — произнесла она с неожиданным напряжением в голосе. Быстро обернулась, посмотрела в открытую дверь и снова уставилась на меня. — Я же рассказывала тебе о ней! Даже если она знает, кто убил Уолли, все равно пытается тебя надуть. Я ведь рассказывала о ней, верно?

— Было дело. Говори потише. С чего ты взяла, будто она знает, кто убил Уолли?

— Она сама тебе сказала. — Роза опустила ладонь мне на плечо, но, проследив за моим взглядом, устремленным к двери, убрала руку. — Не дай ей одурачить тебя, Арчи. Еще немного — и она расскажет, кто убийца.

— Если так, это будет побольше, чем рассказала ты. Сперва ты убеждала меня, что знаешь, кто убил Уолли, но не хотела назвать имя. Потом сказала, что не знаешь. Разве это не надувательство?

— Я… я… — Она снова оглянулась. — Я все-таки

закрою эту дверь.

— Зачем? Ты готова назвать имя?

— Не знаю я никаких имен, Арчи. Просто хочу, чтобы ты обнял меня. Я закрою…

Я поймал ее за локоть, не пустив к порогу:

— Нет, Роза. Не сейчас. Подождем с этим до другого раза. Кто сказал тебе…

Она вырвалась, сверкая глазами.

— Другого раза может и не быть! — объявила она и вышла.

Приятно было знать, что Гвинн меня не подвела, но, помимо этого, визит Розы, казалось, не принес ничего особенно полезного. Вулф ожидал какого-то слова, или жеста, или контрманевра, и данные мне инструкции предписывали немедленно делиться с ним всеми деталями происходящего. Однако я, хоть убейте, не видел ничего необычного в том, что Роза захотела оказаться в моих объятиях. Что ей мешало? С четверга миновало уже четыре дня. Я не мог решить, стоит ли бежать к телефонной будке и поведать Вулфу о визите Розы, но думал дождаться, по крайней мере, пока Хестер не вернется из уборной, когда дверной проем вновь оказался занят.

На этот раз его оккупировал Бен Френкель. Два широких шага внутрь, остановка. Он уставился

на меня сверху вниз, поводил носом и произнес своим громоподобным голосом:

— Не помешал?

— Еще как! — усмехнулся я снизу вверх. — Чего ради?

— Сегодня вы пригласили на ланч мисс Феррис.

— Ничего личного, — кивнул я. — Хотелось обсудить с ней кое-какие дела.

— Не верю! — Раскаты грома оставались глухими.

— Значит, меня снова считают лгуном. Спросите у нее.

— Мне не нужно ее спрашивать. Она уже все рассказала. Вы попросили у нее совета, что само по себе бессмысленно. Вы уже дважды подолгу говорили с ней — и вы сами, и мистер Вулф. Ни за что не поверю, что вам потребовался ее совет. Вы понимаете, конечно, что у нее практически отсутствует интеллект, а посему ее мнение по любому вопросу не имеет ни малейшей ценности. Нет, она не слабоумна, но ее мыслительные способности явно оставляют желать лучшего.

— Как это?! — ахнул я. — Мне казалось, она вам нравится!

Взмахом длинной костлявой руки Френкель

отмел этот довод в сторону.

— Она мне не нравится. Я страстно люблю ее, как вам известно. Далее, вы что-то рассказали ей по секрету, и это кажется еще более бессмысленным. Она совершенно не способна держать рот на замке. Это вы знаете. Вот лучшее доказательство тому, что я не убивал Уолдо Мура… и Нейлора, раз уж на то пошло. Будь я убийцей, мне не удалось бы скрыть это от Гвинн… Ничего не могу от нее скрыть. А узнай она об этом, давным-давно уже растрепала бы не только вам — всем! Вот почему вы уверены в моей невиновности.

— Справедливо, — признал я.

— Ну разумеется. Тогда потрудитесь объяснить тот факт, что вы поделились с ней крайне важным, по вашим же словам, секретом, строго-настрого запретив выбалтывать его кому бы то ни было.

— Не понимаю, каким образом… Простите. — Я снова вытянул шею, чтобы лучше видеть, как Хестер возвращается из уборной; взгляд на часы позволил точно хронометрировать это событие: 15:19. Я снова посмотрел на Френкеля. — Возможно, вы ошибаетесь в отношении мисс Феррис. Не стоит думать, что ваша оценка ее умственных достоинств совпадает с мнением окружающих.

Быть может, вы ослеплены своей любовью.

Описав красивую дугу, тощая рука Френкеля отмела и этот довод.

— Пустая болтовня! — пророкотал он. — Вы пытаетесь уйти от ответа на чрезвычайно серьезный вопрос, сведя его суть к банальным мелочам. Кроме того, вы используете мисс Феррис, превратили ее в инструмент для достижения собственной цели, даже не задумавшись об опасности, которая может ей грозить. Это подло с вашей стороны! Причем «подло» — еще мягко сказано. — Его глаза буквально сверлили во мне дырки. — Она не способна увидеть опасность или защититься от нее. И у меня есть право просить… требовать подробностей. Что именно сказала вам мисс Ливси? Мне нужны точные слова. Раз уж вы сделали мисс Феррис своей марионеткой, я вправе предположить, что мисс Ливси упомянула мое имя. Это так?

— Пока до этого не дошло. — Я склонил голову набок, чтобы лучше видеть его. — Даже забавно, насколько точно вы повторяетесь. С Нейлором было то же самое, помните? Вы явились спросить, не называл ли он вашего имени. Забавно, да?

— Отнюдь.

Френкель развернулся на месте, сделал шаг,

схватил за спинку еще один стул, выставил его напротив моего и уселся. Мне показалось, его глаза ни на миг не переставали меня буравить.

— По натуре я интроверт, — сообщил он, словно это многое объясняло. — Вы даже можете назвать меня эгоцентриком. Именно поэтому безрассудная увлеченность мисс Феррис так глубоко перевернула все мое существо. В недрах моей личности внезапно возник конфликт, который…

Его понесло. Существовали, конечно, разнообразные способы заставить Френкеля заткнуться, но я не видел смысла оскорблять его чувства, поскольку присутствие Бена не отвлекало меня от основной задачи. Я не смотрел на Френкеля, но вполне мог слушать его, не оставляя свой наблюдательный пост. Поэтому я слушал внимательно — на тот маловероятный случай, если слово, или жест, или контрманевр воспоследуют с его стороны, — и даже подкидывал время от времени вопросы и комментарии.

Я все еще внимал ему и в 15:41, когда увидел, как Самнер Хофф решительной поступью движется по проходу в кабинет Хестер, и в 15:55, когда Хофф вышел оттуда и направился в мою сторону.

Инженер не стал задерживаться на пороге. К моменту его появления я уже был на ногах,

потому что в моей каморке не нашлось бы места для акробатических упражнений. Бен Френкель прервал себя на полуслове и тоже встал.

Хофф посмотрел на него:

— Я хочу поговорить с Гудвином. Когда ты закончишь.

— Я не закончу! — заявил Френкель, быстро отошел к двери и бросил нам через плечо: — Никогда не закончу! — И исчез из виду.

Хофф начал было прикрывать дверь. Я пододвинулся, выставил руку и снова распахнул ее.

— Люблю этот вид, — объяснил я. — Все девушки такие милые. Если беседа будет приватной, просто старайтесь говорить потише.

Он вроде бы собирался настоять на переговорах за закрытой дверью, но затем передумал. Отошел к стулу, с которого вскочил Френкель, и уселся. Я едва мог признать в нем прежнего Хоффа. Он не выглядел ни воинственным, ни особенно возмущенным. Сомнительно даже, чтобы он чувствовал готовность «разбираться».

— Я недооценил вас, — сказал он. — Либо вас, либо Вулфа, либо вас обоих.

— Ничего страшного, — дружески утешил я. — Как Ева сказала Адаму, все мы порой ошибаемся.

— Намерены ли вы сообщить наверх и в поли-

цию, что мисс Ливси призналась вам, будто ей известен убийца Мура и Нейлора?

Стало быть, история менялась при каждом пересказе. Возможно, Гвинн решила ее приукрасить.

— Городские власти меня не нанимали, — заметил я. — Разумеется, обычная процедура подразумевает ответственность перед клиентом. Когда в расследовании намечается прорыв, клиента следует ставить в известность. — Я похлопал себя по карману. — Да, намерен.

— Она уверяет, что не говорила ничего подобного. Отрицает, что произнесла хотя бы слово.

— Этого следовало ожидать, — сочувственно покивал я, — но я надеялся, что мисс Ливси воздержится от отрицаний. Однажды она уже отрицала, что на протяжении часа и трех минут прогуливалась с Нейлором в тот день, когда его убили. Отрицать она умеет.

Хофф провел языком по губам, проглотил комок в горле.

— Ваш отчет уже готов. Он у вас в кармане.

— Да, сэр. — Я широко распахнул пиджак. — Справа карман с отчетом. Слева кобура с автоматическим пистолетом системы «Уэмбли». Все на своих местах.

Казалось, вид кобуры не особо его впечатлил. Карман заинтересовал Хоффа куда сильнее. Затем его взгляд снова уткнулся в мои глаза. Он уступал буравчикам Френкеля в остроте и напряженности, зато выигрывал в устойчивости.

— Чего именно вы хотите добиться от мисс Ливси? — спросил Хофф.

— Это от нее зависит, — пожал я плечами. — Может, мы просто хотим проучить ее. Нехорошо ведь отрицать очевидные вещи.

— Она… — Он снова облизал губы. — Она сказала правду.

— Прекрасно, дружище! Вам виднее.

— Я это точно знаю. Человек я небогатый, Гудвин. В денежном смысле похвастаться мне нечем, приходится считаться с реальностью. Я дам вам пять тысяч долларов наличными. Могу раздобыть эту сумму уже завтра, если только вы хорошенько подумаете и решите, что неверно ее поняли. Это ведь не сложно: вам не придется извиняться и брать свои слова назад. Просто скажите, что неправильно ее поняли.

— Только не за пять штук.

— Но я… — Хофф взял паузу, чтобы подумать. — Сколько?

— Не за деньги. Они мне не нравятся. Они скру-

чиваются на уголках. Я могу выслушать ваши доводы, если мисс Ливси придет сейчас сюда или отправится со мной к мистеру Вулфу, чтобы произнести хоть одно слово правды. При условии, что это правдивое слово будет стоить хотя бы десять центов.

— Она сказала правду.

— Вам виднее.

Самнер Хофф молчал. Медленно, постепенно его пальцы сложились в два кулака, но он явно не собирался бросаться на меня или причинять ущерб обстановке. Спустя какое-то время судорожно стиснутые в кулак пальцы вновь разжались.

— Ради всего святого! — взмолился он. — Вы что, не понимаете, чем это может закончиться? Не понимаете, какая опасность ей теперь грозит? — Он едва не скулил. — Сами знаете, что́ случилось с Нейлором… Вы хоть на минуту отдаете себе отчет в том, что ставите ее жизнь под угрозу? Это каким же бессердечным ублюдком надо быть…

Я подался вперед и похлопал его по колену.

— Слушай-ка, дружочек, — медленно и отчетливо произнес я, — на кону именно то, что ты думаешь. Ставки и впрямь высоки. Не нравится

— не играй.

Он так резко убрал колено в сторону, словно я размазывал по нему колонию бактерий, бочком сполз со стула и устремился прочь из моего кабинета.

Теперь мне казалось, что услышанное и увиденное вполне оправдывает потерю монетки. Посему, проследив за Хоффом, который прошествовал через общий зал к кабинету Хестер, я вышел и направился к телефонным будкам в углу «стадиона».

Я коротко перечислил Вулфу недавние события и спросил, не желает ли он выслушать подробности. Вулф заверил меня, что спешки нет, все это подождет до тех пор, пока я не вернусь домой, но тут же опроверг сам себя, задав множество вопросов. В отличие от меня, он явно считал, что мы добились чего-то ценного, но в итоге ослабил хватку.

Возвращаясь по проходу, я поймал на себе взгляды всех, кто был в помещении. Три сотни пишущих машинок временно прекратили трескотню. Дэна Эндрюс[13] и тот смутился бы от такого внимания.

---

[13] Примечания: 13

Дэна Эндрюс (1909–1992) — американский актер, сыгравший одну из ролей в упомянутом выше фильме «Лучшие годы нашей жизни».

Дойдя до двери своего кабинета, я постоял в задумчивости, но не из желания продлить удовольствие зрителям. Дверь оказалась закрыта, а я был уверен, что, уходя, оставил ее нараспашку. Я открыл ее, вошел и тут же снова прикрыл при виде стоявшей внутри Хестер Ливси.

Я сделал шаг навстречу, она сделала два, и ее правая рука вцепилась в мою левую.

— Прошу вас! — выдохнула она, подняв лицо.

— О чем просите? — сухо осведомился я.

— Прошу, не поступайте так со мной! — При этих словах она вцепилась в меня второй рукой. — Не надо! Пожалуйста!

Я сохранял неподвижность, не предлагая ее рукам задержаться, но и не намекая неловким жестом, будто меня беспокоит их прикосновение. Запрокинутое лицо Хестер было настолько близко, что меня поразила чернота зрачков. Этой близости она добивалась сама, а что устраивало ее, то устраивало и меня.

— Я никак с вами не поступаю, — заметил я. — Мне кажется, вы чудесно…

— Поступаете! Вы распространяете обо мне лживые слухи! Вы беззастенчиво, злонамеренно лжете!

— Конечно лгу, — кивнул я; дыхание Хестер

было сладким. — Вы не знакомы с Солом Пензером, не так ли?

— Что… Кто… Вы сейчас…

— Сол Пензер. Мой добрый друг и лучший сыщик во всем мире. Он видел вас с Нейлором в тот вечер. Значит, вы солгали. А ведь я настолько боготворю вас, что готов принять за образец и повторять каждый ваш шаг. Жить не смогу, если не буду подражать вам. Поэтому я тоже солгал.

Пальцы ее разжались. Она отступила на шаг.

— И мне сразу стало намного легче, — добавил я.

— То есть вы признаёте, что солгали? — спросила она.

— Перед вами? Ну разумеется. Но больше не призна́ю ни перед кем. Наш первый маленький секрет, только между нами. Если вы не настолько меня любите, чтобы иметь общие секреты, это поправимо. Мы можем поехать к Ниро Вулфу и признаться, что оба солгали, а потом рассказать ему всю правду. Так и сделаем?

Она тяжело дышала. Все так же сладко, надо думать. Однако я стоял слишком далеко, чтобы чуять эту сладость.

— Вы это серьезно, — сказала она, утверждая, а не спрашивая.

— Я всегда говорю исключительно серьезно. Давайте вместе поедем к мистеру Вулфу и покончим с этим.

— Мне казалось… Я считала, вы… — Она умолкла. Голос готов был задрожать, но не позволили губы. — Вы ужасный человек! Я думала… Вы отвратительны!

Без всякой суеты она подошла к двери, открыла ее и вышла, не оглянувшись.

Глава 32

Тем вечером, в четверть двенадцатого, в кабинете Ниро Вулфа раздался телефонный звонок. Я взял трубку, и голос Фреда Даркина сообщил:

— Огни погашены, она мирно спит в своей постели. Христа ради, Арчи, ты же не хочешь, чтобы я…

— Хочу, — твердо ответил я, — и мистер Вулф тоже хочет. Тебе поручено задание. Кстати, чем ты зарабатываешь на жизнь? Следишь — и следи, глаз не отводи. — Повесив трубку, я сказал Вулфу: — Фред докладывает, что она погасила свет. Признаюсь, я испытал облегчение. Я ведь женился бы на ней, не сговорись она с Хоффом насчет той распроклятой лжи. Не хочу иметь с этим ничего общего, но сегодня, пожалуй, мне будут сниться кошмары.

Вулф не потрудился даже хрюкнуть.

Я неплохо знаю Вулфа, намного лучше других. И все же мне так и не удалось понять, нашел ли он в моем докладе о событиях дня хоть что-то, что могло сойти за слово, или жест, или контрманевр, которых он так ждал. Моему подробному рас-

сказу он уделил должное внимание: выслушал его, сидя в кресле без движения, с закрытыми глазами, и задал великое множество вопросов.

Он даже захотел услышать, что именно ответила мне мисс Абрамс, секретарша из приемной на тридцать шестом этаже, когда я вручил ей отчет для мистера Пайна. Я отнес его наверх в половине пятого, как обычно, и она сообщила мне, что Пайн сейчас занят, но она непременно передаст ему конверт прежде, чем он покинет здание.

В ту ночь кошмары меня не мучили, но, будь в моей постели жена, она наверняка спросила бы утром, отчего я так метался во сне. Мне и прежде доводилось подвергать опасности чьи-то надежды на тихое счастье, но на этот раз все было иначе. Все как-то странно перевернулось.

Едва завидев Хестер Ливси, я сразу ощутил, что она попала в беду, из которой никто, кроме меня, не сможет ее вызволить. И что теперь? Я своими руками надел ей на голову бумажную мишень, надеясь привлечь внимание убийцы, который уже дважды выходил сухим из воды. Согласитесь, интересный способ помочь человеку.

Выходя из дому во вторник, в первоапрельский День дурака, я немного волновался из-за молчания телефона, хотя сидеть возле него не было

ни малейшей причины. Фред точно не станет звонить, пока Хестер не выйдет на улицу, а потом у него уже не будет такой возможности.

Я вошел в здание на Уильям-стрит за четверть часа до начала рабочего дня, в девять пятнадцать, и притаился в углу вестибюля, который мы с Солом облюбовали восемью днями ранее. Народ уже начинал подтягиваться.

Хестер явилась за пять минут до срока. Когда она уже скрылась в лифте, я заметил Фреда Даркина, который прошел за ней в вестибюль и остановился в десяти шагах от меня. С другой стороны появился Билл Гор. Он обменялся парой знаков с Фредом и прошествовал дальше. Фред отошел к газетному киоску, купил газету и покинул здание.

Я поднялся на лифте на тридцать четвертый этаж, добрался до своего кабинета, распахнул дверь и уселся наблюдать, чувствуя упадок сил. Разведенный нами огонь не сумел выкурить Хестер из норы, в которую она забилась, и, похоже, уже начал чадить, потухая.

Не в моем вкусе просто сидеть сложа руки и ждать, пока кто-нибудь не заглянет. Впрочем, мои мучения длились недолго: зазвонил телефон. Я бросился к аппарату, словно молодой отец,

жаждущий услышать: «Поздравляю, у вас мальчик!», но это всего-навсего был Джаспер Пайн, приглашавший меня поговорить. Я повиновался.

На тридцать шестом этаже меня без проволочек проводили к Пайну. Он стоял в одиночестве в самом центре своего просторного кабинета. В руке зажат листок бумаги, на лице — неизбывная печаль. Когда я приблизился, он потряс бумажкой перед моими глазами.

— Этот отчет! — прогремел он под стать Бену Френкелю, но без грозовых раскатов в сильном, низком голосе. — Что это такое?

— А вы его прочли? — спросил я.

— Да.

— Все так, как написано, мистер Пайн.

— Эта женщина… — он сверился с листком, — эта Хестер Ливси, что́ она вам сказала?

— Все то, что там указано. Что она не осмеливается вновь встретиться с мистером Вулфом и отвечать на его вопросы, потому что знает, кто убил Мура. Вы помните, возможно, что она была с Муром обручена. Вот и все, если только вам не нужны точные ее слова. Как я понимаю, теперь она отрицает, что призналась мне. Нейлор тоже отрицал, но вы сами знаете, что́ с ним случилось. Я намерен заняться мисс Ливси вплотную и по-

стараюсь уговорить ее навестить мистера Вулфа.

— Никаких имен? Она так и не назвала убийцу?

— Нет. Пока нет.

— Полиции вы уже сообщили?

— Опять же пока нет. Мы не считаем, что обычная полицейская тактика возымеет успех. Только не в случае с мисс Ливси.

На столе у Пайна что-то зажужжало. Он отошел снять телефонную трубку, пару минут говорил о чем-то не связанном со смертью, а затем обогнул стол и рухнул в свое рабочее кресло.

— Будь оно все неладно! — произнес Пайн. — Слишком много дел сразу, как всегда. — Он смотрел на меня набычившись. — Мистер Нейлор уверял, что не говорил вам ничего подобного. Он обвинил вас во *лжи*. Теперь то же самое делает эта женщина.

— Да уж, — кивнул я. — Моя репутация еще не терпела подобного урона. Нейлору вы не поверили. Теперь, если хотите выравнять счет, можете поверить мисс Ливси.

— Надеюсь, вы знаете, что́ делаете… что с ней может случиться.

— Мы присматриваем за ней, — снова кивнул я.

— Хорошо. — Пайн поднял трубку с одного из аппаратов на столе. — Держите меня в курсе. Дайте знать, если она согласится на встречу с Вулфом.

— Непременно, — заверил я и вышел, а по дороге из приемной воспользовался телефонной будкой, чтобы сообщить Вулфу, что слова и жесты посыпались на нас уже сверху.

Весь остаток утра я раскладывал пасьянс без колоды. Сидел как приклеенный на стуле, повернутом к открытой двери, и ни одна живая душа не захотела скрасить мне день. Ожидание было монотонным и донельзя утомительным.

Хестер скрывалась за закрытой дверью. В 10:15 она совершила единственную вылазку в кабинет Розенбаума, где провела более часа — видимо, писала под диктовку. Вторично я увидел мисс Ливси в час дня, когда настал ее обеденный перерыв и она вышла из кабинета в пальто и шляпке.

Мы не стали здороваться, но я спустился в том же лифте, что и она. Передал ее с рук на руки Биллу Гору в вестибюле, а сам направился в забегаловку на дальней стороне улицы, где заправился сэндвичами с молоком.

Вновь оказавшись в своей конуре, я решил, что одиночество мне опостылело, позвонил в секцию

резервного персонала и объявил, что мне нужна стенографистка и только мисс Феррис способна меня выручить. К тому времени я уже их выдрессировал, и Гвинн незамедлительно возникла на моем пороге с блокнотом в руках. Свой стул я предусмотрительно переставил так, чтобы она не сильно загораживала обзор.

— Я в первый раз буду писать под твою диктовку, — сказала она, присаживаясь. — Постарайся не слишком торопиться.

— Ну конечно, — согласился я. — У нас весь день впереди. Я буду диктовать письмо комиссару полиции. Ка-о-эм-и-эс-эс-а…

— Воображаешь себя умником, да?

— Я очень умный, даже не сомневайся. Поехали. «Дорогой мистер комиссар, я бы хотел подать жалобу. Самая красивая девушка на свете предала мое доверие. Она обещала никому не рассказывать мою тайну, но потом развязала язык. За сто минут она поделилась ею с сотней человек. Ее зовут Гвинн Феррис, и она…»

— Не буду я писать такое! Все было не так!

— Ты только не кричи, дверь же открыта, — улыбнулся я, стараясь быть обаятельным. — Я знаю, дорогая моя Гвинн, что ты рассказала всего-то пяти или шести сослуживцам и каждый

божился, что ни словечка не сболтнет. Помнишь тот первый день, когда я только пришел к вам? Как замечательно ты мне тогда помогла. — Я потянулся вперед, забрал блокнот, в котором она начинала писать, вырвал страницу и вернул блокнот ей. — Забудь про диктовку. Мне просто захотелось увидеть тебя. Но нам лучше поддерживать деловую атмосферу: на нас люди смотрят. Есть какие-нибудь новости?

— Конечно есть. — Гвинн закинула ногу на ногу и исполнила ритуал с одергиванием подола. — Все спорят до хрипоты, кто из вас врет — ты или Хестер.

— Надеюсь, общие симпатии на моей стороне.

— Надейся, но кое-кто предпочитает ее. Вот идиотки! Например, та глупая коротышка Энн Мерфи… Ты с ней знаком?

— Не слишком близко.

— Она грозится бросить заявление в ящик для жалоб. Дескать, ты ставишь жизнь Хестер под угрозу! Как тебе такое? И еще, да-да-да! Боже, почему я сразу не сказала? Мистер Пайн, наш президент… Он просил свою секретаршу позвонить Ливси, чтобы та явилась к нему, а Ливси сказала, что не явится, и тогда мистер Пайн сам ей позвонил, но она все равно сказала, что не хочет его

видеть! Как тебе такое? Президент упрашивает ее подняться к нему в кабинет, а она ни в какую! Это так на нее похоже! Богом клянусь, теперь Ливси точно уволят!

— Не так громко. Откуда тебе все это знать? Что она отказалась встретиться с Пайном? Я не верю.

— Ты мне *не веришь*?

— Не-а.

— Ну и ладно, ну и не верь. Девочкам на коммутаторе, уж наверное, лучше знать. Я обедала с одной из них. Конечно, они не должны слушать разговоров, но ты же сам знаешь, как это бывает. Им ведь нужно удостовериться, что разговор закончился, чтобы разорвать соединение, правда? И ты все равно мне не веришь?

— Может, и верю. Потом расскажу. — Я потянулся вперед, чтобы похлопать Гвинн по колену, будто специально для этого созданному. — Милая, ты лучше всех дикторш, что читают новости по радио. А когда это случилось, все эти просьбы и отказы?

— Днем, перед ланчем. Не знаю, когда точно. Думаю, в ней совесть заговорила, а ты?

— По-моему, молчит пока. Еще новости были?

— Боже, ну конечно. Мистер Хофф вчера не ответил на письма, просто оставил конверты на

столе и даже не вскрыл их, наверное. А старик Берч, ну, ты помнишь, тот контролер корреспонденции с бородавкой на носу… — Гвинн умолкла, потому что я вдруг вскочил с места.

— Ты меня прости, — поспешно извинился я. — Забыл кое о чем! Мне срочно нужно позвонить. Совсем из головы вылетело.

— Я тут подожду.

Я попросил ее не беспокоиться, на сегодня с диктовкой покончено. Выскочил за дверь, метнулся по проходу к телефонной будке в углу и набрал номер Вулфа. Трубку поднял Фриц, который переключил меня на самого Вулфа.

— Вы сами говорили, — сказал я ему, — что хотите получать новости с пылу с жару. Можете сразу бросить ее в урну, но эта новость первая за долгие часы, и я боялся, что вы голодаете. Этим утром Пайн велел секретарше связаться с мисс Ливси и пригласить ее… К нему, к Пайну… А мисс Ливси отказалась. Тогда Пайн позвонил ей сам, чтобы лично вызвать мисс Ливси в свой кабинет, но она и тогда не подчинилась. Это все. Очевидно, она расстроена и не отвечает на приглашения, откуда бы те ни поступали. Что кажется странным, ведь она говорила, что нуждается в работе и что ей тут нравится. Или нравилось.

— Ты уже видел ее? Говорил с ней?

— Нет. В противном случае я сообщил бы вам.

Молчание затянулось. Оно длилось минуту, две, три, пока я не спросил:

— Алло, вы еще там?

— Да. Откуда это известно?

— Одна из моих здешних подружек, Гвинн Феррис, услышала об этом от некой девочки с коммутатора. Нарочно такое не придумаешь. Да что там, за подобные сведения я сам готов платить звонкой монетой.

— Откуда звонишь?

— Из будки.

— Хорошо. Выслушай свои инструкции.

Он снабдил меня указаниями. Несложно было сообразить, что́ задумал Вулф, и раз уж те три-четыре лжи, что от меня требовались, не делали опасную ситуацию еще опаснее, я не стал возражать. Распоряжения были довольно сложными и зависели от того, какой оборот примут события. Мне даже пришлось просить Вулфа повторить их, чтобы убедиться: я все верно запомнил.

Выйдя из кабинки и решив, что вполне могу заранее подготовиться к одному из возможных оборотов, я сначала зашел к себе в кабинет за шляпой и плащом и лишь потом пересек зал,

направляясь к Хестер. Дверь была закрыта. Я вошел, прикрыл за собою дверь, уселся на стул и положил на колени плащ и шляпу.

Хестер перестала стучать по клавишам и воззрилась на меня. Она уже не была той женщиной, с которой судьба свела меня две недели назад. Тогда нас разделяла тысяча миль, не меньше. Теперь она была рядом, вся целиком. Я что-то значил для нее, это точно, и она вглядывалась в мое лицо, чтобы понять, чтó я задумал, явившись без спроса. Она не поинтересовалась, чего я хочу. Ни слова не произнесла.

— У меня сложное положение, — буднично начал я. — Там, за этой дверью, полно людей, которые желают знать, кто из нас врет — вы или я. Все бы ничего, я и брыкаться бы не стал, но у начальства хватило наглости превратить меня в мальчика на побегушках. Впрочем… — Тут я развел руками. — Если я правильно понял, мистер Пайн, президент этой компании, приглашал вас к себе этим утром, но вы отказались с ним встретиться. — (Хестер и бровью не повела.) — Я правильно понял, так ведь? — переспросил я.

Она все-таки заговорила:

— Да. Я… да.

— Не желаете встретиться с ним сейчас? В моем

присутствии? Или без меня?

— Нет, — ответила она не задумываясь.

— Есть одно обстоятельство, которое я не совсем уяснил, — нахмурился я. — На вас кто-то пробовал надавить? С тех пор, как вы отказались встречаться с Пайном?

— Нет.

— В таком случае меня не обманули. Прекрасно! Такова уж позиция боссов, и она довольно логична, вы должны это признать. Я сказал им, что вы признались мне, будто вам известно, кто убил Уолдо Мура. Потом им сообщили, что вы отказываетесь от этих слов. Они уже поговорили со мной, а теперь хотят побеседовать с вами. Еще бы не хотели… Вряд ли вам удастся уйти от этого разговора. Но если не желаете говорить с Пайном, можно устроить встречу еще с кем-нибудь. Когда я говорю «они», это не значит, что на вас накинется вся орава. Хватит и одного, сгодится любой из трех. Вы готовы встретиться с кем-нибудь из вице-президентов?

Наверное, Хестер должна была моргать, хотя бы изредка. Считается, люди физически не способны не моргать, но я готов поклясться: она не моргала.

— Я не хочу, — произнесла она тоненьким го-

лоском, похожим на писк.

— Конечно не хотите. Это я могу понять. Но вы согласны на встречу?

— Да.

— Прямо сейчас?

— Да.

— Который из них? Назовите имя.

— Любой… Мне все равно.

— Но вы только что отказались от встречи с Пайном.

— Кто угодно… кроме него.

— Ладно. Дело в следующем. Они посчитали, что вы, возможно, согласитесь на встречу с представителем совета директоров и предпочли бы, чтобы с вами говорил человек, которого они специально наняли представлять совет в расследовании этих убийств. Этот человек — Ниро Вулф. Поедете со мной повидаться с ним? — (Хестер промолчала.) — Я не настаиваю, — пояснил я. — Вчера я призывал рассказать ему всю правду. Теперь можете говорить что вздумается. Просто они предпочитают, чтобы вы говорили с Вулфом. Если вас не прельщает такая перспектива, не надо. Выбирайте вице-президента. Любого. Может, посоветуетесь с Хоффом?

Хестер вспыхнула, и я был рад убедиться, что

кровь еще бежит по ее жилам.

— Мне не нужны его советы, — изрекла она уже не таким слабым голосом. — Ничьи советы не нужны. — Стремительным движением она подвинула стул и оказалась на ногах. — Хорошо, я поеду с вами. Погодите, мне нужно предупредить мистера Розенбаума.

Она вышла из кабинета, но через минуту вернулась, облачилась в пальто и шляпку, и мы отбыли. Знай я тогда, что в последний раз созерцаю отдел фондов компании «Нейлор-Керр», махнул бы им на прощание. Впрочем, и без широких жестов я покидал его в сиянии славы: Хестер Ливси чуть впереди меня, все взгляды без исключения устремлены на нас.

Внизу, в вестибюле, когда мы проходили мимо Билла Гора, я дал ему знак оставаться на посту. Казалось вероятным, что Хестер скоро вернется, а вот готовность Вулфа устроить облаву на убийцу, напротив, оставалась под большим вопросом.

В такси мы держались как незнакомые люди. Ни словечка.

Должен заметить, что прием Вулфа не заставил нас светиться от радости. Когда я проводил Хестер в кабинет и мы оба приблизились к его столу, Вулф зарычал на меня:

— За каким чертом ты притащил ее сюда?!

Хестер вытаращилась сначала на него, а затем на меня.

— Это, — объяснил я, — моя собственная идея. Все прошло как по нотам. Она пожелала говорить с кем угодно, кроме Пайна. Ведь вы именно этого добивались, так? Вот я и подумал: почему бы не с вами? В общем, я притащил ее сюда, чтобы знать наверняка, где она находится и чем занята. Своим враньем я спустил на нее всех собак и совершенно не желаю провести остаток дня и ночь, гадая, жива ли она еще. Во мне заговорило человеколюбие.

Вулф перевел взгляд на Хестер.

— Я несколько занят, мисс Ливси, — уже сносным тоном произнес он, — и вы мне сейчас не нужны. Но мистер Гудвин прав. Ваша жизнь подвергается опасности или может ей подвергнуться. Возможно, вам на этот счет известно больше, чем мне, но в любом случае вам следует задержаться здесь. В Южной комнате, Арчи?

Хестер уставилась на нас так, будто мы с Вулфом оба спятили, и я не стал бы ее за это винить. От меня она потребовала объяснений:

— Но вы сказали, что начальство хочет, чтобы я поговорила с ним!

Мы оба даже не заметили, как мне удалось принять ее ладонь в свои руки.

— Всего-то еще одна ложь, — утешил я. — У нас с вами отлично получается лгать друг другу. Мистер Вулф готов к решительному сражению или думает, что готов. Но вы сами слышали: вы сейчас ему не нужны. Если только не захотите начать все с чистого листа и рассказать нам всю правду…

— Нет!

— Так я и знал. Вы крайне упрямы, дорогуша. И я готов обозвать вас дурой набитой, если вам взбредет на ум вернуться в центр города или отправиться еще куда-нибудь.

— Я уже решил, — грубо вмешался Вулф, — что она не выйдет из этого дома ни при каких обстоятельствах. Теперь, когда ей известно, что я готов действовать.

Я все еще держал Хестер за руку.

— Видите? Мне бы не хотелось запирать вас в шкафу. Наверху найдется уютная гостевая комната с окном на солнечную сторону…

Мне пришлось умолкнуть, потому что она отдернула свою руку. Прошла в дальний угол и уселась в желтое кресло, выставленное рядом с большим глобусом.

— Я останусь тут, — твердо заявила она.

Я повернулся к Вулфу:

— Ее упрямство не уступит вашему. Единственный способ удалить ее из комнаты — вынести на руках. Она будет кричать во все горло и, возможно, лягаться.

— Оставь ее в покое! — велел он. — Звони миссис Пайн.

Я отошел к своему столу и набрал нужный номер.

Глава 33

Мне это не нравилось. Я считал, что Вулф в корне не прав. Я и сейчас так считаю, хотя ему удалось вывернуться. Никаких сомнений, он заполучил свой демаскирующий жест и наконец-то вышел на след преступника, но теперь следовало бы подтянуть фланги и перейти в наступление по центру — медленно, осторожно, но вместе с тем и уверенно. Но нет, это не для Вулфа. Он собирался поразить цель единственным безрассудным выстрелом, даже если в револьвере был всего один патрон, да и тот, по всей вероятности, холостой. Если бы Хестер не сидела рядом, я бы затеял спор, и довольно жаркий, но она уже и без того услышала больше, чем нужно. Поэтому я просто набрал номер.

С тех пор я задавался вопросом: а что бы стал делать Вулф, не окажись миссис Пайн дома? Она могла ходить по магазинам или привечать беспризорных питомцев на Пятой авеню, но Вулфу повезло, и обстоятельства сложились иначе. На мой звонок ответил невыразительный мужской голос. Я объяснил, что мистер Вулф желает го-

ворить с миссис Пайн, и та очень быстро взяла трубку. Я тут же подал Вулфу сигнал.

— Добрый день, миссис Пайн. — Голос Вулфа был вкрадчив и мягок. — Знаете, я оказался в неприятной ситуации. До меня дошли некие важные сведения. Самым естественным шагом было бы связаться сейчас с мистером Кремером… с инспектором полиции, вы помните… и рекомендовать ему немедленно выслать наряд, который собрал бы всех, кто находился в доме, где вы живете… всех слуг и других работников… поздним вечером в пятницу, двадцать первого марта… Да, в тот день, когда был убит ваш брат… Прошу вас, дайте мне закончить. Я понимаю, конечно, каким ужасающим неудобством это обернется для вас. Поэтому предлагаю альтернативу. Почему бы вам самой не доставить их ко мне? В мой кабинет. Всю вашу прислугу без исключений, а также всех, кто находился поблизости…

Вулфа прервал голос миссис Пайн, резкий и взвешенный:

— Это еще зачем? Господи, да о чем вы вообще говорите?!

— Вы еще не догадались?

— Нет!

— Вздор! Конечно догадались. Если только я

не ошибся в вас, что вряд ли. Разве моя просьба не делает очевидным, что я уже знаю все, кроме нескольких деталей? Я намерен получить эти детали без промедления и даю вам шанс предоставить их мне. — Голос Вулфа сделался вдруг острым и принялся колоть. — Либо вы сообщите их мне, либо мистеру Кремеру, но тогда это будет совсем другой разговор. Вы понимаете, что́ это будет значить. Ваш муж потерял голову, мадам. Сегодня он дважды посылал за мисс Ливси, но та отказалась от встречи. Вместо этого она прибыла сюда. Она и сейчас здесь, у меня на виду. После того как я передам мисс Ливси в руки полиции, мистер Кремер, разумеется, захочет поговорить с вашим мужем. Видите ли, я предпочитаю действовать напрямую. Поэтому сразу обратился к вам.

— Где мой муж?

— У себя в кабинете. Его еще никто не беспокоил.

— А мисс Ливси сейчас там, с вами?

— Да.

— Я вам не верю.

— Очень хорошо, мадам. Всего доброго. Я считал, что было бы справедливо дать вам такую возможность, раз уж вы владеете приличной до-

лей акций корпорации, на которую я работаю…

— Погодите. Вы можете подождать?

— Не слишком долго. Если вам требуется минутка, чтобы подумать, я подожду.

Минутка растянулась на все три. Мы с Вулфом сидели, прижав трубку к уху. Я развернул кресло так, чтобы присматривать за Хестер на тот случай, если ей взбредет на ум броситься вперед и прокричать что-то достаточно громко, чтобы ее услышали на другом конце провода. Я по-прежнему считал, что Вулф не прав, и так сильно прижимал трубку к уху, что едва не сломал хрящики ушной раковины. Наконец голос Сесили раздался снова:

— Буду у вас через полчаса.

Одержав верх, Вулф поднажал еще:

— Со всеми остальными? Со слугами?

— Нет. Они вам не потребуются.

— Тогда полчаса — это слишком долго.

— Мне нужно одеться. Я приеду сразу, как смогу. Вы ничего не станете предпринимать?

— Пока не увижу вас здесь, не стану. — Вулф повесил трубку и повернулся к Хестер. — Миссис Пайн сейчас приедет, чтобы все рассказать. Не хотите ли подняться наверх?

Хестер не ответила. Она не дрогнула, даже

не моргнула. Она рассматривала ковер. Сидела очень прямо, все еще в пальто, и обеими руками вцепилась в кожаную сумочку. Очевидно, за всю жизнь она не встречала ничего более занятного, чем наш ковер.

Мне хотелось наговорить Вулфу такого, что в присутствии гостьи прозвучало бы чересчур грубо, и поэтому я молчал.

Молчал и тридцать минут спустя, когда прибыла миссис Пайн.

Глава 34

Она опустилась в красное кожаное кресло. В тот день на миссис Пайн была шубка из норки и элегантное коричневое шерстяное платье в черную клетку. Прежде ей не доводилось встречаться с мисс Ливси, сказала она, и протянула той руку, которую Хестер предпочла не заметить. Миссис Пайн это ничуть не смутило. Судя по тому, как она себя держала, ее ничто не смогло бы смутить. Впрочем, некая задумчивость все-таки заставила ее воздержаться от любых реплик личного характера в мой адрес. Устроившись в красном кожаном кресле, она укорила Вулфа:

— Всего этого не случилось бы, выполни вы мою просьбу. Моего брата бы не убили. Он прекратил бы свои дурачества. Все закончилось бы как нельзя лучше.

— Нет! — возразил Вулф. — Не закончилось бы. Мне кажется неоспоримым, что ваш брат ни за что не оставил бы своих притязаний на кресло президента фирмы. И обстоятельства смерти мистера Мура так и остались бы неясными, хотя вас это не интересовало. Я бы предпочел, чтобы вы

начали с вечера той пятницы. Почему вы сказали, что ваш муж спит дома, когда это было не так?

— Потому что я не видела… Чем это вы заняты, Арчи?

— Стенографирую, — ответил я ей. — У меня это неплохо выходит.

— Прекратите! Я не хочу, чтобы вы записывали наш разговор.

— А я хочу! — резко парировал Вулф и погрозил ей пальцем. — Я намереваюсь, мадам, представить вашему совету директоров результаты работы, для которой меня наняли. Не возражаю, чтобы записи были использованы только для этого, но они мне нужны. Не вижу необходимости что-то скрывать от вас. На данный момент я знаю лишь то, что мне нужно знать, не более. Например, я всего лишь догадывался, только предполагал, что вы обманули меня, заявив, будто ваш муж крепко спит, пока ваша реакция на мою просьбу о встрече со слугами не превратила догадку в уверенность. Почему вы солгали?

— Я не лгала.

— Пф! Не лгали?

— Это вышло не намеренно. — Сесили постоянно оглядывалась, но не на меня, а на мой блокнот. — Когда вы позвонили, я была в гости-

ной. Комната мужа находится не близко, и я думала, что он уже улегся. Когда я пошла проверить, в кровати его не оказалось. Я просто решила не говорить вам. Это казалось не так уж важно в тот момент, и потому сказала, что он спит. Он пришел домой какое-то время спустя после вашего звонка…

— Какое время?

— Даже не знаю… Минут через двадцать или через полчаса. Только потом, уже позже, когда нам сообщили, что брат найден убитым, я поняла, что это мой муж убил его.

— Как вы догадались? Или он сам рассказал?

— Не в ту ночь. Но я уже знала и наутро поговорила с ним. Он признался. — Рука миссис Пайн вспорхнула с колен. — Муж рано или поздно все мне рассказывал, давно поняв, что это лучший выход.

— А когда он признался вам в убийстве мистера Мура?

— Я не намерена об этом говорить, — покачала она головой. — Не должна, по моему убеждению. — Она перестала поглядывать на мой блокнот и подалась к Вулфу. — Я понимаю, зачем вам нужны записи, и согласна рассказать все, что необходимо. Некоторые вещи я открою, чтобы

вам не пришлось обращаться к помощи полицейских, но переступать за эти рамки я не обязана. Верно, мой муж действительно убил Уолдо, но ко мне это не имеет никакого отношения. Он убил его, потому что мисс Ливси влюбилась в Мура и собиралась выйти за него замуж.

Выдержкой я все-таки уступал Вулфу. При этих словах я вскинул голову, чтобы посмотреть на миссис Пайн. Вулф же пробормотал только:

— Ревность.

Она кивнула:

— Мой муж совершенно потерял из-за нее голову… Но она, наверное, все уже рассказала?

— Не все. Я хочу выслушать вашу версию тоже. Продолжайте.

— Он познакомился с ней на ежегодном балу, который компания устраивает для сотрудников. Прошло уже больше года, а он человек страстный и увлекающийся. Он рассказал мне об этом, хотел получить развод. Время шло, но легче ему не становилось. Она не позволяла ему видеться с ней слишком часто и ни в коем случае на людях. Она все устроила чрезвычайно умно, не разрешила ему перевести себя на лучшую должность, а когда я предложила им единственно разумный выход — стать любовниками, — отказалась наотрез.

Сесили повернулась в кресле, чтобы посмотреть на Хестер.

— Очень разумный ход с вашей стороны, мисс Ливси, — признала она без неприязни в голосе, — но этот ход чрезвычайно усложнил мне жизнь.

Хестер не шелохнулась, выпад Сесили остался без ответа.

— Он намеревался развестись, — подсказал Вулф.

— Да, но я была против. Это перевернуло бы мою жизнь, а помимо всего прочего, я сделала его президентом компании. Подумать только, ради этой женщины он даже был готов пожертвовать своей карьерой. Поэтому я убедила Уолдо Мура устроиться туда на работу. — Она кивнула самой себе. — Вы не знали Уолдо. Это был самый очаровательный человек из всех, кого я встречала, пока и он мне не надоел. Безусловно, рано или поздно это случается со всеми, но я сомневаюсь, чтобы отыскалась женщина, способная устоять перед его чарами. Так вот, я устроила его на работу в отдел фондов, где уже трудилась мисс Ливси, чтобы… ну… чтобы отвлечь ее. Я даже не сомневалась, что все получится замечательно. Уолдо сделал ее своей игрушкой уже через… я забыла, но никак не более…

— Вы лжете! — Хестер все-таки разомкнула губы, и Сесили моментально развернулась к ней:

— О нет, вам совершенно нечего стыдиться, мисс Ливси! Право, не стоит! Вы единственная, кому он когда-либо предлагал руку и сердце. — Она повернулась к Вулфу. — Итак, у мужа не осталось причин требовать развода. Так я думала, но могла бы и догадаться, что он, со своей решимостью обязательно добиться всего, чего пожелает, не сможет так легко примириться с поражением. В итоге Уолдо Мур оказался убит. Об этом я рассказывать не стану. Вам это никак не пригодится, а я не обязана открывать все. В любом случае Уолдо погиб не из-за какой-то моей ошибки. Моей вины тут нет.

— Просто не повезло, — пробормотал Вулф.

Она согласно кивнула:

— Но в одном я ошиблась, и очень жестоко. Я обо всем рассказала брату. Он был старше, и еще в детстве у меня появилась привычка все рассказывать ему. Эта привычка сохранилась и потом, когда мы уже выросли. Мало-помалу я стала понимать, что брат — человек своеобразный, со странностями, и его не следует принимать всерьез. Это тоже было ошибкой — думать, что брата можно не принимать всерьез. Я не представляла

себе, как сильно, до глубины души, он мечтал возглавить бизнес, основанный нашим отцом. Я была потрясена, узнав, что он использует наши тайны, секреты между братом и сестрой, для давления на моего мужа, чтобы самому стать президентом. Я сохранила несколько писем, которые муж получил от мисс Ливси, и мой брат завладел ими, похитив их у меня.

— Вы рассказали ему, что ваш муж убил мистера Мура?

По лицу Сесили скользнула тень досады.

— Повторяю: я не стану об этом говорить, — твердо объявила она, ставя точку в этом вопросе. — Но мой брат… Да, так он и думал. Он начал угрожать моему мужу и мне тоже. Еще одна ошибка или та же самая… Зря я не принимала брата всерьез. Я сказала ему, что у него нет нужных качеств для того, чтобы управлять компанией, и что ему придется раз и навсегда отказаться от этой мысли. Тогда он… Вы знаете о рапорте, который он послал наверх, где говорилось, что Уолдо был убит. — Вулф кивнул, а Сесили махнула рукой. — Все это нельзя было спустить на тормозах, потому что усилиями брата рапорт получил огласку и по отделу поползли слухи. Мой муж не отважился скрыть это от директоров, а когда большинством

голосов те пожелали привлечь частного детектива, не смог этому воспротивиться. Мне кажется, это был блестящий ход со стороны моего брата. Никогда бы не подумала, что ему хватит мозгов придумать что-то подобное. Разве он не умница?

— Умница, — согласился Вулф. — И в итоге его убили.

— Но он ведь не мог этого знать, — возразила она. — Он изобрел очень умный способ надавить на моего мужа. Я намеревалась, конечно, положить этому конец и по-прежнему считаю, что могла добиться своего, если бы вы выполнили мою просьбу… и прекратили расследование. Оно только подзадоривало брата, заставляло его нажимать все сильнее. Если бы вы отказались от дела, думаю, мне удалось бы уговорить брата отступиться. Но затем он сказал Арчи, что ему известно имя убийцы Уолдо, а после понял, что зашел слишком далеко: он ведь хотел получить место моего мужа, а не отправлять его в тюрьму за убийство. Если бы Арчи не торчал в отделе, брат ни за что бы не проговорился ни ему, ни кому-то другому. Я встретилась с братом в тот день и заставила осознать ошибку. Вот тогда он и отказался от своих слов. Но было уже, наверное, поздно. Мой муж так и решил. Он знал, что брату

удалось заполучить письма мисс Ливси, а потому посчитал, что брат перегнул палку и не сможет пойти на попятный, даже если захочет. Так или иначе, он не доверял моему брату и не думал, что когда-нибудь сможет доверять ему. И вот… в ту ночь… — Она воздела руки.

— Да, — согласился Вулф, — в ту ночь. Когда вашего мужа не оказалось в постели, а вам рассказали о смерти брата, связать одно с другим было уже несложно. Но как он сделал это? Где был убит ваш брат и каким способом?

— Не знаю.

— Вздор! Конечно знаете. Муж все вам рассказал. — Вулф погрозил ей пальцем. — Полноте, мадам. Вам известно, зачем мне записи.

— Разве это важно?

— Не для вас. Вам ничего не важно. Но я намереваюсь отработать свои деньги, а неприятная альтернатива вам известна.

— Мой брат и мой муж были в чем-то похожи, — сказала Сесили. — Они оба ценили себя чересчур высоко. Это самодовольство и погубило брата. Сомневаюсь, что он испытал тревогу, когда муж договорился с ним встретиться, чтобы все обсудить, и усадил его в машину. Он вряд ли испугался, даже когда мой муж припарковал

автомобиль на безлюдной улице. Брат был слишком самодоволен. Он считал, что сумеет постоять за себя. Наверное, он не изменил этого мнения до самого конца. Он не испугался, когда мой муж перегнулся через спинку переднего сиденья за портфелем, а на самом деле вытащил кусок окаменелого дерева, который специально туда положил. И вот мой брат был оглушен или убит, я не знаю, первым же ударом. Муж тоже этого не понял и потому ударил еще раз. — Ее рука снова запорхала в воздухе. — Конечно, — рассудительно заметила Сесили, — этим все не закончилось, ведь то был собственный автомобиль моего мужа. Но только абсолютно уверенный в себе, самодовольный человек мог поступить именно так, как поступил он. Муж даже сохранил тот кусок окаменелости, принес его домой, отмыл и отчистил, а потом вернул на место на столе в своем кабинете. Прямо впереди, у тротуара, уже стоял угнанный автомобиль — он специально оставил его там. И перетащил в него тело. У мужа имелась своя причина увезти тело моего брата на Тридцать девятую улицу и повторить, в точности повторить все то, что он проделал с телом Уолдо. Как он рассуждал, тогда полиция решила бы, что их обоих убил один и тот же человек, и это сыгра-

ло бы ему на руку, потому что в смерти Уолдо его никто не подозревал. Так он мне объяснил, но это не более чем объяснение задним числом. На самом деле он проделал все это, потому что с телом нужно было что-то делать. И он, самодовольный, самоуверенный, решился на этот сложный и трудоемкий жест из бравады и презрения ко мне, к вам, ко всем прочим. — Сесили повернула голову. — Но только не к вам, мисс Ливси. Насколько я знаю, вы единственный человек, к кому мой муж ни за что не смог бы испытать презрение. Этим вы чрезвычайно меня заинтересовали.

Хестер не нашла что ответить.

— Что касается мисс Ливси, — хмыкнул Вулф, — тут, кстати сказать, есть одна любопытная деталь. Вечером в ту пятницу ваш брат больше часа разговаривал с ней, гуляя по улицам. О чем они говорили?

Сесили не скрыла удивления.

— Понятия не имею. — Она вновь повернулась в кресле. — О чем, мисс Ливси?

Хестер хранила молчание.

Попытку предпринял и Вулф. Он раскрыл глаза пошире и уставился на нее:

— Вы ведь не станете и теперь цепляться за свою ложь? Предупреждаю: в таком случае вы ме-

ня разозлите. Мне придется выбирать, кто соврал — вы или мой свидетель, и я не успокоюсь, пока не отстою его честное имя. Что вы обсуждали с мистером Нейлором?

Хестер заговорила, обращаясь к Вулфу. Сесили она подчеркнуто не замечала.

— Он сам захотел побеседовать и предложил встретиться.

— Что ему было нужно?

— Он думал, у меня сохранились письма, которые мне писал мистер Пайн, и хотел получить их.

— И вы отдали ему письма?

— У меня их не было. Я уничтожила их. — Хестер сглотнула вставший в горле комок. — Он не поверил мне. Он и раньше требовал у меня эти письма, угрожал выгнать… уволить с работы… если я не отдам их ему.

— Боже мой! — вырвалось у меня. Не смог удержаться. — Почему же вы молчали все это время? Почему не рассказали?

Похоже, меня тоже сочли достойным ответа. Глаза Хестер обратились ко мне.

— Как я могла? Чтобы все выплыло наружу… про мистера Пайна?

— А Хофф в курсе? Ему-то вы рассказали?

— Нет. Ему лишь известно, что я нуждаюсь в помощи.

— Но вы знали, что это Пайн убил Мура? И Нейлора?

— Нет, я… Правда, я ничего не знала. Откуда мне было знать? А то, что я думала… какая теперь разница?

Вулф не проявил интереса. Он перехватил у меня инициативу, спросив у Сесили:

— Что стало с теми письмами, которые мисс Ливси писала вашему мужу? Говорите, ими завладел ваш брат? Но их не нашли при нем, не обнаружили в его бумагах. Где они теперь?

— Эти письма тоже уничтожены, — ответила Сесили. — Муж избавился от них. Они оказались у него… вечером в ту пятницу. — Сесили уже начала хмуриться. — Разве вам этого не достаточно? За всю жизнь я еще ни с кем не говорила настолько откровенно. Готова признать, что была вынуждена довериться вам. Но какие гарантии вы дадите, что все сказанное не станет известно полиции?

У меня аж челюсть отвисла. Да неужели? В придачу ко всему остальному она еще и настолько простодушна?

— Никаких гарантий! — отрубил Вулф. — Вы

сделали все, что было в ваших силах, для установления истины, но остается вопрос о судьбе вашего мужа. Вы же не можете ожидать…

Зазвонил телефон. Я переложил блокнот в правую руку и поднял трубку:

— Кабинет Ниро Вулфа, у аппарата Арчи Гудвин.

— Арчи, слушай доклад! — Голос принадлежал Биллу Гору.

— Хорошо, говори.

Билл подчинился. То был краткий и сухой отчет о свершившемся событии. Я выслушал его, задал вопрос-другой, повесил трубку и повернулся, чтобы поделиться новостью с Вулфом:

— Весточка от Билла Гора. Мистер Джаспер Пайн выпал из окна своего кабинета, расположенного на тридцать шестом этаже. Билл подходил взглянуть на тело, и по его описанию выходит, что мистер Пайн пребывает сейчас в худшем состоянии, чем те двое, кого переехал автомобиль. Полиция констатировала смерть.

Со стороны Хестер донесся тихий стон.

Сесили не дрогнула, вообще не издала ни звука.

Вулф глубоко вздохнул и обратился к Сесили:

— Вам не потребовалось много времени, чтобы

одеться, не так ли, миссис Пайн? Одного телефонного звонка оказалось достаточно? Естественно, я ничуть не удивлен. В противном случае я не мог бы рассчитывать на подобную откровенность с вашей стороны.

Нет, она вовсе не была простушкой. «Защити свою женщину»? Только не миссис Пайн. Эта женщина в защите не нуждалась.

Глава 35

Четыре дня и четыре ночи минули, подведя нас к очередной субботе. В среду у нас состоялась долгая беседа с Кремером. Через два часа он вскочил с красного кожаного кресла и ушел, хлопнув дверью. Разговор не помог ему воспылать к нам любовью. Кремер спорил до хрипоты и ругался последними словами, но и только. У него не было ни малейшей зацепки. Он был бы безмерно рад увидеть в «Газетт» броский заголовок вроде: ПОЛИЦИЯ РАСКРЫЛА ДВА УБИЙСТВА, но до этого не дошло.

В пятницу, на следующий день после похорон Джаспера Пайна, у нас состоялась долгая беседа с тремя вице-президентами компании «Нейлор-Керр», один из которых временно исполнял президентские обязанности. Беседа была сугубо приватная, и, если это зависит от нас, ее содержание навсегда останется тайной. Вице-президенты уже успели пообщаться с Сесили, чью позицию подкрепляло изрядное количество акций (и, полагаю, мнение отца). Совет директоров так и не получил расшифровки стенограммы из моего

блокнота. Единственная копия была заперта в сейф, где хранится и поныне.

В одиннадцать часов утра в субботу, спустившись из оранжереи, Вулф застал меня за рабочим столом. Оставалось отпечатать еще несколько бумаг, связанных с делом «Нейлор-Керр», а среди них — счет на оплату оказанных услуг. К нему прилагался ясный и подробный перечень понесенных расходов — в этом вопросе Вулф был особенно дотошен, — но расходы казались каплей в сравнении с морем доходов. Если вдуматься, мне не стоило бы труда доказать Вулфу, что он сам заработал лишь десятую часть итоговой суммы. В конце концов, она и без последнего ноля казалась внушительной.

Я как раз печатал список наших издержек, когда зазвонил телефон, и мне пришлось отвлечься.

— Арчи? Угадай, кто это!

— Ты шутишь, Гвинн, дорогая! С чем спутаешь этот голос? Не глупи.

— Значит, ты еще не забыл меня? А я боялась, что ты и не вспомнишь, кто я такая. Неужели мы больше никогда не увидим тебя в отделе фондов?

— Едва ли. Не выношу промискуитет. Пэ-эр-о…

— Не умничай. Какая досада, а я ведь столько нового могу тебе рассказать! В жизни бы не подумала, что столько всего случится за одну неделю! Мистер Розенбаум теперь новый глава отдела, а мистера Эпплтона сделали… Ох, я просто должна с тобой увидеться! Мне как раз нечем заняться вечером. А тебе?

Честно говоря, мне тоже нечем было заняться. Свидание с Лили Роуэн пришлось перенести: она простудилась и не вставала с постели.

— Я просто умру, — заявил я, — если не услышу о судьбе мистера Эпплтона. Давай встретимся в баре «Рустермана» в семь часов.

— Но там нельзя танцевать! Я думала, мы…

— Прости, что перебиваю, но сейчас я немного занят. Мы сперва поедим, а потом сможем отправиться куда-нибудь еще и танцевать там хоть всю ночь напролет. Увидимся в семь, ненаглядная.

Фырканье, донесшееся из-за стола Вулфа, я проигнорировал и возобновил работу. Когда счет был отпечатан, я перечитал его и просмотрел приложения, аккуратно все сложил и сунул в конверт, а копии отнес в шкаф у дивана. Затем я вернулся к пишущей машинке, заправил лист из собственной пачки, проставил дату и принялся за дело:

Дорогая миссис Пайн,
вчера вечером я посетил…

Телефон опять зазвонил, и мне снова пришлось снять трубку.

— Арчи? Это Роза.

— Ну что ты, что ты. Представляться необязательно. Этот голос… Как поживает все остальное?

— Прекрати, — хихикнула она. — По телефону не увидишь, правда? Знаешь, прошлой ночью я легла в девять и спала до десяти утра, а теперь чувствую себя просто волшебно! Я решила выпить кофе, а он напомнил мне о тебе, и сегодня ведь суббота, вот мне и стало интересно, не занят ли ты чем-нибудь нынче вечером.

— Ничем особенным. А ты?

— Нет же, потому и звоню. Я тут подумала…

— Рад за тебя. Давай встретимся в баре «Рустермана» в семь часов.

— Мм… Это чудесное вино! И стейк, да?

— Конечно, хоть два стейка. Или, пожалуй, три. Ровно в семь?

— Да!

Вулф опять фыркнул, а я промолчал. В конце концов, меня ждала работа. Это не какая-нибудь

расшифровка готовых заметок, для творчества нужно сосредоточиться. Поехали дальше:

> Дорогая миссис Пайн,
>
> вчера вечером я посетил гадалку, хотя нечасто обращаюсь за советом к предсказателям. Меня немного обеспокоило Ваше замечание, что со временем все могут надоесть, и я захотел прояснить свои шансы. Гадалка заверила, что мне будет отпущено два месяца, не более. Что странно: выходит, пока меня хватит, я буду великолепен, но затем внезапно, без всякого предупреждения сделаюсь скучным и обременительным.
>
> К прискорбию своему, в данных обстоятельствах вынужден сообщить, что наше дальнейшее общение не принесло бы Вам долгой радости, и с сожалением прилагаю к этому письму бейсбольный абонемент. До начала игрового сезона остается две недели, так что у Вас достаточно времени, чтобы осчастливить им кого-нибудь еще.
>
> Искренне Ваш…

Я прикидывал, подписаться ли просто «Арчи»

или поставить полное имя, и уже почти решился на второй вариант, когда телефон вновь смешал мои мысли. Я взял трубку:

— Кабинет Ниро Вулфа. Арчи Гудвин у аппарата.

— Это Хестер Ливси беспокоит, мистер Гудвин.

— Доброе утро. — Поздоровавшись, я прочистил горло. — Чего вы хотите?

— Знаю, что заслужила это, — покаялась Хестер. — Я хотела извиниться, что была груба с вами, когда вы звонили вечером в четверг. Я… надеюсь, вы сможете понять. Я вообще ничего не чувствовала, была сама не своя и наговорила столько гадостей… Я хотела объясниться…

— Не стоит. Вам уже лучше?

— О да, намного лучше. Мне бы действительно хотелось кое-что объяснить вам. Вас не затруднило бы подъехать сегодня вечером… Вы ведь знаете мой адрес, правда? Небольшая квартира, где я живу вместе с мамой.

— В Бруклине.

— Да. Дом две тысячи триста девяносто четыре…

— Да, знаю. Думаю, смогу найти. А как насчет того, чтобы прокатиться со мной завтра в смешном стареньком седане мистера Вулфа? Куда-нибудь

за город? Посмотрим, не пришла ли весна?

— Простите, но завтра я не смогу, мы с мамой собирались навестить друзей. Право, не беспокойтесь…

— Что вы, никакого беспокойства! — Мне в голову пришла вдруг одна идея. — Дело в том, что я такой нескладный, неуклюжий. Боюсь, произведу неприятное впечатление на вашу маму. Пожалуй, вам следовало бы узнать меня поближе, прежде чем приглашать домой. Вы представляете, где расположен ресторан «Рустерман»?

— «Рустерман»? Ну конечно.

— Такое приятное тихое местечко с хорошей кухней. Быть может, встретимся в баре «Рустермана» сегодня вечером? Скажем, в семь?

— Что ж… Я не собиралась… Я вовсе не напрашивалась на приглашение…

— Ну что вы, я понимаю, вы не напрашивались. Но мне кажется, вам должно там понравиться. Будет очень весело. Мне-то уж точно. Придете?

— Ну…

— Вы придете.

— Хорошо, приду.

Я повесил трубку, дотянулся до перьевой ручки и подписал письмо для Сесили.

— Какого дьявола ты задумал собрать их всех

вместе? — пробурчал Вулф.

В ответ я широко улыбнулся:

— Бог знает, а я — нет. Просто-напросто я чертовски общителен. И терпеть не могу разочаровывать женщин.